

В.В. Дементьева

**РИМСКАЯ
МАГИСТРАТУРА**

**ВОЕННЫХ ТРИБУНОВ
С КОНСУЛЬСКОЙ ВЛАСТЬЮ**

В. В. Дементьева

**РИМСКАЯ МАГИСТРАТУРА
ВОЕННЫХ ТРИБУНОВ
С КОНСУЛЬСКОЙ ВЛАСТЬЮ**

**Москва:
ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ**

2000

ББК 63. 3(0) 32+67. 3

Д 30

Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М.: Инфомедиа Паблишерз, 2000. – 200 с.

Рецензенты:

**доктор исторических наук, профессор И. Л. Маяк,
кандидат исторических наук В. Н. Токмаков**

В монографии рассматривается одна из структур исполнительной власти Римской Республики V-IV вв. до н. э. – консулярный военный трибунал. Исследуются причины его создания, правовые основы введения в конституционное устройство, порядок избрания должностных лиц и сложения ими полномочий. Анализируется характер магистратуры, определяется компетенция магистратов. Изучаются вопросы численного состава коллегии военных трибунов с консульской властью, представительства в ней плебеев.

Книга предназначена для специалистов по античной истории и римскому государственному праву, студентов гуманитарных факультетов и всех интересующихся политической системой Римской Республики.

ISBN 5-901026-07-1

© Дементьева В.В., 2000

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАГИСТРАТУРЫ КОНСУЛЯРНЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНОВ	26
1.1. Терминологические вопросы обозначения должности военных трибунов с консульской властью	26
1.2. Закон о создании консулярного трибуната	37
1.3. Причины введения должности консулярных трибунов в римскую конституцию	47
ГЛАВА 2. ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАГИСТРАТУРЫ КОНСУЛЯРНЫХ ТРИБУНОВ	63
2.1. Порядок избрания и прекращения полномочий консулярных военных трибунов	63
2.2. Характер магистратуры <i>tribuni militum consulari potestate</i>	80
2.3. Объем полномочий консулярных военных трибунов	97
ГЛАВА 3. КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ КОЛЛЕГИИ КОНСУЛЯРНЫХ ТРИБУНОВ. ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ	122
3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью	122

4

3.2. Сословное представительство в магистратуре консульных военных трибунов	138
3.3. Использование консульного трибуната в социально- политической жизни <i>civitas</i>	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
Литература	179
Указатель античных имен	189
Указатель латинских и греческих терминов	192
Zusammenfassung	194

Предисловие

Процесс формирования политической системы Римской Республики, интенсивно проходивший в V-IV вв. до н. э., включал в себя как создание структур исполнительной власти, так и отказ от некоторых из них по прошествии определенного времени. К числу таких органов управления, существование которых хронологически не вышло за пределы ранней Республики, но оказало заметное влияние на государственное и социальное устройство римской общины (*civitas*), относится консулярный военный трибунат. Должность военных трибунов с консульской властью (*tribuni militum consulari potestate*) стала предметом специального изучения в предлагаемой монографии.

Магистратура консулярных военных трибунов – необыкновенно интересный объект исследования. Хочется надеяться, что и само исследование получилось не лишним интереса для тех, кто неравнодушен к ранним периодам римской истории, кто знает толк в проблемах ее изучения и представляет их сложность.

Потребность предварить текст книги авторским предисловием вызвана, в первую очередь, желанием поблагодарить тех, кто, так или иначе, способствовал ее написанию. Безусловно, огромную роль в моих творческих начинаниях сыграла профессор Ия Леонидовна Маяк, – мой безотказный научный консультант, строгий рецензент и неисчерпаемый жизненный пример. Я сердечно благодарна заведующему кафедрой истории древнего мира МГУ Василию Ивановичу Кузищину за неизменную поддержку, чуткое внимание к моим исследовательским и организационным проблемам. Мне хочется сказать слова искренней признательности и всему коллективу руководимой им кафедры, специалисты которой помогли мне квалифицированным обсуждением результатов моих исследований, советами и рекомендациями. Очень важными для повышения уровня моего профессионализма были также филологические консультации преподавателей кафедры древних языков исторического факультета МГУ, особенно Натальи Геннадьевны Майоровой, за которые я выражаю глубокую благодарность.

Я хотела бы высказать горячую признательность коллегам–романистам – Валерию Николаевичу Токмакову, Леониду Львовичу Кофанову, Михаилу Григорьевичу Абрамзону, Виктору Николаевичу Парфенову, Александру Леонидовичу Смышляеву, Елене Валерьевне Ляпустиной и многим другим за рецензирование моих работ, плодотворное общение, обмен мнениями и помощь в публикациях.

Самые теплые слова адресую я своему родному коллективу кафедры всеобщей истории и всего исторического факультета ЯрГУ во главе с профессором Михаилом Егоровичем Ериным. Я всегда ощущала заинтересованность коллег, которая стимулировала мои научные изыскания. Всем – огромное спасибо.

Деятельное участие в подготовке этой монографии приняли немецкие антиковеды – Йохен Бляйкен, Михаэль Веррле, Лоретана де Либери, приславшие мне книги и статьи, оперативно информировавшие о новых изданиях. Я высоко ценю их отношение и очень им признательна. Госпоже Л. де Либери приношу также искреннюю благодарность за корректуру резюме на немецком языке.

Завершив свою третью книгу, в первый раз публично благодарю за постоянную и разнообразную помощь, понимание и терпение мою семью, – мужа, сына и дочь.

*В. Дементьева.
Май 2000 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Основные элементы государственного устройства республиканского Рима в схематичном изложении, чаще всего, представляются, что вполне закономерно, в том виде и с теми характеристиками, которые были присущи классической Республике (287–133 гг. до н. э.), особенно III в. до н. э. Структуры исполнительной власти, состоявшие из ординарных и чрезвычайных магистратов, выглядят, в таком случае, следующим образом: к первым относятся консулы, преторы, цензоры, квесторы и эдилы, ко вторым, — диктаторы, начальники конницы и интеррексы. Однако этот набор республиканских исполнительных органов далеко не сразу появился в готовом виде; его оформлению предшествовал длительный период становления и совершенствования системы управления гражданским коллективом. В ходе этого процесса, протекавшего во время ранней Республики (509–287 гг. до н. э.), возникла должность военных трибунов с консульской властью, которой не суждено было закрепиться в сложившейся политической системе *civitas*. Относительная кратковременность ее действия на римской политической сцене, охватывающая, впрочем, немалый для жизни государства, почти восьмидесятилетний срок, с 444 по 367 гг. до н. э., отчасти обусловила то обстоятельство, что в общих трудах и, тем более, учебной литературе консулярный трибунал нередко появляется в качестве своеобразного фантома, с непонятным предназначением и характером, — то ли ординарным, то ли экстраординарным. Он возникает на страницах многих изданий мельком, с противоречиво трактующимися причинами создания, без фиксации правовых основ введения в конституционное устройство, с якобы неисторичным названием на языке оригинала, неопределенным по времени и масштабам участия в нем плебеев, неконкретной информацией о порядке избрания должностных лиц, их неясной численностью, нечетко формулируемым объемом полномочий. Разобраться в этих моментах, не упуская ни одного из них и всесторонне характеризуя консулярный трибунал, означает создать его историческую реконструкцию, в которой составляющие ее элементы будут органично (внутренне непротиворечиво), соединены и поставлены на фундамент критически осмысленных сведений совокупности источников. Попытку такой реконструкции, или, иначе говоря, построения исторической модели магистратуры *tribuni militum consulari potestate* мы предлагаем в этой монографии.

Разумеется, отмеченная «затуманенность» главных черт должности консулярных военных трибунов в исторических публикациях общего и учебного характера корнями уходит в дискуссионность и недостаточную разработанность соответствующих проблем в исследовательской литературе. Прежде чем дать обобщенный анализ специальных работ по теме, кратко остановимся на том, какое место отводят историки римской конституции магистратуре военных трибунов с консульской властью в процессе формирования политической системы *civitas*.

В первую очередь, обращает на себя внимание, что данная должность рассматривается в историографии, преимущественно, как этап складывания высшей ординарной магистратуры. Модификации этой гипотезы различны, расхождения сводятся, главным образом, к тому, на смену какой магистратуре (многочленной коллегии преторов, единоличному диктатору, понимаемому то как *magister populi*, то как *praetor maximus* и др.) приходит консулярный трибунал¹. Наиболее широко в исследованиях этого направления, особенно в немецком антиковедении, представлена концепция, согласно которой переход от царской власти к двухместному консулату был осуществлен посредством двух этапов: на первом применялась годовая диктатура, а на втором – консулярный трибунал. Так, Эрнст Корнеманн, обновляя, по словам Э. Тойблера², после долгого забвения гипотезу В. Ине и А. Шwegлера об ординарной диктатуре³, проводил линию развития высшей магистратуры (после упразднения царской власти) через годовую диктатуру, а затем через консулярный трибунал к «преторской конституции»⁴. Франц Лайфер, исходя из теории о том, что промежуточными ступенями между единоличной царской властью и полной консульской коллегиальностью были стадии неравной коллегиальности, усматривал их в «диктаторской конституции» (диктатор и начальник конницы) и в консулярном военном трибунале⁵. В его концепции неравная коллегиальность отражала «конституцию пританов», которая была заимствована этрусками у ионийских городов Малой Азии, а затем передана Риму. В современной историографии Дитер Флах выстраивает практически ту же цепочку: годичный *magister populi*, на смену ему приходят консулярные трибуны, которые уступают место консулам⁶.

Названные авторы, также как и ряд других (К. Ю. Белох, К. Ханель, Ф. Де Мартино, Р. Палмер) в построении своих схем формирования постоянной власти отталкивались от представления об отсутствии консулата до 366 г. до н. э., поэтому для них не возникало проблемы объяснения синхронного существования двух высших ординарных магистратур. Из той же посылки исходит израильский антиковед Давид Зольберг⁷, который, однако, вообще не усматривает места для консулярного военного трибунала, полагая, что таковой никогда не существовал, и что от изгнания царей до реформы 367 г. до н.

¹ См., например: Cornell T. J. *The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC)*. London and New-York, 1995. P. 226-232.

² Taubler E. *Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte*. Stuttgart, 1987. S. 626 (161).

³ Inne W. *Forschungen auf dem Gebiet der römischen Verfassungsgeschichte*. Frankfurt am Main. 1847. S. 42-53; Schwegler A. *Römische Geschichte*. Bd. 3. Tübingen, 1858. S. 125.

⁴ Kornemann E. *Zur altitalischen Verfassungsgeschichte // Klio*. 1915. Bd. 14. S. 206.

⁵ Leifer F. *Studien zum antiken Ämterwesen*. I. *Zur Vorgeschichte des Römischen Führeramts // Klio*. Beiheft XXIII. Neue Folge. Heft X. Leipzig, 1931. S. 65-66.

⁶ Flach D. *Die Gesetze der frühen römischen Republik*. Darmstadt, 1994. S. 11-18.

⁷ Sohlberg D. *Militärtribunen und verwandte Probleme der frühen römischen Republik // Historia*. 1991. Bd. XL. S. 257-274.

э. во главе римской общины стояли три *tribuni-praetores*, которые для военных нужд провозглашали диктатора. Тем самым Д. Зольберг как бы «совмещает» присутствующие в трудах других антиковедов этапы ординарной диктатуры и консульского трибуната, находя лишь одну стадию формирования высшей постоянной магистратуры на протяжении всего периода от начала республики до преобразований по законам Лициния-Секстия, к тому же отказываясь от признания реальности магистратуры консульских трибунов.

Отрицает историчность консульского трибуната как многоместной коллегии высших должностных лиц в период 444-367 гг. до н. э. и Роберт Бунзе, автор монографии, опубликованной в 1998 г. на основе диссертации, защищенной в Рурском университете Бохума⁸. Согласно его представлениям, от введения республики до законов Лициния-Секстия во главе Римского государства в качестве ординарных магистратов стояли три претора (*praetor maximus et duo praetores minores*). Военных трибунов с консульской властью Р. Бунзе считает позднейшим изобретением анналистов, а наличие в капитолийских фастах более трех имен магистратов-эпонимов объясняет избранием в эти годы *tribuni militum a populo facti*, чисто военных должностных лиц, не имевших высшей власти. Он предполагает, что с 426 до 405 гг. до н. э. выбирался один такой офицер для командования дополнительными воинскими контингентами, а затем, до 362 г. до н. э. – три. На его взгляд, присоединение в текстах источников этих офицеров к коллегии преторов привело к появлению в античной традиции «так называемого консульского трибуната» в виде четырехместной и шестиместной «коллегий». Информация о пяти, восьми и девятиместных коллегиях, содержащаяся в консульских фастах и произведениях древних авторов, им вообще признается фальсифицированной. Таким образом, сведения источников о 5, 8 и 9-ти консульских трибунах просто отбрасываются, а о 4-х и 6-ти объявляются конструкцией анналистов, совместивших в одной фиктивной магистратуре трех реальных преторов и одного или трех реальных же войсковых трибунов без империя.

Также, по существу, «упраздняет» консульский военный трибунал как особую магистратуру, иначе это мотивируя, А. В. Коптев. Согласно его точке зрения, консулат не был нововведением республиканской эпохи, возникнув в царский период в результате разделения функций между «братьями» в триаде⁹. По его гипотезе, с переходом к республике срок пользования властью был сокращен с двадцати четырех лет до одного года, компетенция царя оказалась ограничена полномочиями, которые осуществлял *rex sacrorum*, а «братья»-консулы продолжали выполнять прежние функции; «в течение длительного времени с 444 по 376 гг. до н. э. консулат такого рода при-

⁸ Bunse R. Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der „Konsulartribunen“ Trier, 1998. (Bochumer Altertumwissenschaftliches Colloquium. Bd. 31.) S. 82-181.

⁹ Коптев А. В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме // Вестник древней истории (в дальнейшем - ВДИ). 1998. № 3. С. 50.

живался в римском обществе», пока не был через десять лет юридически закреплён¹⁰ «Приживание» консулата, судя по более ранней статье того же автора, означало конкуренцию с органами локального уровня организации римского общества (консулат, по версии А. В. Коптева, представлял, также как и два трибуна плебса, уровень протогосударства – чифдом)¹¹ Этими органами локального уровня были, на его взгляд, децемвиры и десять трибунов плебса. Борьба куриально-гентильного деления с новой территориальной организацией отразилась в античной традиции о военных трибунах с консульской властью, которые, в таком случае, являются, если довести до логического конца мысль А. В. Коптева, порождением этой традиции, а не реальным историческим феноменом.

Таким образом, мы на приведенных примерах видим, что, либо консулярный трибуна́т трактуется как этап формирования консулата, либо вообще не признается его историчность как особой должности, причем, обратим внимание, для него не находится хронологического отрезка именно в процессе становления консульской магистратуры, что и служит основанием авторам для отрицания его существования.

С других позиций неизбежно должны определять историческое место магистратуры военных трибунов с консульской властью те исследователи, которые относят начало «консульской конституции» к 449 г. до н. э., или, в соответствии с Т. Моммзенем, даже к первому году Республики. Собственно, для них остается два основных варианта трактовки консулярного трибуната. Во-первых, они так же могут признать его характер ординарным, но тогда следует рассматривать наличие двух конкурировавших за право оказаться у власти постоянных магистратур как отклонение от нормы¹², а еще точнее – как затяжной конституционный кризис. Во-вторых же, они могут характеризовать его как чрезвычайную магистратуру. И тот, и другой подход присутствуют в научной литературе. Выразителем первого, в частности, можно назвать Эндре Ференци¹³, второму положили начало такие разные в построении концепций исследователи, как Теодор Моммзен¹⁴ и Генрих Зибер¹⁵

Сформулируем свое отношение к имеющимся представлениям по поводу места консулярного трибуната в эволюции римских государственных институтов. Сначала о тех взглядах, по которым он этого места вообще лиша-

¹⁰ Коптев А. В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме... С. 51.

¹¹ Коптев А. В. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме // ВДИ. 1992. № 3. С. 19.

¹² von Lübtow U. Das Römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt am Main, 1955. S. 179; Kunkel W. Kleine Schriften. Zum römischen Strafverfahren und zur römischen Verfassungsgeschichte. Weimar, 1974. S. 487.

¹³ Ferenczy E. From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976. P. 36.

¹⁴ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Leipzig, 1874. S. 169.

¹⁵ Siber H. Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lehr, 1952. S. 36.

ется. Как мы отметили, исследователи, его придерживающиеся, рассматривают магистратуру военных трибунов с консульской властью через призму процесса становления консулата, и, не обнаружив в нем ниши для консулярных трибунов, отрицают (прямо, как Д. Зольберг, или косвенно, как В. А. Коптев) их существование. Нам кажется такой угол зрения на данный объект исследования слишком ограниченным. Мы согласны, что консулярный военный трибунал не вписывается содержательно и хронологически в ход складывания ординарной магистратуры, но это не является достаточным основанием для полного списания его с исторического счета. Следует внимательно разобраться, нет ли ему иного места в процессе оформления республиканского политического уклада.

Что касается гипотезы о том, что функционирование магистратуры *tribuni militum consulari potestate* было определенным этапом в формировании консулата, то похожая картина наблюдается и в отношении таких магистратов как диктатор и интеррекс. Чрезвычайная должность диктатора понимается время от времени в таком же качестве (чаще всего, первым этапом этого процесса), что видно уже на приведенных в связи с консулярным трибуналом примерах, которых, в действительности, больше¹⁶; должность же интеррекса, тоже иногда, хотя и редко, трактуется аналогично (главным образом, как начальная годичная стадия складывания постоянной магистратуры¹⁷). В связи с этим подчеркнем, что, на наш взгляд, очень строго следует различать понятие этапа формирования институтов римской исполнительной власти в целом и этапа формирования высшей ординарной магистратуры, ибо они не совпадают (первое более широкое), и нельзя подменять одно другим. Мы полагаем, что необходимо четко разграничить систему ординарных должностей и систему должностей чрезвычайных. Формирование звеньев каждой из этих систем шло, на наш взгляд, параллельно, корректируя с той и другой стороны механизм функционирования всей исполнительной власти, косвенно и прямо влияя друг на друга, но ни в коем случае не выступая этапом в развитии звеньев другой системы. Поэтому прежде, чем вписывать консулярный трибунал в тот или иной процесс, надо определиться с его характером, — к системе ординарной или экстраординарной исполнительной власти его следует отнести. Однако этот принципиальный вопрос обойден исследовательским вниманием, он даже не ставится отдельной проблемой в специ-

¹⁶ Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.). Ярославль, 1996. С. 26-28; Она же. Историкографические концепции происхождения римской магистратуры диктатора // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1. Магнитогорск, 1994. С. 93-99; Она же. Римское республиканское междоусобие как политический институт. М., 1998. С. 6-8.

¹⁷ Дементьева В. В. Римское республиканское междоусобие... С. 35-37; Она же. Концепции происхождения римского интеррегнума // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4. М., Магнитогорск, 1998. С.39-45; Она же. Проблема времени возникновения римского интеррегнума // IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 1997. № 1 (2). С. 34-39.

альных работах, хотя в общих трудах характер должности военных трибунов с консульской властью определяется, как мы видели, диаметрально противоположно (к тому же, без аргументации). Мы считаем необходимым заострить его, так как, в противном случае, историческая модель данной магистратуры обречена быть ушербной.

Конкретные черты консулярного трибуната сравнительно редко рассматриваются в обобщающих трудах по римской истории и римскому публичному праву. При их создании только те исследователи, которые специально изучали эту магистратуру или имели собственную концепцию государственности V-IV вв. до н. э., отваживались на четко формулируемые выводы (в остальных случаях, как мы уже отметили, понять что-либо о консулярном трибунате из общих работ невозможно). Первым в этом ряду нужно, конечно же, упомянуть Бартольда Георга Нибура, который еще в «Лекциях по римской истории» сформулировал свой взгляд на должность военных трибунов с консульской властью¹⁸ Сам Б. Нибур написал в частном письме от 18 мая 1811 г.: «Заслуга книги состоит в критике истории и в прояснении множества отдельных пунктов конституции, законов и т. д.»¹⁹; к числу этих «проясненных мест» следует отнести и указания на причины возникновения должности консулярных трибунов, и аргументацию количества членов коллегии. Но суть этой магистратуры, особенно в отношении компетенции магистратов, казалась Б. Нибуру, в условиях полного отсутствия на тот момент специальных работ по проблеме, весьма смутной и неясной²⁰ Конкретные его выводы о консулярном трибунате мы изложим в соответствующих разделах основной части нашей работы, а сейчас только отметим, что в главном своем труде, «Римской истории», Б. Нибур сохранил все положения «Лекций», касающиеся консулярного трибуната, и не изменил их в переизданиях книги²¹ Как отметил автор биографии основоположника романистики, финский историк Сеппо Риткёнен, «изображение Нибуром времени консулярного трибуната и лициниевых законов не претерпело изменения в связи с эволюцией его политических оценок»²² В целом же, С. Риткёнен отмечал, что демократическая идеология, которая в конце XVIII в. имела сильное распространение, оставила следы в творчестве Б. Нибура, сказавшись на его осмыслении римской конституции, чье развитие он видел в демократическом направлении²³. Позднее историки будут находить в конституции республиканского Рима все больше аристократических или олигархических черт.

¹⁸ Niebuhr B. Vorträge über römische Geschichte. Berlin, 1846. Abt. 1. Bd. 1. S. 329-333.

¹⁹ Lebensnachrichten über Bartold Georg Niebuhr aus Briefen desselben und aus Erinnerungen seiner nächsten Freunde. Hamburg, 1838. S. 497.

²⁰ Niebuhr B. Vorträge über römische Geschichte... S. 331.

²¹ Niebuhr B. Römische Geschichte. Berlin, 1853. S. 570-574.

²² Rytkönen S. Bartold Georg Niebuhr als Politiker und Historiker. Helsinki, 1968. S. 329.

²³ Ibid. S. 99.

Свое понимание не только основных тенденций развития римской конституции, но и частных вопросов истории консульного трибуната продемонстрируют антиковеды уже непосредственно следовавших за Б. Нибуром поколений. Пожалуй, ближе других исследователей в характеристике магистратуры консульных трибунов стоял к нему А. Шwegлер²⁴, расходясь, правда, со своим авторитетным предшественником и в определении численного ее состава, и в нюансах трактовки ее возникновения.

Новым содержанием наполнил представление о должности *tribuni militum consulari potestate* Теодор Моммзен в «Римской истории»²⁵, и, особенно, в «Римском государственном праве»²⁶. Вольфганг Кункель отмечал, что каждое предложение «Государственного права» Т. Моммзена имеет непосредственное отношение к целостной концепции его труда, а Йохен Бляйкен добавлял, что любая фраза этого сочинения связана и с изображением общего хода истории, позволяя читателю никогда не терять в ней ориентацию²⁷. Также целенаправленно, во всем согласуясь с авторской глобальной концепцией римского конституционного устройства, изложен и материал о консульном трибунате. Уделив внимание проблеме численности коллегии консульных трибунов, их полномочиям, связи данной должности с военной организацией Рима, Т. Моммзен четко сформулировал или приблизительно наметил многие вопросы последующих дискуссионных обсуждений, постановку которых мы воспроизведем в основной части нашей книги, пытаясь дать собственное их решение.

Из общих трудов, изданных во второй половине XIX в., отметим содержащие внятную и часто оригинальную трактовку отдельных сторон консульного трибулата основательные исторические сочинения Людвига Ланге (внимание к причинам появления и сфере компетенции)²⁸, Эрнста Херцога (изложение законодательных изменений, связанных с функционированием данной магистратуры, а также полномочий консульных трибунов)²⁹, П. Виллемса (осмысление правовых основ введения должности, роли сената в переходе к ней)³⁰, И. В. Нетушила (замечания о времени и предпосылках возникновения магистратуры)³¹.

²⁴ Schwegler A. *Römische Geschichte...* S. 109-117.

²⁵ Моммзен Т. *История Рима*. Т. 1. СПб., 1994. С. 237-238.

²⁶ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. Leipzig, 1874. S. 165-175.

²⁷ Bleicken J. *Im Schatten Mommsens. Gedanken zu Wolfgang Kunkels Buch über die Magistratur in der römischen Republik // Rechtshistorisches Journal*. Frankfurt am Main, 1996. Bd. 15. S. 9.

²⁸ Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. 1. Berlin, 1876. S. 646-661.

²⁹ Herzog E. *Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung*. Bd. 1. Leipzig, 1884. S. 735-740.

³⁰ Виллемс П. *Римское государственное право*. Киев, 1890. С. 299-301.

³¹ Нетушил И. В. *Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима*. Вып. 1. Харьков, 1894. С. 169-171.

Ряд крупных трудов по Римской Республике, ее истории, конституционному устройству, социальным отношениям, созданных на протяжении XX века, касались, в той или иной степени, магистратуры военных трибунов с консульской властью. Среди них выделим дающие информацию для серьезных размышлений исследования Эдуарда Мейера³², Карла Юлиуса Белоха³³, Кристера Ханеля³⁴, Гаэтано Де Санктиса³⁵, Фридриха Корнелиуса³⁶, Герхарда Дулькайта³⁷, Франческо Де Мартино³⁸, Эрнста Мейера³⁹, Роберта Вернера⁴⁰, Жака Эргона⁴¹, Антонио Гуарино⁴², Роберта Палмера⁴³. В определенной мере примыкают к ним, отчасти созданные на базе их результатов, а отчасти на самостоятельной интерпретации источников, издания справочного характера, энциклопедические очерки, отдельные публикации комментариев к сочинениям античных авторов. В их числе для разработки избранной нами тематики наиболее содержательны статья Ленгле (к сожалению, инициал не указан) в энциклопедии Паули-Виссова⁴⁴, справочник Т. Р. Броутона о римских магистратах⁴⁵, комментарии к тексту Ливия, опубликованные Р. М. Огилви⁴⁶, лексикон Х. Мейсона⁴⁷, раздел о государственном устройстве республиканской эпохи, написанный В. Кункелем (отражающий, впрочем, более поздний период) в солидном справочном пособии по истории римского права⁴⁸.

Очень важны для анализа проблемы антиковедческие исследования, посвященные смежным, иногда довольно широким, а иногда и сугубо частным

³² Meyer Ed. *Kleine Schriften*. Halle, 1924.

³³ Beloch K. J. *Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege*. Berlin und Leipzig, 1926.

³⁴ Hanell K. *Das Altrömische eponyme Amt*. Lund, 1946.

³⁵ De Sanctis G. *Storia dei Romani*. Vol. II. Firenze, 1967.

³⁶ Cornelius F. *Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte*. München, 1940.

³⁷ Dulckeit G. *Römische Rechtsgeschichte*. München und Berlin, 1952.

³⁸ De Martino F. *Storia della costituzione Romana*. Napoli, 1958.

³⁹ Meyer Er. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. Zürich und Stuttgart, 1961.

⁴⁰ Werner R. *Der Beginn der römischen Republik*. München -Wien, 1963. S. 283-294.

⁴¹ Heurgon J. *The Rise of the Rome to 264 B C*. London, 1969. P. 173-175.

⁴² Guarino A. *Storia del diritto romano*. Napoli, 1975.

⁴³ Palmer R. *The Archaic Community of the Romans*. Cambridge, 1970.

⁴⁴ Lengle. *Tribunus militum consulari potestate* // Pauly / Wissowa *Real-Encyclopädie der classischen Alterthumwissenschaft*. Zweite Reihe. Bd. VI. Halbband 12. Stuttgart, 1937. S. 2448-2453.

⁴⁵ Broughton T. R. S. / Patterson M. L. *The magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1. 1951; Scholars Press reprint, 1986. Vol. 1. P. 52-113.

⁴⁶ Ogilvie R. M. *A Commentary on Livy*. Books 1-5. Oxford, 1965.

⁴⁷ Mason H. J. *Greek Terms for Roman institutions*. A Lexicon and Analysis. Hakkert Toronto, 1974. *American Studies in papyrology*. Volume Thirteen. P. 99-100.

⁴⁸ Kunkel W. *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik* // *Rechtsgeschichte des Altertums im Rahmen des Handbuchs der Altertumwissenschaft*. 3. Teil. 2. Band. 2. Abschnitt. München, 1995.

вопросам изучения римской политической системы, имеющие отношение к рассмотрению функционирования римских магистратур. В этой группе следует назвать содержащие наиболее нестандартные наблюдения о консульском трибунате монографии Карла Нойманна⁴⁹, Ульриха фон Любтова⁵⁰, Джузеппе Валдитары⁵¹, статьи Вильгельма Зольтау⁵², Курта фон Фритца⁵³, Аурелио Бернарди⁵⁴, Унто Паананена⁵⁵

Весьма представительна серия книг и статей 90-х гг., появившихся в отечественной историографии, переживающей всплеск интереса к тематике ранней Республики. Для осмысления нашей проблемы, в первую очередь, интересны характеризующиеся широтой взгляда в сочетании с глубиной анализа труды Ии Леонидовны Маяк⁵⁶. Отметим аргументированность выводов и информативность работ В. Н. Токмакова⁵⁷ и Л. Л. Кофанова⁵⁸, не-

⁴⁹ Neumann K. Die hellenistischen Staaten und die römische Republik. Leipzig, 1920.

⁵⁰ von Lübtow U. Das Römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt am Main, 1955.

⁵¹ Valditaro G. Studi sul Magister populi. Dagli ausiliari militari del rex ai primi magistrati repubblicani. Milano, 1989.

⁵² Soltau W. Zur römischen Verfassungsgeschichte // Philologus. 1916. Bd. XXVIII. S. 524-529.

⁵³ von Fritz K. The Reorganisation of the Roman Government in 366 B. C. and the so-called Licinio-Sextian Laws // Historia. 1950. Heft 1. P. 3-44.

⁵⁴ Bernardi A. Patrizi e plebei nella costituzione della primitiva repubblica romana // Rendiconti Istituto Lombardo. 1945/6. Vol. LXXIX. P. 3-14; Idem. Dagli ausiliari del rex al magistrati della repubblica // Athenaeum. 1952. Vol. XXX. P. 3-58.

⁵⁵ Paananen U. Legislation in the comitia centuriata // Acta Instituti Romani Finlandiae. Helsinki, 1993. Vol. XIII. P. 14-23.

⁵⁶ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993; Она же. К вопросу о понимании термина *civitas* в современной науке // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Тез. юбил. конф. Ярославль, 1995. С. 173-174; Она же. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина (эпоха ранней Республики) // Античность и средневековье Европы. Вып. 3. Пермь, 1996. С. 122-127; Она же. Взаимодействие властей в раннем Риме: историко-ведческие заметки к трактату Цицерона *De re publica* // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 28-33; Она же. О переводе термина *tribunus plebis* // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 66-70. Она же. Понятие власти и собственности в сочинении Авла Геллия // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 8-27.

⁵⁷ Токмаков В. Н. Воснная организация Рима Ранней республики (VI-IV вв. до н. э.). М., 1998; Он же. Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики (V-IV вв. до н. э.) // ВДИ. 1994. № 3. С. 39-49; Он же. Структура и боевое построение римского войска Ранней республики // ВДИ. 1995. № 4. С. 138-160; Он же. Некоторые аспекты консульской власти в конституции Рима V в. до н. э. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 34-41; Он же. Куриатные комиции и военные магистратуры в Раннем Риме // Власть, человек, общество в античном мире... С. 121-130; Он же. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // ВДИ. 1997. № 1. С. 43-59. Он же. *Tribunica potestas* в Ранней республике: военно-правовой аспект // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 67-77.

⁵⁸ Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI-IV вв. до н. э.) М., 1994; Он же. Создание трибуната: изначальная идея трибунской власти // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 69-75; Он же. Закон и обычай как инструменты власти в архаическом Риме // Власть, человек, общество в античном мире... С. 117-120; Он же. Роль коллегии авгугов в разработке римского архаического права Рима // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1997. № 1 (2).

традиционность и оригинальность подходов в статьях А. В. Коптева⁵⁹, тщательность проработки конкретных сюжетов публикаций Н. Г. Майоровой⁶⁰, А. М. Сморгчкова⁶¹, О. В. Сидорович,⁶² Л. П. Кучеренко⁶³ Столь заметное повышение внимания к периоду становления Римской Республики в отечественном антиковедении уже дает ощутимые результаты. Однако в российской романистике, в плане изучения должности военных трибунов с консульской властью как специального объекта исследования мы, вместе с тем, не имеем непосредственных предшественников.

Не так много их у нас и в мировой историографии в целом, в которой не набирается и полутора десятка статей, посвященных собственно теме консульского трибуната. Первым, кто начал ее целенаправленную разработку, был австрийский историк Оттокар Лоренц, опубликовавший в 1855 г. журнальную статью «О консульском трибунате», тиражированную вскоре отдельным оттиском⁶⁴. В этом очерке О. Лоренц попытался рассмотреть эволюцию данной магистратуры, сделав выводы о постепенном увеличении числа магистратов и их должностной власти, а также изложив свои представления о процедуре выборов. Несогласие с его наблюдениями по этим и другим, более частным, вопросам высказал по горячим следам Людвиг Лан-

С. 18-23; Он же. Атрибуты власти магистратов в архаическом Риме // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 35-54.

⁵⁹ Коптев А. В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме... С. 27-52; Он же. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме... С. 3-28; Он же. Правовой механизм передачи власти в архаическом Риме и сакральные функции трибуна целеров // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1997. № 1. (2). С. 24-33; Он же. *От praepositus celerium к magister equitum*: Целер, Брут и проблема наследования царской власти в архаическом Риме // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1998. С. 53-64.

⁶⁰ Майорова Н. Г. Трибуны и фециальное право. К интерпретации Кавдинского эпизода // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1996. № 1. С. 76-79; Она же. Институт фециалов в раннем Риме // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 78-81.

⁶¹ Сморгчков А. М. Взаимодействие общественных и частных празднеств в римской религии // Вестник Московск. ун-та. Сер. 8. История. 1991. № 5. С. 49-56; Он же. Определенные грешности ауспийцев авгульской коллегией // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 78-85; Он же. Положение жречества в эпоху ранней республики // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1996. № 1. С. 42-46; Он же. Коллегия понтификов: частно-правовые функции // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 55-66.

⁶² Сидорович О. В. Некоторые аспекты конституционного развития Рима ранней республики // Античность и современность. Докл. конф. М., 1991. С. 75-77; Она же. Дивинция: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 69-96; Она же. Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1996. № 1. С. 47-52;

⁶³ Кучеренко Л. П. Сословная борьба патрициев и плебеев в Древнем Риме. Сыктывкар, 1990; Она же. Цензоры в социально-политической жизни ранней Римской республики // Политические структуры и общественная жизнь Древнего Рима. Ярославль, 1993. С. 26-34; Она же. Род Клавдиев в политической жизни раннереспубликанского Рима // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 3-12.

⁶⁴ Lorenz O. Über das Consulartribunat. Besonderer Abdruck. Wien, 1855. - 29 s.

ге, откликнувшись написанием статьи «О количестве и должностной власти консулярных трибунов». Она была опубликована так же в австрийском журнале, но мы знакомимся с ней по геттингенскому изданию 1887 г. в сборнике небольших сочинений этого автора⁶⁵, перу которого принадлежит и солидный во всех отношениях, уже упомянутый нами, труд «Римские древности». В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. были напечатаны еще две статьи по консулярному трибунату, найти которые мы не смогли: А. М. Витковско-го (Witkowski A. M. De numero tribunorum militum consulari potestate. Berlin, 1857) и Хайнце, чьи инициалы не отмечены (Heinze. De tribunis militum consulari potestate. Stettin, 1861)⁶⁶. Что же касается отклика Л. Ланге на статью О. Лоренца, то сам факт такой исследовательской реакции наглядно показал возможность различных подходов к проблеме, неоднозначность ее решений и дискуссионность самого характера обсуждения, что и будет непременно сопутствовать ее изучению в антиковедении следующих полутора веков.

Однако эти полтора столетия, прошедшие со времени выхода первой специальной работы, не были наполнены непрерывным пристальным вниманием к теме консулярного трибуната, оно проявлялось спорадически. Новый подъем исследовательского интереса к ней возник почти через пятьдесят лет, в начале XX в., после сенсационной находки на римском форуме фрагмента капинолийских фаст с упоминанием девяти имен военных трибунов с консульской властью. Археологические раскопки, начавшись в секторе будущего открытия в 1898 г., в следующем, 1899 г. дали результат в виде большого блока из белого мрамора, с текстом, разделенным на две колонки. Одна из них (левая) содержала перечень консулярных трибунов 380 г. до н. э., а другая (правая) – имена высших магистратов 332-330 гг. до н. э. (в том числе и диктатора 331 г. до н. э. Квинкция Капитолина). Найденный текст был опубликован Христианом Хюльзенем с небольшим комментарием⁶⁷, воспроизводившим в части трактовки консулярного трибуната, в основном, моммзеновскую его характеристику. Сам Теодор Моммзен не заставил себя долго ждать с публикацией собственного восприятия содержания находки, напечатав в журнале «Hermes» текст обнаруженного обломка консульских фаст и статью по вопросу о численности коллегии консулярных трибунов (продемонстрировав, тем самым, живой интерес к научным событиям даже в последние месяцы жизни, вызывающий у нас восхищение)⁶⁸. Не забегая особенно вперед, ибо изложение гипотезы Т. Моммзена подробно будет дано в

⁶⁵ Lange L. Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen (1855) // Lange L. Kleine Schriften aus dem Gebiet der classischen Alterthumwissenschaft. Bd. 1. Göttingen, 1887. S. 235-273.

⁶⁶ Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats-, Kriegs- und Privataltertümer. Nördlingen, 1887. S. 540.

⁶⁷ Hülsen Ch. Neue Inschriften vom Forum Romanum. Mit 6 Abbildungen im Text und einem Plan // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. Leipzig, 1902. Bd. 2. S. 248-253.

⁶⁸ Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten // Hermes. Berlin, 1903. Bd. 38. Heft 1. S. 116-124.

третьей главе нашей монографии, лишь кратко скажем, что, по его мнению, нормальным и максимальным количеством мест в магистратуре *tribuni militum consulari potestate* было шесть. Новая находка не смогла изменить этого вывода, хотя наглядно показала его уязвимость, ясно понимаемую самим автором. Обновленная аргументация его концепции не была особенно убедительной, – возможно, Т. Моммзену просто не хватило отпущенного судьбой срока, чтобы дать не предварительный анализ новых источниковых сведений, каким он фактически получился, а присущий ему, глубокий и продуманный (с приведением более веских доказательств, даже в том случае, если бы он остался при прежних взглядах). Не исключено, что Т. Моммзен, будучи по-настоящему большим ученым, не стал бы упорствовать в неизбежности своих трактовок консульского трибуната и мог бы скорректировать свою теорию. Но, так или иначе, его продолжительной жизни не хватило ни для новой серьезной аргументации своей гипотезы, ни для ее изменения, – то и другое стало занятием иных исследователей; мы, в данном случае, принадлежим к тем, кто ее не поддерживает.

Поиск дополнительных доказательств теории Т. Моммзена о количественном составе магистратуры консульских военных трибунов провел Фридрих Мюнцер, опубликовавший в том же журнале «Hermes» девятнадцать лет спустя статью «Консульские трибуны и цензоры»⁶⁹ В ней он попытался обосновать объединение в один список членов коллегий консульских трибунов и цензоров за ряд лет, которые его великий предшественник оставил без внимания, за другие же годы считая имена «лишних» консульских трибунов фиктивными.

После появления статьи Ф. Мюнцера прошло более тридцати лет, прежде чем возникла новая волна интереса непосредственно к магистратуре консульских трибунов. Причем, если специальные публикации по теме XIX – начала XX вв. относились к немецкоязычной исторической литературе, то с начала 50-х гг. пальма первенства перешла к англоязычной историографии, представленной английскими, американскими и австралийскими исследователями (иногда, впрочем, публиковавшими статьи на родном языке в немецких журналах). Первым возобновил разработку проблемы Э. Стюарт Стэвели в статье «Значение консульского трибуната», сосредоточив внимание на его возникновении как важной стадии сословной борьбы, касаясь, вместе с тем, порядка избрания и объема властных полномочий консульских трибунов⁷⁰ Затем последовала журнальная публикация Ф. Э. Эдкока «Консульские трибуны и их преемники»⁷¹, автор которой, затрагивая некоторые сто-

⁶⁹ Münzer F. *Consulartribunen und Censoren* // *Hermes*. 1922. Bd. 57. S. 134-149.

⁷⁰ Staveley E. S. *The Significance of the Consular tribunate* // *The Journal of Roman Studies*. 1953. Vol. 43. P. 30-36.

⁷¹ Adcock F. E. *Consular Tribunes and Successors* // *The Journal of Roman Studies*. 1957. Vol. 47. P. 9-14.

роны функционирования магистратуры (ее предназначение, сословное представительство, численный состав), избегал собственных четких утверждений и выводов, более обращая внимание на слабости имеющихся к тому времени концепций. С гораздо более определенно сформулированными точками зрения и подчеркнутой самостоятельностью исследовательских позиций выступили в своих статья конца 50-х гг. Рафаэль Сили «Еще раз о консульских трибунах»⁷² и Энн Боддингтон «Первоначальная природа консульского трибуната»⁷³. Если Р. Сили предложил, хотя и оригинальные, но ничем серьезно не подкрепленные трактовки объема полномочий магистратов и порядка их избрания, то Э. Боддингтон сделала ряд весьма нетривиальных наблюдений при анализе источников. Это позволило ей обобщить имеющийся материал в виде интересной концепции по поводу изменения статуса магистратуры консульских трибунов. К гипотезе Э. Боддингтон мы неоднократно будем обращаться, не поддерживая ее в главных выводах, но находя весьма глубокими ряд ее положений.

Шестидесятые годы XX в. не принесли публикаций статей по теме консульского трибуната. Потребовалось пятнадцать лет после издания исторических очерков Р. Сили и Э. Боддингтон, прежде чем появилось сочинение Джона Пинсента «Военные трибуны и плебейские консулы. Фасты от 444 до 342 гг. до н. э.» на восемьдесят с лишним страниц (из которых двадцать посвящены собственно консульным военным трибунам), напечатанное в виде отдельной тетради журнала «Historia»⁷⁴. При относительно большом объеме ощущается явная рыхлость оформления материала и дефицит новых идей, так как, в основном, реанимируется концепция об интерполяции плебейских имен в списки консульских трибунов, имевшая поддержку в начале XX в. Раздельное изложение сведений Ливия и Диодора о составе коллегий консульских трибунов и отсутствие должного их сравнительного анализа снижает уровень итоговых обобщений, что не позволяет читателю представить в концентрированном виде авторскую интерпретацию источников. В противоположность такой подаче материала и точке зрения об интерполяции плебейских имен, Вера Кирби в опубликованной через год статье очень небольшого объема «Консульский трибунал и римская олигархия»⁷⁵ нашла собственный исследовательский ракурс и смогла добиться высокого уровня аналитического обобщения, приведя, к тому же, статистические выкладки. Она не предложила абсолютно новой гипотезы, взяв за основу и определенным образом углубив теорию Эдуарда Мейера и Ульриха фон Любтова (вы-

⁷² Sealey R. Consular tribunes once more // *Latomus*. 1959. Vol. 18. P. 521-530.

⁷³ Boddington A. The Original Nature of the Consular Tribunate // *Historia*. 1959. Bd. 8. P. 356-364.

⁷⁴ Pinsent J. Military tribunes and Plebeian consuls: The Fasti from 444 V to 342 V // *Historia*. 1975. Heft 24. P. 29-50.

⁷⁵ Kirby V. The Consular Tribunate and Roman Oligarchy // *Mundus antiquus*. Melbourne, 1976. Vol. 1. P. 24-29.

сказанную в вышеупомянутых работах) о конкуренции правивших патрицианских родов как решающем факторе возникновения консульного трибуната, опираясь также на известный труд Рональда Сайма⁷⁶ Не разделяя ее главных теоретических постулатов, мы, тем не менее, считаем убедительными ее выводы о перегруппировке правящей элиты и преобладании в консульном трибунате патрицианских родов, ранее занимавших куда более скромные политические позиции.

В восьмидесятые годы были изданы две статьи, принадлежащие, безусловно, к лучшему, что создано историографией по теме консульного трибуната. Это статья А. Друммонда «Консульные трибуны по Ливию и Диодору», посвященная относительно узкому (хотя одному из самых дискуссионных) вопросу о численности коллегии, при очень глубоком осмыслении сведений источников и по-настоящему сравнительном их анализе⁷⁷ Хотя соответствующий параграф нашей книги отличается от статьи А. Друммонда и по основному выводу, и по характеру изложения источникового материала, тем не менее, именно под воздействием его аргументации мы отказались принять ряд гипотез и точек зрения как несостоятельных (в том числе и теорию интерполяции имен, и теорию контаминации списков консульных трибунов и цензоров). По уровню исследовательского мастерства равна статье А. Друммонда публикация Рональда Ридли «Консульный трибунал: свидетельство Ливия», охватывающая более широкий круг проблем изучения этой магистратуры (причины возникновения, участие плебеев в ней, сфера компетенции магистратов), но рассматривающая их на базе одного, хотя и главного, источника⁷⁸ Наиболее важным для нас оказалось изучение Р. Ридли применения магистратуры в военных целях и полководческой деятельности консульных трибунов, ибо данные вопросы, в отличие от других, могут быть проанализированы только на основе текста Ливия. На эти его результаты мы опирались, не дублируя проделанный им анализ.

Как это ни странно, но в историографии проблемы в 90-е гг. XX в. отчетливо проявилась тенденция отхода от исследования конкретных сторон функционирования магистратуры консульных военных трибунов, наметился разрыв с результатами аналитических изысканий предшественников, обусловленный возвратом к гиперкритике античной традиции о первых веках Республики. Опубликованные в это десятилетие работы, имеющие в заголовке упоминание о консульном трибунате, не оставляют исторического места для данной магистратуры, объявляя ее, как мы уже отмечали, «изобретением анналистов». Это статья Давида Зольберга «Военные трибуны и род-

⁷⁶ Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939.

⁷⁷ Drummond A. *Consular Tribunes in Livy and Diodorus* // *Athenaeum*. 1980. Vol. 58. P. 57-72.

⁷⁸ Ridly R. T. *The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy* // *Klio. Beiträge zur Alten Geschichte*. 1986. Bd. 68. Heft. 1. P. 444-461.

ственные проблемы ранней Римской Республики»⁷⁹, и глава монографии Роберта Бунзе «Римская высшая должность в ранней Республике и проблема «консульных трибунов»⁸⁰, концепции авторов которых, хотя и несколько отличаются друг от друга, смыкаются в непризнании реальности консульного трибуната как элемента политической системы Рима V-IV вв. до н. э. При этом Р. Бунзе более подробно, чем Д. Зольберг, останавливается на сведениях источников о численности коллегии, весьма избирательно и предвзято их интерпретируя, считает несостоятельными все (представленные в древней и современной историографии) мотивировки введения консульного трибуната, пытается обосновать невозможность участия плебеев в высшей магистратуре на изучаемом отрезке времени. Такая исследовательская позиция, в целом, вытекает из априорного признания абсолютно верным тезиса о трех преторах как единственной коллегиальной высшей магистратуре до середины IV в. до н. э. Постулирование этого положения, по существу, является главным аргументом автора против историчности консульного трибуната, а доказанная таким способом нереальность магистратуры военных трибунов с консульской властью, в свою очередь, используется как обоснование существования лишь одной – преторской – коллегии высших должностных лиц. К сожалению, эта самая последняя по времени создания работа дает слишком мало нового для осмысления государственной организации ранней Республики и информации источников об изучаемой магистратуре, не выдерживая сравнения с другими, более ранними и менее объемными, хотя и немногочисленными, исследованиями по проблеме консульного трибуната, написанными в течение полутора столетий.

Таким образом, в общем и целом, мы обнаружили в мировой историографии немногим более десятка специальных работ по теме консульного трибуната; они носят, главным образом, статейный характер (большинство посвящено вопросам о причинах возникновения и численности коллегии), только у Р. Бунзе интересующий нас сюжет представлен главой монографии. По количеству же и уровню исследовательских проблем, связанных с консульным трибуналом, он вполне как объект исследования может претендовать на несколько монографических трудов. Попытку написания первого из них мы, в данном случае, и предприняли.

Разумеется, мы должны осуществить нашу историческую реконструкцию консульного трибуната при максимальном использовании античных свидетельств о нем, которые, хотя и не синхронны его существованию, но, в совокупности, репрезентативны (притом, что каждое из них, взятое в отдельности, может нести искаженную, в той или иной мере, информацию). Очень важным и ценным является для нас такой эпиграфический источник

⁷⁹ Sohlberg D. Op. cit. S. 257-274.

⁸⁰ Bunse R. Op. cit. S. 82-181.

как консульские фасты⁸¹ Хотя сомнений по поводу достоверности их сведений в историографии высказано было немало, отношение к ним явно меняется, поскольку, как подчеркивала И. Л. Маяк, «Сатриканская надпись реабилитировала наиболее древнюю часть консульских фастов»⁸² До нас дошли свидетельства этого источника о консульском трибунате 422, 420-414, 408-394, 391-390, 380, 370-367 гг. до н. э. Всего, таким образом, в фастах назван состав трех десятков коллегий консульских трибунов, что явно более половины от общего числа в пятьдесят одну коллегию, да и хронологически данная выборка может считаться, безусловно, представительной. Основная часть относящихся к нашей теме текстов фаст была опубликована в корпусе латинских надписей, а фрагмент, содержащий информацию о 380 г. до н. э., в журналах, как уже отмечалось, Х. Хюльзенем и Т. Моммзенем⁸³ Однако, не только сведения консульских фаст о высшей магистратуре за те административные годы, на которые приходился консульский трибунал, интересны нам при изучении темы, – полезную информацию несут и те части текста, в которых (за период конституционного существования консульского трибунала) речь идет о консульских парах. Ибо они дают возможность, во-первых, определенно утверждать, что консулат не был исключен из римского конституционного устройства в качестве высшей ординарной магистратуры, а, во-вторых, точнее установить годы, в которых община не прибегала к магистратуре консульских трибунов.

Эпиграфика дает нам также надпись из Лугдунума (современный Лион) с текстом речи, произнесенной в сенате императором Клавдием о допуске в него галлов (I в. н. э.), в которой ретроспективно говорилось о компетенции и количестве консульских трибунов (ILS. 212).

Главный же наш эпиграфический источник, капитолийские фасты, содержит информацию за длительные промежутки времени о последовательности коллегий высшей исполнительной власти в Риме и их персональном составе, которая может быть сопоставлена с данными римских и греческих авторов. Это расширяет возможности исторического моделирования при определении численности магистратуры, сословного представительства в ней, уточнении датировок ее применения. Однако многие стороны консу-

⁸¹ Mommsen Th. Die capitulinischen Magistratstafeln //Hermes. 1875. B. 9. S. 267-280; Hirschfeld O. Die capitulinischen Fasten // Hermes. 1875. Bd. 9. S. 93-108; Mommsen Th. Zu den capitulinischen Magistratstafeln // Hermes. 1876. B. 10. S. 468-471; Пирогов В. Исследования по римской истории, преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878. С. 155; Strehl R. Die Datierung der Kapitulinischen Fasten. Tübingen, 1957. Федорова Е. В. Ранняя латинская письменность VIII-II вв. до н. э. М., 1991. С. 17.

⁸² Маяк И. Л. Римляне ранней Республики... С. 6. О значении надписи из Сатрика см. также: Немировский А. И. Надпись из Сатрика – опорный пункт раннеримской истории // ВДИ. 1983 № 1. С. 40-51; Токмаков В. Н. Военная организация. С. 8.

⁸³ Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. 1. Berolini, 1863. P. 17-20; Hülsen Ch. Neue Inschriften vom Forum Romanum... S. 248; Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitulinischen Fasten... S. 116.

лярного трибуната, такие как правовой порядок его использования, целевое назначение, конкретная деятельность магистратов и ряд других, могут быть изучены только при опоре на историко-литературную античную традицию. Много было сказано ранее в историографии о противоречивости традиции, и немало теперь говорится о том, что противоречивость эта часто иллюзорна, так как присуща не самой традиции, а ее интерпретациям⁸⁴. Конечно, свидетельства античных авторов при использовании историком всегда есть результат их интерпретации, ибо уже перевод есть толкование смысла текста. Однако нередко в изучении ранней Римской Республики складывалась ситуация, когда чья-либо интерпретация (служащая, к тому же, опорой какой-нибудь теории) воспринималась длительно и однозначно как прямое и очевидное показание источника. С подобным приходится сталкиваться, исследуя и консулярный трибулат, поэтому необходимо постоянно подвергать критическому анализу стереотипы восприятия сведений источников, заново думать над текстами на языках оригиналов. Но здесь антиковедов подстерегает еще одна трудность, обусловленная состоянием источниковой базы. Имеется в виду то обстоятельство, что опубликованный на греческом или латыни текст есть результат, в той или иной степени (в зависимости от сохранности), его реставрации палеографами и изучения текстологами. Дошедшие до нас рукописи представляют собой поздние списки с ошибками переписчиков, утраченными фразами, словами и знаками, что не может не влиять на понимание смысла сказанного. Поэтому, чем больше вариантов восстановления и прочтения одного и того же текста имеет историк, тем точнее будет его представление о сведениях источника, а, следовательно, более обоснованной его теория. Но отличающихся вариантами реставрации текста изданий немного, и, по большей части, приходится опираться на единственный, имеющийся в распоряжении. Трудности, связанные с закладкой источникового фундамента под историческую реконструкцию консулярного трибуната, которые влияют на воссоздание той или иной его стороны, мы будем специально отмечать в параграфах, посвященных отдельным сюжетам темы.

Из римских историков, дающих источниковый материал по консулярному трибунату своим современным «собратям по ремеслу», вне конкуренции Тит Ливий. С четвертой по шестую книги его *Ab urbe condita* содержат, на фоне панорамного изложения событий римской истории, ценные, хотя и разрозненные сведения, позволяющие представить механизм функционирования консулярного трибуната. При всех заблуждениях, вызванных его первоисточниками, влиянием на создание исторической картины начала Республики событий ее конца, субъективной трактовкой причинно-следствен-

⁸⁴ См.: Токмаков В. Н. Военная организация... С. 11, 16; Raaflaub K.A. The Conflict of the Orders in Archaic Rome: A Comprehensive and Comparative Approach // *Social Struggles in Archaic Rome* (Edited by Kurt Raaflaub). Berkely - Los Angeles, 1986. P. 13.

ных связей, «в целом Ливий – историк честный, добросовестный и искренне стремится к истине»⁸⁵

Другие латинские авторы приводят, по сравнению с Ливием, неизмеримо меньшие по объему, но не менее ценные для определения сути магистратуры консульрных трибунов свидетельства. Корнелий Тацит, «истый традиционалист», по определению И. М. Тронского⁸⁶, сохранивший «исконную форму изложения по годам», в начале «Анналов» отмечает объем полномочий консульрных военных трибунов (Тас. Апп. I. I). О статусе изучаемых нами магистратов сообщает Авл Геллий (Gell. XIV. 7. 5), «Аттические ночи» которого позволяют также прояснить многие важные черты всей системы римской исполнительной власти, поэтому значение его труда для нашей темы шире прямых упоминаний о консульрном трибунате. Немалый источниковый интерес представляет (при всех источниковедческих трудностях его использования) включенный в Дигесты фрагмент сочинения по истории римского права юриста II в. н. э. Секста Помпония, в котором говорится об участии плебеев в консульрном трибунате, компетенции и числе данных магистратов (Dig. I. 2. 2. 25). Важное право консульрных трибунов составлять список сенаторов зафиксировано грамматиком II в. н. э. Фестом (Fest. 290 L). Из позднеантичных латинских авторов выделим как имеющего прямое отношение к источниковой базе изучения консульрного трибуната Евтропия, поскольку в труде *Breviarium ab urbe condita* он, проводя параллели императорского Рима с республиканским⁸⁷, сделал несколько существенных замечаний о политической роли этой магистратуры (Eutrop. II. 1-3).

Древнегреческие историки и писатели не только помогают скорректировать информацию римских авторов, но и привносят свое видение изучаемого нами государственного института как бы со стороны. В этом есть свои плюсы и неизбежные минусы, – более отстраненный взгляд, но и более заметные изъяны понимания и недостатки осведомленности. Чаще других из греческой античной историографии для характеристики консульрного трибуната привлекаются нами сведения Диодора Сицилийского, ибо он регулярно сообщал о количестве магистратов и называл ряд имен. То и другое требует тщательного сопоставления с показаниями иных источников, при этом текст Диодора оказывается не самым надежным, но это обусловлено, судя по всему, не преднамеренными искажениями, а небрежным обращением автора с материалами его первоисточников, а также ошибками переписчиков его труда. Нельзя обойтись и без сочинения Дионисия Галикарнасского, особенно при рассмотрении вопросов, связанных с введением в государственное устройство консульрного трибуната, сословном представительстве

⁸⁵ Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. С. 72.

⁸⁶ Тронский И. М. Корнелий Тацит // Тацит Корнелий. Т. 1. СПб., 1993. Приложения. С. 589.

⁸⁷ Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. Последние историки великой империи // Римские историки IV века. М., 1997. С. 308-309.

в нем и порядке избрания магистратов (Dionys. XI. 60-62). Хотя Дионисий изучение этих сторон во многом изрядно запутывает, но, тем самым, дает обильную пищу для размышлений, стимулируя исследовательский поиск. Положение консульских трибунов кратко характеризует Плутарх (Plut. Cam. I), дополняя информационную картину. Более пространные, требующие глубокого анализа, сведения Диона Кассия по интересующей нас теме сохранились, главным образом, в передаче византийского историка Иоанна Зонары (Zon. VII. 19); непосредственно в дошедших до нас частях сочинения самого Диона Кассия для нас важно только упоминание о попытке политической реанимации консульского трибуната в период поздней Республики (Dio. XL. 45).

Уже одно краткое перечисление основных составляющих источниковой базы свидетельствует, что она не так узка, как могло бы показаться на первый взгляд, учитывая не слишком длительный (в масштабах римской истории) временной отрезок существования магистратуры *tribuni militum consulari potestate*. Кроме сочинений названных представителей античной традиции естественным образом привлекались труды других древних авторов, в диапазоне от Цицерона до Макробия, в тех случаях, когда они могли пролить дополнительный свет на изучаемые проблемы или раздвинуть исследовательские горизонты, разумеется, в пределах означенной в заглавии книги темы.

Таким образом, стараясь максимально выявить содержащуюся в источниках информацию, сопоставить и критически проанализировать ее, мы предприняли попытку исследования всего многообразия сформулированных и намеченных в антиковедении проблем, связанных с консульским трибуналом, а также постановки других, в нашем представлении, принципиальных вопросов, относящихся как к его сущностным чертам, так и к отдельным деталям механизма функционирования. В каждом случае мы стремились дать определенные ответы на затронутые вопросы и обосновать нашу точку зрения в контексте мозаичной картины мнений других исследователей, различных подходов и историографических дискуссий. При этом, продолжая наши изыскания в сфере римских государственных институтов, так же как при изучении диктатуры и междоусобия, мы на первый план выдвигаем исследование политико-юридических основ применения магистратуры военных трибунов с консульской властью. Но, вместе с тем, мы обращаем пристальное внимание на цели и задачи использования ее в общественной жизни, ее роль в сословной борьбе, стремясь проследить не только конституционно-правовое существование консульского трибуната, но и его социально-политическую жизнь, которая пришлась на напряженный во всех отношениях период истории Римской Республики.

Г Л А В А I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАГИСТРАТУРЫ КОНСУЛЯРНЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНОВ

1.1. Терминологические вопросы обозначения должности военных трибунов с консульской властью

Терминологическая традиция отечественного антиковедения использует устоявшееся название изучаемой магистратуры на русском языке – консулярный военный трибунал. Слово «консулярный» в данном случае восходит не к латинскому существительному «*consularis*», то есть бывший консул (консуляр, как обычно пишется по-русски), а к прилагательному «*consularis*» – «консульский». Точнее, поэтому, на наш взгляд, в русском переводе называть эту магистратуру «консульский военный трибунал», чтобы избежать двусмысленности и не придавать ее обозначению оттенка комплектования только из среды бывших консулов. В современных европейских языках прилагательное «консульский» имеет латинскую основу «*consular*», поэтому название должности выглядит следующим образом: «*consular tribunes*», «*consular tribunate*» в английском; «*Konsulartribunen*», «*Konsulartribunat*» в немецком (в написании XIX– начала XX вв. – «*Consulartribunen*», «*Consulartribunat*»); «*tribuni consulari*», «*tribunato consulari*» в итальянском; «*tribuns consulaires*», «*tribunat consulaire*» во французском языках. Все перечисленные термины понимаются как «консульские трибуны», «консульский трибунал», и не имеется применительно к этому случаю иного определения типа русского «консулярный», отличающегося смысловыми нюансами. Следовательно, формулировка «консульский военный трибунал» отнюдь не противоречит принятой другими национальными школами научной терминологии, без единства которой развитие антиковедения, как и любой другой дисциплины, невозможно. Но традициями понятийного аппарата отечественной историографии пренебрегать не стоит; сохранение принятого названия «консулярные военные трибуны» вполне, по нашему мнению, допустимо при условии употребления в этом случае терминов «консульский» и «консулярный» как синонимов. То, что они использовались русскими исследователями применительно к данной магистратуре как различные по содержанию, мы увидим чуть ниже.

Другое устоявшееся в российском антиковедении название носителей этой должности – «военные трибуны с консульской властью» является адекватным переводом ее одного из наиболее употребительных у латинских авторов обозначения: *tribuni militum consulari potestate*. Правда, С. И. Ковалев, исходя из представления, что в 444 г. до н. э. высшие ординарные магистратуры

ты назывались не консулы, а преторы, настаивал на переводе «военные трибуны с консульской властью», имея в виду коллегиальную вообще, а отнюдь не именно консульскую власть⁸⁸. Конечно, прилагательное *consularis*, как и существительное *consul*, восходят к глаголу *consulere* – «совещаться» и подчеркивают тем самым коллегиальность как существенную черту консульской должности. Однако, если принять точку зрения ряда античных авторов, что первоначальная претура была преобразована в консулат после децемвирата и второй сессии плебеев⁸⁹, то естественно признать существование в 444 г. до н. э. (на момент введения в римскую конституцию консульского трибуната) консулата как высшей ординарной магистратуры и, соответственно, консульской власти.

Мы не поддерживаем также стремления некоторых зарубежных исследователей считать, что уточнение в названии должности *consulari potestate* было неисторическим, то есть, не существовало в реальной государственной практике ранней Республики. К такому заключению они приходят двумя различными путями, исходя из одной посылки: должность с названием «консул» отсутствовала в римском государственном устройстве в течение всего V в. до н. э. При этом, одни историки, такие как Карл Юлиус Белох, Кристер Ханель, Роберт Палмер, считали, что понятие *consul* было в это время определением и применялось как к магистратуре претора, так и (в 444–367 гг.) к военным трибунам, получившим высшую исполнительную власть, которые могли назваться сокращенно просто консулы.⁹⁰ Отрицая историческую корректность обозначения этой магистратуры как *tribuni militum consulari potestate*, К. Ю. Белох отмечал, что анналисты не имели надежной информации относительно ее названия, а К. Ханель подчеркивал, что историки не располагают для этого никаким независимым свидетельством типа надписи. Р. Палмер полагал, что данный вариант названия должности был создан позднее из желания избежать путаницы с собственно консульской магистратурой, возникшей в 366 г. до н. э.

Другие авторы, также отрицавшие историчность названия *tribuni militum consulari potestate*, настаивали не только на отсутствии в V в. до н. э. должности консула, но и вообще такового понятия в римской политической практике. Так, Рафаэль Сили утверждал, что современники консульских трибунов, поскольку термина «консулы» они еще не знали, называли долж-

⁸⁸ Ковалев С. И. История Рима. Курс лекций. 2-е изд. Л., 1986. С. 89.

⁸⁹ См.: Токмаков В. Н. Некоторые аспекты генезиса консульской власти... С. 34.

⁹⁰ Beloch K. J. Op. cit. S. 263; Hanell K. Op. cit. S. 199; Palmer R. Op. cit. P. 234.

ность только *tribuni militum*. Вопрос, когда, в таком случае, римская традиция стала добавлять *consulari potestate*, он оставял открытым⁹¹

В историографии 90-х гг. XX в. близкой трактовки придерживаются Д. Флах, Д. Зольберг и Р. Бунзе⁹². Их точки зрения базируются опять-таки на том, что к 444 г. консульской магистратуры не существовало. При этом данные авторы, не признающие историчности названия *tribuni militum consulari potestate*, по-разному видят процесс формирования высшей исполнительной власти в Риме.

Так, Давид Зольберг утверждает, что после изгнания царей во главе римского государства стояли три начальника гентильных триб (просто *tribuni*), которые были одновременно командующими (*praetores*) набравшихся от этих триб тысяч воинов. В таком виде, по мысли данного автора, эта первая республиканская магистратура функционировала до 367 г. до н. э., и никакого «консульского трибуната», в соответствии с его точкой зрения, не было. Такой взгляд идет вразрез с данными античной традиции, и в условиях отказа современного антиковедения от гиперкритического подхода к ней, не поддерживается нами. К тому же, как убедительно показал в своей монографии В. Н. Токмаков, гентильные трибы не могли быть базой комплектования пешего войска⁹³

Роберт Бунзе настаивает на ошибочности всех упоминаний в источниках консульской магистратуры для времени ранее законов Лициния – Секстия, не признавая никакой титулатуры военных трибунов, в которой содержатся слова о консульской власти⁹⁴. Возрождая отчасти гипотезу Газтано Де Санктиса⁹⁵ и находя в роли коллегиальных (но неравноправных) носителей империя до 367 г. до н. э. только *praetor maximus* и двух *praetores minores*, Р. Бунзе с недоверием относится к любым названиям коллегий высших должностных лиц, сохраненным античной традицией, за исключением претуры.

Дитер Флах, в свою очередь, полагает, что добавление *consulari potestate* к названию должности военных трибунов было создано античной историографией много позже времени существования магистратуры. Он не отрицает, что таковая действительно функционировала в 444-367 гг. до н. э., но отказывается считать эти годы также временем существования консулата. Отстаивая концепцию о первоначальной республиканской единоличной должности в лице годовичного *magister populi*, которую сменил военный трибунал,

⁹¹ Sealey R. Op. cit. P. 528-530.

⁹² Flach D. Op. cit. S. 11-18; Sohlberg D. Op. cit. S. 257-274; Bunse R. Op. cit. S. 88-100.

⁹³ Токмаков В. Н. Военная организация... С. 55-57.

⁹⁴ Bunse R. Op. cit. S. 90-99.

⁹⁵ De Sanctis G. Op. cit. P. 407.

Д. Флах считает, что консулы впервые появились только в 366 г. Титулатура же военных трибунов была почерпнута авторами исторических сочинений, по его определению, из «туманных источников».

Мы же исходим, как уже было отмечено, из признания историчности названия *tribuni militum consulari potestate*. Этим обозначением как развернутым и полным пользуется основной латинский информатор по данной теме, Тит Ливий – IV. 6. 8 и др.; употребляет именно этот вариант также Помпоний – Dig. I. 2. 2. 25. Наша убежденность в соответствии данного названия римским историческим реалиям второй половины V – первой половины IV вв. до н. э., основывающаяся на признании достоверности сообщений античной традиции о принципиальных изменениях в структуре управления, связана также с нашим видением процесса формирования высшей исполнительной власти в Риме эпохи ранней Республики. Выделяя в нем две линии развития, идущие параллельно и синхронно, а именно оформление системы высшей ординарной власти с одной стороны, и становление системы экстраординарной власти с другой, мы признаем коллегиальность изначальным республиканским принципом ординарной власти (что, опять-таки, наиболее соответствует античной традиции). Эволюцию же ординарной двухместной магистратуры (исходное название которой мы принимаем, основываясь на сообщениях Тита Ливия, Плиния Старшего, Авла Геллия, Цицерона, Феста и Иоанна Зонары, как претура⁹⁶) усматриваем в изменении функций и названия (вместо *praetores – consules*) к середине V в. до н. э. О том, что в V в. до н. э. римляне использовали название должности «консул» свидетельствует Тит Ливий, когда сообщает о надписи на доспехах Авла Корнелия Косса (относящейся к 30-20 гг. V в.), которую видел в храме Юпитера Феретрия Октавиан Август, и о записи с названием магистратуры того же полководца в «полотняных книгах», хранившихся в храме Юноны Монеты (Liv. IV. 20. 6-8). Конечно, вставленные Ливием слова, услышанные от Августа, некоторые исследователи считают политически окрашенными, а потому не заслуживающими полного доверия⁹⁷, а по поводу «полотняных книг» можно сказать, что эти магистратские списки всего лишь восстановленные после гибели подлинников в огне галльского пожара 390 г. до н. э. Тем не менее, обратим внимание на то, что Ливий не противоречит сам себе, когда в разных местах своего труда сообщает о названии высшей ординарной магистратуры первых веков республики: до середины V в. до н. э. – преторы, во второй половине этого века – консулы (хотя предпочитает пользоваться более позд-

⁹⁶ Liv. III. 55. 11-12; Plin. NH. XLIII. 3.12; Gell. N. A. VI. 8. 3; Cic. Orat. XX. 165; Fest. P. 249; Zon. VII. 19. 1.

⁹⁷ Sealey R. Op. cit. P. 528; Боданская Н. Е. Чистяков Г. П. Комментарии к IV кн. Тита Ливия // Ливий Тит Римская история от основания города. Т. 1. М., 1989. С. 537; Bunse R. Op. cit. S. 96.

ним обозначением должности применительно и к раннему времени). Это согласуется также со свидетельствами, сохранными Иоанном Зонарой, о смене названия носителей высшей должности (вместо преторов – консулы) в тот же период (Zon. VII. 19). Поэтому представление о такой линии развития высшей ординарной магистратуры Республики не кажется нам менее обоснованным, чем точка зрения об отсутствии консульской магистратуры как таковой до 366 г. до н. э. Что же касается упомянутых выше попыток ряда исследователей рассматривать термин *consul* для V в. до н. э. как определение к названию должности первоначального претора и как обозначение должности военных трибунов, возведенных в ранг носителей высшей власти, то мы не находим для этого сколь-нибудь убедительных аргументов.

Кроме названия *tribuni militum consulari potestate* на языке оригинала встречаются также некоторые другие наименования данной магистратуры. В частности, у Тита Ливия (Liv. IV. 7. 1) содержатся выражения *tribuni militum pro consulibus* – «военные трибуны в качестве (или вместо, или наподобие – В. Д.) консулов» и *tribuni militum pro consule* – «военные трибуны в качестве (или вместо, или наподобие) консула» – (Liv. IV. 41. 10). Перевод с любого древнего языка всегда уже толкование содержания того или иного понятия. В данном случае, понимание «в качестве консула» или «вместо консула» влияет, в той или иной степени, на трактовку двух существенных черт магистратуры консульских трибунов. С одной стороны, – на определение объема их властных полномочий, уже исходя из названия, ибо «в качестве» подразумевает идентичную компетенцию, такой же (ни меньший, ни больший) объем власти, а «вместо» этого не предполагает. С другой стороны, – на выяснение характера должности: если «в качестве консулов», то это в какой-то степени может говорить об ординарном способе ее функционирования, а если «вместо консулов», то чрезвычайном. Аргументации нашей точки зрения, как на объем властных полномочий консульских трибунов, так и на характер магистратуры (которую считаем экстраординарной), мы посвятим отдельные параграфы, сейчас же отметим, что допускаем все варианты перевода, но менее предпочтительным считаем «в качестве». Такое понимание выражения *pro consulibus* отнюдь не противоречит нашему утверждению о корректности русскоязычных терминов «консульский военный трибунал» и «военные трибуны с консульской властью». В этих случаях речь идет о наделении военных трибунов властью высших магистратов, в ординарной ситуации – консулов. «Консульская власть» в широком смысле – это высшая исполнительная власть в Римской Республике. Наделение верховной исполнительной властью любых лиц означало передачу им консульских полномочий с тем или иным ограничением или расширением их. Мы, однако, ни в коем случае не согласны с трактовкой Р. Бунзе словосочетаний *pro consulibus* и *pro consule* как неперемнное указание на пророгацию консульских

полномочий⁹⁸ Основываясь на том, что об акте пророгации империя для столь раннего времени не может идти и речи (что, на наш взгляд, вполне справедливо), Р. Бунзе приходит к заключению, что титулы, имеющие составной частью термины *pro consulibus* и *pro consule* неисторичны, а, следовательно, подтверждают отстаиваемый им тезис о неисторичности консулярного трибуната. Понимание же приведенных выражений просто в значении «вместо консулов», «в качестве консулов» безо всякого неперменного подтекста о пролонгации консульской власти разрушает этот аргумент Р. Бунзе.

У того же Ливия используются и другие выражения для обозначения носителей исследуемой должности: *tribuni consulari potestate* (употреблено шесть раз) – «трибуны с консульской властью», *tribuni consulares* – «консульские трибуны» (Liv. VI. 1. 1; VIII. 33. 16). В труде Ливия, в речи императора Клавдия в сенате, а также у Авла Геллия употреблено понятие *tribuni militum consulari imperio* – «военные трибуны с консульским империем» (Liv. IV. 7. 2; I. L. S. 212; Gell. XVII. 21. 19). Все это свидетельства того, что консулярные трибуны – высшие должностные лица, власть которых распространялась на гражданскую и военную сферы, то есть в самом общем понимании соответствовала консульской.

Наиболее часто, говоря о консулярных трибунах, Ливий называет их просто *tribuni militum* (к тому же, еще шесть раз употребляет форму *tribuni militares*). Два с половиной десятка раз Тит Ливий ограничивается одним словом *tribuni*. Это заставляет нас думать, что римский историк «урезал» полное название должности по причине стремления к краткости. Поэтому мы вполне согласны с Рональдом Ридли, что Ливий использовал развернутую формулировку титула (*tribuni militum consulari potestate*) в два раза реже, чем выражение *tribuni militum*, «несомненно, из-за длины»⁹⁹ Аналогично, нет ничего удивительного в том, что консульские фасты используют сокращение названия должности в виде «*tr. mil.*»¹⁰⁰

Итак, названия должности на латинском языке содержатся либо в гораздо более поздних эпиграфических памятниках, либо в сочинениях римских авторов, также написанных века спустя. Отмечая, что в имеющихся источниках титулатура консулярных трибунов дается вариативно, Ф. Эдкок обращал внимание на то, что не сохранился ни один документ, например закон,

⁹⁸ Bunse. R. Op. cit. P. 88-89.

⁹⁹ Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 444.

¹⁰⁰ CIL. Vol 1. P. 17-20; Hülsen Ch. Neue Inschriftenvom Forum Romanum... S. 248; Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten... S. 116.

который содержал бы официальный титул этих магистратов¹⁰¹ Соглашаясь с тем, что ни одна аутентичная запись титулатуры не уцелела, Энн Боддингтон вместе с тем подчеркивала очень раннюю «отрегулированность» в традиции названий должностей магистратов V в. до н. э.¹⁰² Признавая ограниченность нашей источниковой базы для абсолютно утвердительного ответа на вопрос о точной формулировке принятого в V-IV вв. до н. э. официально-наименования должности консульских трибунов, мы все же не видим оснований для принципиального недоверия античной традиции по поводу сохраненного ею как развернутого титула *tribuni militum consulari potestate*, так и его вариантов и сокращений.

Занятие должности консульскими трибунами Тит Ливий описывает различными выражениями: формами глагола «быть» – *erant, fuere* (Liv. IV. 35. 4; IV. 49. 1; IV. 61. 1); устойчивым сочетанием «год имел» – *annus habuit* (Liv. IV. 35. 1; IV. 44. 13; IV. 61. 4; V. 8. 1; V. 24. 1); обозначением вступления в должность – *magistratum iniere* (Liv. V. 16. 1) и, наиболее часто, глаголом, который применительно к должностным лицам переводится как «избирать» – *creare* (Liv. IV. 6. 8; IV. 7. 2; IV. 7. 7; IV. 25. 1; IV. 25. 5; IV. 31. 1; IV. 35. 6; IV. 42. 2; IV. 44. 1; IV. 50. 7; IV. 55. 5; IV. 56. 2; IV. 57. 12; V. 12. 9; V. 13. 2; V. 14. 5; V. 18. 1; V. 26. 1; V. 31. 9; V. 36. 11; V. 52. 16; VI. 4. 7; VI. 5. 7; VI. 27. 2; VI. 30. 1; VI. 35. 5; VI. 37. 5 и др.). Джон Пинсент, считая, что в изложении событий после 398 г. до н. э. Ливий особенно много раз применяет глагол *creare*, усмотрел смену первоисточника римского историка, переход, как он полагал, возможно, к тексту Клавдия Квадриггария¹⁰³ Но активное использование этого глагола у Ливия отчетливо прослеживается применительно к военным трибунам с консульской властью начиная с четвертой книги (см. выше), к тому же *creare* он стабильно употребляет и по отношению к другим высшим магистратам, что заставляет нас не считать версию Дж. Пинсента доказательной.

Совершенно очевидно, что обозначение должностных лиц, выполнявших функции высших магистратов, как *tribuni militum* или *tribuni militares* показывает этимологическую связь термина (и, соответственно, связь происхождения должности) с военной организацией Рима, на что историки обычно и обращают внимание¹⁰⁴. При этом ими часто понимается, что титулом *tribuni militum* именовались военные командиры уже царского времени, ру-

¹⁰¹ Adcock F. E. Op. cit. P. 9.

¹⁰² Boddington A. Op. cit. P. 362.

¹⁰³ Pinsent J. Op. cit. P. 36.

¹⁰⁴ Werner R. Der Beginn... S. 283; Alföldi A. Zur Struktur des Römerstaates im V Jahrhundert v. Chr. // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. S. 241; Ogilvie R. M. A Commentary on Livy... P. 540; Ferenczy E. From the Patrician State... P. 35.

ководившие древними гентильными войсками до введения гоэлитской фаланги¹⁰⁵ По мнению Теодора Моммзена, вождь пеших граждан с обозначением *tribuni militum* существовал с тех пор, как возникла римская община¹⁰⁶ Согласно его представлениям, численность этих офицеров была сначала три, но очень рано увеличилась до шести, что он был склонен связать с разделением трех старых родов Тициев, Рамнов и Луцеров на *priores* и *posteriores*. Вследствие запутанности в историографии вопроса о ранней эволюции римской военной организации, понимание *tribuni militum* как древнейшей офицерской должности римского войска оказалось устойчивым. Разумеется, очевидно, что в первоначальном смысле трибун, – это руководитель трибы, военный трибун должен командовать войском трибы. Однако, войском каких триб руководили военные трибуны, от названия должности которых произошло обозначение магистратов с полномочиями высшей власти? По наблюдениям В. Н. Токмакова, подвергшего глубокому анализу центуриатную реформу Сервия Туллия, «термин *tribuni militum* зафиксирован традицией лишь для республиканского времени и, возможно, имеет отношение к командирам отрядов сервианских триб»¹⁰⁷

В историографии распространено также представление, что консулярных военных трибунов следует связать с *tribuni militum* легиона¹⁰⁸, поскольку количество консулярных трибунов определяется сначала цифрой три, затем – шесть, а именно такое число военных трибунов обычно находят соответственно первоначально в одном, затем в двух легионах, а в последствии шесть на каждый легион¹⁰⁹ Собственно, уже автор первой специальной статьи, посвященной консулярному трибунату (опубликованной в середине XIX в.), Оттокар Лоренц, стремился доказать тождество трех военных трибунов легиона, существовавших, на его взгляд, во времена децемвирата, трем (изначально) консульским трибунам¹¹⁰ Отталкивался от аналогии консулярных трибунов с трибунами легиона и Людвиг Ланге, который склонялся к тому, что ко времени второй сепессии плебсес трибунов в легионе было шесть¹¹¹. Рассуждения эти в свете результатов исследования В. Н. Токмакова

¹⁰⁵ См., например: Valditara G. *Op. cit.* P. 152; Bellen H. *Grundzuge der Römischen Geschichte von der Königszeit bis zum Übergang der Republik in den Prinzipat*. Darmstadt, 1994. S. 9.

¹⁰⁶ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 168.

¹⁰⁷ Токмаков В. Н. *Военная организация...* С. 59.

¹⁰⁸ См. например: Pinsent J. *Op. cit.* P. 51-61.

¹⁰⁹ Sealey R. *Op. cit.* P. 524; Ridley R. T. *The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy...* P. 445.

¹¹⁰ Lorenz O. *Op. cit.* S. 9.

¹¹¹ Lange L. *Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen...* S. 238-242.

кажутся беспочвенными, поскольку в V в. до н. э. не было «не только войска из двух легионов, но и вообще легионов, понимаемых как самостоятельные подразделения войска со строго фиксированной структурой и численностью»¹¹². Только «со второй половины IV. в. с переходом к манипулярной тактике и упорядочением структуры войска легионы превращаются в базовые соединения новой, манипулярной армии»¹¹³

Аурелио Бернарди полагал, что при создании консульского трибуната возводились в ранг высших магистратов офицеры, называвшиеся не *tribuni militum*, но *tribuni celerum*, и только в 426 три *tribuni celerum* были заменены четырьмя *tribuni militum*¹¹⁴. Не соглашаясь с такими утверждениями, Стюарт Стэвели называл их спекулятивными¹¹⁵. Мы же добавим (оставляя в стороне различные проблемы, связанные с корпусом целеров), что, являясь лейб-гвардией царя¹¹⁶, этот корпус должен был прекратить в период республики свое существование. Поэтому подобные построения (а трактовка приведения к верховной власти именно *tribuni celerum* имеется и в последующей историографии¹¹⁷) кажутся нам искусственными и игнорирующими этимологию названия должности. Связь консульских трибунов с чисто военными *tribuni militum*, на наш взгляд, столь прозрачна, что не требует поиска иных генетических корней в военной организации. Другое дело, определение того, кем были в римском войске *tribuni militum* к 40-м годам V в. до н. э., когда их стали наделять высшей исполнительной властью.

Исходя из толкования Варроном (LL. V. 89, 181) происхождения слова *milites* от *miles* (тысяча) и опираясь на мнение Газтано Де Санктиса, Йохена Бляйкена и других историков, В. Н. Токмаков приходит к выводу, что первоначально военные трибуны возглавляли «тысячи», то есть ряды фаланги¹¹⁸. То, что военные трибуны первых двух веков Республики отличались по положению в войске от «офицерских чинов» легиона второй половины IV-II вв. до н. э. наглядно показывает тот факт, что только в 362 г. до н. э., то есть через пять лет после упразднения консульского трибуната, часть воен-

¹¹² Токмаков В. Н. Военная организация... С. 204.

¹¹³ Там же С. 206.

¹¹⁴ Bernardie A. *Dagli ausiliari...* P. 39-41.

¹¹⁵ Staveley E. S. *The Significance of the Consular Tribune...* P. 35.

¹¹⁶ См.: Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С.242-243; Valditara G. *Op. cit.* P. 367.

¹¹⁷ De Martino F. *Intorno all' origine della repubblica romana e della magistrature // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.* Berlin-New-York, 1972. P. 247.

¹¹⁸ Токмаков. В. Н. Военная организация... С. 203.

ных трибунов стала избираться в народном собрании (а не назначаться, как раньше, по усмотрению консулов или диктатора)¹¹⁹ Таким образом, судя по всему, *tribuni militum* как военные руководители воинских подразделений, название должности которых вошло составной частью в титул высших магистратов 444-367 гг. до н. э., связаны именно с центуриатной военной организацией и фаланговой тактикой ведения боя, а не с ранее существовавшим досервианским войском и не с более поздней структурой легиона классической республики.

Греческие авторы обозначали консулярный военный трибунат понятием *χιλίαρχία* (Plut. Cam. 37; Dionys. XI. 61. 3), носителя данной должности термином *χιλίαρχος* (Diod. XII. 32. 1 и др.; App. Celt. III. 3; Plut. Cam. 33; Dionys. XI. 56. 3; Dio Cass. XL. 45; Zon. VII. 19), а ее исполнение глаголом *χιλιαρχέω* (Diod. XXIX. 1; Plut. Cam. 2). Отсюда следует, что, чаще всего, на греческом языке отмечался только военный статус *tribuni militum* как командующих тысячами воинов, без учета их политической роли. Тем более, что именно такими терминами греческие писатели называли полководческие функции обычных римских военных трибунов, руководивших воинскими подразделениями¹²⁰. Греческая передача названия *tribuni militum* как *χιλίαρχος* подтверждает, вместе с тем, точку зрения о военных трибунах как руководителях тысяч фаланги. Однако, указания на консульскую власть военных трибунов имеются и у греческих авторов. Так, Дионисий Галикарнасский (Dionys. XI. 60) вполне четко фиксирует, что они имели власть консулов (*ὑπατική ἐξουσία*). Диодор также использует это словосочетание (Diod. XIV. 113)¹²¹. В другом месте Диодор (Diod. XIX. 12. 1) дает несколько иную формулировку с тем же смыслом – *ὑπατική ἀρχή*. У Диодора есть и акцентирование «собственной власти» консулярных трибунов, проведенное явно с целью подчеркнуть именно их высшую власть в отличие от полномочий военного командования «тысячами» – *οἱ δὲ χιλίαρχοι τῶν Ῥωμαίων ἐπὶ τῆς ἰδίας ἐξουσίας ὄντες* (Diod. XIV. 114)¹²². Плутарх (Plut. Cam. I) отмечает: *ὦν καίτε*

¹¹⁹ Liv. VII. 5. 9.

¹²⁰ См.: Mason H. J. Op. cit. P. 99-100.

¹²¹ *ὁ δὲ πατὴρ τοῦ μέλλοντος παραδίδοσθαι, τῶν χιλιάρχων εἰς ὧν τῶν τῆν ὑπατικὴν ἐξουσίαν ἐχόντων, προεκάλεσατο τὴν δίκην ἐπὶ τὸν δῆμον, καὶ δυνατὸς ὦν ἐπὶ τοῖς πλήθεσιν ἐπεισεν ἄκυρον ποιῆσαι τὴν κρίσιν τῆς συγκλήτου.* (Отец того, кого намеревались передать, будучи одним из трибунов, имевших консульскую власть, воззвал к справедливости у народа и был в состоянии убедить народ не утверждать судебный приговор сената.)

¹²² *οἱ δὲ χιλίαρχοι τῶν Ῥωμαίων ἐπὶ τῆς ἰδίας ἐξουσίας ὄντες, καὶ τὴν τῶν Κελτῶν ἔφοδον ἀκούοντες, ἅπαντας τοὺς ἐν ἡλικίᾳ καθάπλισαν.* (Военные трибуны римлян, имевшие собственную власть, когда услышали о нападении кельтов, всех, в цветущем возрасте находившихся, вооружили.)

ἀπ' ἐξουσίας καὶ δυνάμεως ὑπατικῆς ἅπαντα πραττόντων ἦσαν τῆν ἐπαχθῆς ἡ ἀρχὴ διὰ τὸ πλῆθος (хотя власть и могущество во всем они имели консульские, менее тягостной была эта власть вследствие их многочисленности).

Следовательно, распространенное неиспользование в греческих переводах дополнения о консульской власти военных трибунов не свидетельствует об отсутствии такового в римском официальном названии должности на языке оригинала. Греческие авторы вполне могли просто опускать удлиняющий выражение оборот, как это часто делали и латинские писатели.

Таким образом, мы полагаем, что консулярный трибунал, появившись после создания коллегии консулов, вполне мог иметь в названии должности уточнение о консульской (то есть высшей исполнительной) власти ее носителей. Сообщаемое Титом Ливием наименование данных магистратов как *tribuni militum consulari potestate* не противоречит ни другим более кратким (или совсем укороченным) приводимым им названиям этих должностных лиц, ни сведениям иных античных авторов, ни сокращению, принятому в капитолийских фастах. *Tribuni militum*, от названия офицерской должности которых произошло наименование высших магистратов, избиравшихся в период с 444 по 367 г., были командирами тысяч воинов центуриатной фаланги, но не подразделений легиона, не существовавшего тогда как структурно оформленная единица. Термин *tribuni militum* для обозначения военных руководителей появился, скорее всего, после сервианской военной реформы, поэтому бесперспективно выводить его от названия командиров до-сервианского войска. Интернациональная унификация категориального аппарата на новых языках стимулирует использование на русском языке обозначения магистратуры «консульский военный трибунал», что не исключает применение традиционно принятого в отечественном антиковедении наименования «консулярный военный трибунал» как синонимичного.

1.2. Закон о создании консульного трибуната

Создание и ликвидация высшей магистратуры, – это изменения, безусловно, конституционные. Поэтому далеко не праздным с точки зрения изучения римского государственного права является вопрос о том, на основе каких актов должность была введена и упразднена. Что касается прекращения существования магистратуры военных трибунов с консульской властью, то здесь ситуация вполне ясна: отмена ее произошла на основе третьего из хорошо известных законов плебейских трибунов 367 г. до н. э. Гая Лициния Столона и Луция Секстия Латерана (*leges Liciniaie Sextiae*). Гораздо более сложным является вопрос о том, что послужило правовым основанием для создания магистратуры, каков был характер принятого решения о ее введении, кто и когда это решение принял.

Картина изучения очерченного круга вопросов выглядит в историографии следующим образом. Ряд исследователей, посвятивших консульному военному трибунату специальные статьи, предпочли эту проблему не затрагивать, то есть не выяснять правовые основы оформления магистратуры, рассматривая ее только как историческую данность¹²³

У других авторов не возникало потребности объяснять, на основе какого акта должность консульных трибунов была введена, поскольку их концепции не оставляли для такового места. Так, Рафаэль Сили трактовал ситуацию 445-444 г. следующим образом. Напряжение между сословиями привело сначала к бойкоту плебеями консульских выборов, а затем к отказу подчиняться избранным консулам. Когда большая часть войска отказалась повиноваться консулам, и те не могли выполнять свои функции, сенат распорядился, чтобы три к тому времени уже избранных для руководства войсковыми подразделениями военных трибуна взяли верховное командование в свои руки¹²⁴. По мнению Р. Сили, впоследствии, каждый раз, когда выборы не приводили (из-за позиции плебеев) к избранию консулов, по приказу сената военные трибуны наделялись верховными полномочиями. Получается, согласно такой концепции, что для консульского трибуната никакой правовой базы создано не было, все определяли обстоятельства. Однако странно думать, что римляне в течение почти восьми десятилетий более пятидесяти раз создавали магистратуру только «на основе обстоятельств», «по прецеденту». При их отношении к закону, к обычаям предков, традиции, к миру богов, воля которых узнавалась непреложно во всех важных государственных мероприятиях, такое представить невозможно. Нельзя забывать, что у римлян был предусмотрен легитимный выход из ситуации полного отсутст-

¹²³ Lange L. Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen... S. 235-273; Münzer F. Op. cit. S. 134-149; Adcock F. E. Op. cit. P. 9-14; Pinsent J. Op. cit. P. 29-61; Kirby V. Op. cit. P. 24-29; Drummond A. Consular Tribunes... P. 57-72; Ridly R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy P. 444-461.

¹²⁴ Sealey R. Op. cit. P. 521-530.

вия исполнительной власти, – это *integnum*. Поэтому неизбранием консулов объяснять передачу высшей власти внеконституционным путем командирам воинских подразделений, по меньшей мере, несерьезно. К тому же, зачем было законодательно отменять в 367 г. до н. э. властную структуру, если она никогда не была правовым образом оформлена? Сказанным определяется наше несогласие с трактовкой появления магистратуры военных трибунов с консульской властью не на основе государственно-правовых постановлений, а в виде «политического реагирования» сената на обстоятельства без должным образом оформленных решений.

Другие точки зрения, также автоматически выносящие за скобки вопрос о наличии и характере акта о создании в 444 г. до н. э. новой магистратуры, принадлежат Давиду Зольбергу¹²⁵ и Роберту Бунзе¹²⁶. Согласно гипотезе Д. Зольберга, после изгнания Тарквиния, когда аристократия решила не избирать нового царя, единственными носителями государственной власти оказались трое командующих военными контингентами, выставлявшимися генцильными трибами – *tribuni*, они же *praetores* (один из которых во время войны исполнял роль *praetor maximus*). В таком виде эта первая, на взгляд Д. Зольберга, высшая республиканская магистратура просуществовала до 367 г. до н. э., когда двое из трибунов-преторов превратились в консулов, а третий сохранил одно из прежних названий. Никакого консулярного военного трибуната, по утверждению Д. Зольберга, в 444–367 гг. не существовало, а потому вопрос о способе его введения сам собою для этого автора снимается. Точно также он снимается для Р. Бунзе, усматривающего на указанном хронологическом отрезке в качестве высшей коллегиальной лишь магистратуру в составе *praetor maximus et duo praetores minores*.

Естественно, что в отличие от названных авторов, многие исследователи были далеки от того, чтобы отрицать саму должность военных трибунов с консульской властью или всякую правовую основу для ее возникновения. При этом в романистике еще в прошлом веке был поставлен вопрос о том, была ли она предусмотрена с самого начала конституирования республики, или решение о ее создании было принято незадолго до первого случая функционирования этой магистратуры. Давший толчок обсуждению многих вопросов римского государственного права Теодор Моммзен писал, касаясь создания консулярного трибуната, что трудно решить, была ли потребность в нем «почувствована одновременно с введением республики или впервые позднее появилась»¹²⁷. Все же он склонялся к тому, что консулярный трибунат, также как и диктатура, были интегрированы в «консульскую конституцию», то есть, предусмотрены в «основном законе республики, на котором

¹²⁵ Sohlberg D. Op. cit. S. 257-274.

¹²⁶ Bunse R. Op. cit. S. 87-99.

¹²⁷ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 165.

покоился и сам консулат»¹²⁸ Так же как он отрицал особый *lex de dictatore creando*¹²⁹, Т. Моммзен фактически не признавал и специальный закон о введении должности *tribuni militum consulari potestate*, считая, что римская традиция ничего о нем не знает. Видимо, этот «основной закон республики» и имел в виду «старый мастер», как назвал Т. Моммзена Ф. Мюнцер¹³⁰, когда заново обратился к консульскому трибунату в последний год своей жизни.¹³¹ В данной публикации Т. Моммзен, говоря о фиксации «в законе», без уточнения в каком именно, количества консульных трибунов, отмечал, что в противоположность числу два для консулов, для них было определено не абсолютное, а только «множественное число», и, если в ходе выборов сразу получали поддержку более двух кандидатов, никакого дальнейшего избрания не проводилось¹³²

Если, таким образом, по Т. Моммзену получалось, что перед началом функционирования консульного трибуната никаких законодательных изменений в структуре исполнительной власти проведено не было, ибо они уже были более чем за полвека до того продуманы и закреплены в «основном законе республики», то, по мнению других исследователей, эти изменения имели место в 445 г. до н. э. и их следует называть, как считал Жак Эргон, конституционными¹³³ Действительно, трудно согласиться с Т. Моммзенем, даже преклоняясь перед его авторитетом, что основатели республики оказались настолько предусмотрительными и прозорливыми, что позаботились о создании магистратуры, востребованной в государственной практике только через шестьдесят пять лет. Конечно же, следует признать правоту той точки зрения, что только непосредственно перед избранием первых консульных трибунов римляне прибегли к конституционным изменениям.

Что же представляли собой эти конституционные изменения? В каких понятиях римского государственного права и политической жизни ранней Республики мы можем их описать? Был ли это закон (*lex*) или какой либо другой акт, который в понимании римлян обеспечивал легитимность нововведения? Исследователи часто пишут о «сенатском решении» 445 г. до н. э.¹³⁴ Но при этом обычно трудно понять, что имеется в виду: сенатское постановление о конкретном избрании в 444 г. до н. э. военных трибунов с консульской властью, или принципиальное решение о создании должности. Иногда в специальной литературе используются термины на новых языках,

¹²⁸ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 165.

¹²⁹ *Ibid.* S. 127-129. См. об этом: Дементьева В. В. Магистратура диктатора... С. 21-22.

¹³⁰ Münzer F. *Op. cit.* S. 134.

¹³¹ Mommsen Th. *Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten...* S. 116-124.

¹³² *Ibid.* S. 118.

¹³³ Heurgon J. *The Rise of the Rome...* P. 173-174.

¹³⁴ Staveley E. S. *The Significance of the Consular tribunate...* P. 30; Ogilvie R. M. *Commentary on Livy...* P. 539.

которые не всегда однозначно можно соотнести с тем или иным римским политико-правовым актом, – например, Стюарт Стэвели называет «the decree 445»¹³⁵, то есть «декрет 445 г. до н. э.» Встречаются также в историографии мимоходом употребленные обозначения акта этого года как «закон», без аргументации в пользу такого толкования и без историографических экскурсов по поводу трактовки характера этого постановления, как, например, в статье Энн Боддингтон¹³⁶

Собственно понимание конституционных изменений 445 г. до н. э. как особого закона о военных трибунах с консульской властью (*lex de tribunis militum consulari potestate creandis*) появилось в антиковедении XIX века. Его следует связать с именами Э. Херцога и П. Виллемса¹³⁷ Эрнст Херцог особенно подчеркивал, что «введение этого компромиссного института было осуществлено законным путем и даже, на наш взгляд, через специальный закон от 445 г.»¹³⁸, и высказал некоторые соображения по поводу содержания этого закона.

Сомнения в том, что в 445 г. до н. э. был принят особый закон о новой магистратуре, появились в специальной литературе начала XX в., что, в определенной мере, было частным проявлением гиперкритических тенденций в антиковедении этого времени. Так, Юлиус Биндер полагал, что понимание акта этого года как закона было порождено анналистами¹³⁹ Джованни Ротонди, отмечая отсутствие прямых свидетельств об этом в источниках, не был уверен в том, что это был фактически закон¹⁴⁰. Противоположную позицию занял Джордж Ботсфорд, признававший законодательный характер принятого решения.¹⁴¹

В течение долгого времени этот вопрос (после его обсуждения в работах первых лет двадцатого века) специально не поднимался в трудах по римской политической системе, законодательству ранней Республики и, как мы уже видели, собственно консульскому трибунату. Вновь к нему обратился уже в начале 90-х гг. Унто Паананен¹⁴² Он стремился доказать практически применительно к каждому из актов, известных как законы о магистратах, что они не были результатом голосования в комициях. Анализируя шестнадцать законов за период 499-171 гг. до н. э., посвященных созданию магистратур или изменению порядка избрания магистратов, он явно склоняется к мысли,

¹³⁵ Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate... P. 32.

¹³⁶ Boddington A. Op. cit. P. 357.

¹³⁷ Herzog E. Geschichte und System... S. 735-736; Виллемс П. Указ. соч. С. 299-300.

¹³⁸ Herzog E. Geschichte und System... S. 735.

¹³⁹ Binder J. Die Plebs: Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1909. S. 479.

¹⁴⁰ Rotondi G. *Leges publicae populi Romani*. Hildesheim, 1962. P. 79, 208. (Книга вышла первым изданием в 1912 г.)

¹⁴¹ Botsford G. W. *The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic*. New-York, 1909. P. 234.

¹⁴² Paananen U. Op. cit. P. 21-22.

что в античной традиции с целью написания истории политических институтов была придумана практика принятия законов по этим поводам¹⁴³. Вместе с тем, данный автор в текстах римских и греческих писателей, сообщающих об изменениях в системе республиканских должностей, не находит доказательств именно утверждения законов в этих ситуациях. Отрицая участие центуриатного собрания в голосовании, например, *lex de dictatore creando* (автор полагает, что как максимум это было слушанием сенатского решения на куриатном собрании¹⁴⁴), а также *lex sacrata* 494 г. до н. э.¹⁴⁵, *lex de creandis decemviris legibus scribundis* 452 г. до н. э.¹⁴⁶ и других законов, У Паананен утверждает, что и решение о создании консульского трибунала не было волеизъявлением народного собрания, а только сената. Встреча сенаторов с народом могла иметь место, по его мнению, на *contio* и носила «информативный или консультативный характер». Тем самым У Паананен отрицает, что в 445 г. до н. э. был принят именно закон (*lex*) о создании должности военных трибунов с консульской властью.

То, что *lex* – это непременно утвержденным голосованием в комициях акт, признают и специалисты по римскому праву, и историки-антиковеды¹⁴⁷. Д. В. Дождев отмечает, что римляне считали критерием закона как «высшей и самой совершенной формы позитивного права» его принятие народным собранием¹⁴⁸. При этом законодательные функции были у всех трех видов комиций: куриатных, центуриатных и трибутных¹⁴⁹. Как подчеркивала И. Л. Маяк, «*lex* всегда связан с *populus* (Varro LL. VI. 29, 66; Gell. X. 20. 2; Gai I. 3; Fest. p. 326; Paul-Fest. p. 327) в любом значении этого слова»¹⁵⁰. Следовательно, отрицание факта голосования в народных собраниях означает непризнание того или иного акта законом в римском понимании. Так было ли в 445 г. до н. э. одобрение со стороны народа предложений о введении новой магистратуры?

Прежде чем проанализировать сообщения источников о появлении должности *tribuni militum consulari potestate* зададимся вопросом о том, могли ли важные государственные нововведения в Риме V-IV вв. базироваться

¹⁴³ Paananen U. Op. cit. P. 14, 16.

¹⁴⁴ Ibid. P. 16, 17.

¹⁴⁵ Ibid. P. 17-19.

¹⁴⁶ Ibid. P. 21.

¹⁴⁷ См., например: Bleicken J. *Lex Publica. Gesetz und Recht in der Römischen Republik*. Berlin – New York, 1975. P. 58-71; Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 405-406; Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., 1972. С. 24; Он же. Римское право. М., 1998. С. 17; Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // Ливий Тит История Рима от основания города. Т. 3. М., 1994. С. 643; Хуыз М. Х. Римское частное право. М., 1994. С. 12; Скрипелев Е. А. Основы римского права. М., 1998. С. 48.

¹⁴⁸ Дождев Д. В. Римское частное право. 2-е изд. М., 1999. С. 90.

¹⁴⁹ См., например: Санчурский Н. В. Римские древности. М., 1995. С. 65-68.

¹⁵⁰ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики... С. 80.

не на итогах голосования в народном собрании, а на сенатском решении. Исходя из представлений о той роли, которую играл сенат, а особенно *patres*, сенаторы-патриции, в первые два века республики, о их сакральных прерогативах и праве подтверждать своим авторитетом решения гражданского коллектива¹⁵¹, мы отвечаем на него утвердительно. Будучи уверены в том, что компетенция магистратов была в этот период вторичной по отношению к верховенству *patres*, а *mos maiorum* и *auctoritas patrum* были, как и *lex*, правовыми понятиями¹⁵², мы признаем, что далеко не для всех существенных изменений в государственном управлении Римской Республики требовался закон как решение народного собрания на основе предложений магистрата. Это могло быть и постановление *patres* или всех *senatores* (*auctoritas patrum*, *senatusconsultum*).

Достаточно ли было только сенатского постановления именно в случае создания новых должностей? Ряд авторов в современной историографии, в частности Йохен Бляйкен и Херберт Грцивотц, дают положительный ответ на этот вопрос, считая, что в подобных ситуациях *lex* был не обязателен¹⁵³. Речь в таком случае уже идет о важнейших реорганизациях системы исполнительной власти. Была ли она принципиально возможна без участия комиций, мы в данный момент затрудняемся ответить. Но даже если допустить такую возможность и признать достаточным для введения новой магистратуры только сенатское решение, следует все же внимательным образом рассмотреть сведения источников о конкретном случае появления должности консульских трибунов.

Обратимся к Титу Ливию. Когда он первый раз пишет о переходе к консульному трибунату, может сложиться впечатление, что эта магистратура так или иначе уже известна (если не в непосредственной политической практике, то хотя бы в государственно-правовых установлениях): «во время этих совещаний дело дошло до того, что допустили избрание военных трибунов с консульской властью из патрициев и плебеев, в избрании консулов ничего изменено не было» – (Liv. IV. 6. 8)¹⁵⁴. Во всяком случае, Т. Моммзен полагал, что в этом пассаже Ливия говорится не о введении консульского трибуната как такового, а о первом предоставлении плебеям права участия в

¹⁵¹ См.: Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие... С. 53-66 и др. Она же. Причины наступления римского республиканского междуцарствия // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 6. М., Магнитогорск, 1998. С. 33-39.

¹⁵² Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие... С. 64-65; Она же. Политико-правовой механизм назначения римских интеррекссов // *IUS ANTIQVVM*. Древнее право. М., 1999. № 1 (4). С. 33-43.

¹⁵³ Bleicken J. Die Verfassung der Römischen Republik. 6. Auf. Paderborn- München- Wien-Zürich, 1993. S. 114-115; Grziwotz H. Das Verfassungsverständnis der römischen Republik (Ein methodischer Versuch). Frankfurt am Main- Berlin- New York, 1985. S. 57.

¹⁵⁴ ...per haec consilia eo deducta est res, ut tribunos militum consulari potestate promiscue ex patribus ac plebe creari sinerent, de consulibus creandis nihil mutarentur...

нем¹⁵⁵. И. В. Нетушил по этому поводу замечал следующее: «Возможно, что сенат прибегал когда-нибудь к полной замене консулов выборными консулярными трибунами, и что сословная борьба воспользовалась этим прецедентом для компромисса»¹⁵⁶. Действительно, процитированная фраза Ливия, с которой он начинает повествование о консулярном трибунате, дает простор для толкования исследователями: ее с равным успехом можно понять и как решение о переходе к уже известной магистратуре, и как постановление о создании новой должности. Опираясь на этот фрагмент, а также на три других той же четвертой книги Ливия (IV. 7. 1; 12. 4; 55. 6), где ничего не говорится о способе учреждения консулярного трибуната, У. Паананен делает вывод, что ни о каком законе Ливий не упоминает. Это, однако, не так.

О законе (*lex*), по которому плебейм дозволялось избираться военными трибунами с консульской властью, Ливий вполне определенно пишет, излагая речи трибунов с консульскими полномочиями 424 г. до н. э. Он вкладывает в их уста в числе сетований по поводу реального предоставления плебейм высших должностей следующие слова: «С величайшими усилиями удалось отвоевать для плебеев право быть избранными в военные трибуны. Люди, отличившиеся на военном и гражданском поприще, предъявили свои права. В первые годы их оскорбляли, отстраняли и поднимали на смех патриции и, наконец, те перестали выставлять себя на поношенье. Нам не ясно, говорили на сходках, отчего не отменяют закон, дозволяющий то, чему никогда не бывать: ведь узаконенное неравенство не столь оскорбляет, как презрение к будто бы недостойным избрания». (Liv. IV. 35. 10-11 – перевод Г. Ч. Гусейнова)¹⁵⁷. Мы привели довольно длинную цитату, чтобы показать, что контекст отчетливо свидетельствует, о каком законе идет речь, – о законе, содержание которого непосредственно относилось к должности консулярных военных трибунов. Таким образом, утверждения, что Ливий нигде о законе по поводу военных трибунов с консульской властью не упоминает и не использует в этой связи термина *lex*, являются неоправданными. У. Паананен, по нашему мнению, не увидел главного свидетельства римского историка. Отметим, что в приведенном фрагменте Ливий усмотрел фиксацию *lex de creandis tribunis militum consulari potestate* Джованни Ротонди¹⁵⁸, но он датировал этот закон 427 г. до н. э. отличая (на наш взгляд, необоснованно) от закона 445 г., который упоминал под вопросом. Логичнее считать, что

¹⁵⁵ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*... S. 165.

¹⁵⁶ Нетушил И. В. *Очерк*... С. 170.

¹⁵⁷ *Summa vi expugnatum esse, ut tribuni militum consulari potestate et ex plebe crearentur. Petisse viros domi militiaeque spectatos: primis annis suggillatos repulsos risui patribus fuisse; desisse postremo praebere ad contumeliam os. Nec se videre, cur non lex quoque abrogetur, qua id liceat, quod numquam futurum sit: minorem quippe ruborem fore in iuris iniquitate, quam si per indignitatem ipsorum praetereantur.*

¹⁵⁸ Rotondi G. *Op. cit.* P. 212.

соответствующий закон был принят до первого случая функционирования магистратуры консульских трибунов. Могла бы, конечно возникнуть потребность в повторном его принятии, как иногда это имело место в римской политической практике, но свидетельств, что это действительно произошло в 427 г. до н. э. или каком-либо другом году у нас нет. Возможное в связи с этим предположение, что каждый раз переход к консульскому трибунату оформлялся как закон, также не кажется нам правдоподобным, поскольку тогда он бы голосовался свыше пятидесяти раз, о чем непременно сохранились бы свидетельства в источниках. К тому же, например, использование магистратуры диктатора базировалось на одном законе о ее создании и сенатских решениях о конкретных переходах к ней (а не 80-ти последующих утверждениях закона в комициях). Данная аналогия также дает нам основание сделать вывод, что для создания магистратуры, во всяком случае – чрезвычайной, требовалось принять закон, после чего прибегнуть к ней в случае необходимости можно было без специального решения народа.

Второй основной источник, повествующий о создании интересующей нас магистратуры, труд Дионисия Галикарнасского. Из его описания (Dionys. XI. 61)¹⁵⁹ следует, что консулами (ὑπὸ τῶν ὑπάτων) было составлено законодательное предложение (προβούλευμα), которое плебейские трибуны (δῆμαρχοι) с ликованием вынесли на форум (ἀγορά). Затем на собрание (ἐκκλησία) был созван народ (πλῆθος), постановивший при одобрении сената (βουλή), что домогаться должности плебеи могут вместе с патрициями. Следовательно, Дионисий излагает, на наш взгляд, процедуру, обычную для принятия закона в Риме: законодательная инициатива консулов, на голосование в комициях выносятся rogatio, после утверждения народом законопроект превращается в lex. В трактовке У. Паананена все выглядит совершенно иначе. Он считает, что использованный Дионисием термин προβούλευμα должен однозначно пониматься как senatusconsultum, а ἐκκλησία в данном случае означает contio, то есть просто сходку, и делает вывод, что Дионисий сообщает о решении 445 г. до н. э. как исходившем не от народного собрания, а от сената. Конечно, греческие авторы могли использовать для обозначения senatusconsultum понятие προβούλευμα, но этим термином они обычно называли и законопроект, предложение для утверждения в народном собрании (применительно как к греческой, так и к римской действительности), предварительное решение совета (буле или, соответственно, сената) о всякой инициативе, выносимой на народное собрание. У Дионисия отчетливо говорится, что προβούλευμα в данном случае, – то, что предложено для утверждения народному собранию. Что же касается понятия ἐκκλησία, то оно

¹⁵⁹ Γράφεται δὴ τὸ προβούλευμα ὑπὸ τῶν ὑπάτων, καὶ λαβόντες αὐτὸ μετὰ πολλῆς χαρᾶς οἱ δῆμαρχοι προήλθον εἰς τὴν ἀγοράν. Ἐπειτα καλέσαντες τὸ πλῆθος εἰς τὴν ἐκκλησίαν, πολλοὺς διέθεντο τῆς βουλῆς ἐπαίνους, καὶ παραγγέλλειν τὴν ἀρχὴν ἐκέλευον τοῖς ἐθέλουσι τῶν δημοτικῶν ἅμα τοῖς πατρικίοις.

применимо к любому народному собранию, в том числе и законодательному. А если на него выносятся консулами законопроект (ибо это и основное, и конкретное в данной фразе значение слова *πρόβουλεύμα*), то, очевидно, за греческим понятием *ἐκκλησία* скрывается римское – *comitia*. Нам кажется, что отрицать отражение Дионисием участия народного собрания в голосовании законопроекта по поводу введения консулярного военного трибуната можно только при стремлении во что бы то ни стало на любом примере подтвердить тезис о том, что римские законы о магистратах, это фактически не законы. Да, мы соглашаемся, что даже при важных корректировках функционирования государственного механизма римляне в период ранней Республики могли обойтись без принятия закона, но это не значит, что каждую конкретную ситуацию можно произвольно трактовать в пользу этого утверждения. Если же смотреть непредвзятым взглядом на сообщение Дионисия, то следует признать, что выводы о «консультативном» и «информативном», а не законодательном характере собрания не имеют в нем опоры и явно надуманы. Разумеется, *senatusconsultum* исключить нельзя, он мог быть принят и даже, скорее всего, действительно был принят. Но он был вынесен не вместо закона, а наряду с ним. К тому же, сенат и в случае первой замены ординарной консульской магистратуры консулярным трибуналом, как и каждый раз впоследствии, должен был принять конкретное решение о такой замене. Без постановления сената дело не обходилось, но не нужно смешивать сенатское постановление о том, что на 444 г. избираются консулярные трибуны, с законом о создании такой должности. На каких комициях проходило утверждение этого законодательного предложения, – сказать по этому поводу что-либо определенное трудно, так как в античной традиции нет об этом упоминаний. Исходя из функций народных собраний, можно предположить, что он, скорее всего, принимался центуриатными комициями.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в случае введения должности *tribuni militum consulari potestate* источники отнюдь не опровергают, а более того, подтверждают наличие закона, то есть принятого голосованием в комициях правового акта. И непосредственное использование Титом Ливием понятия *lex* применительно к нему, и наиболее естественная интерпретация слов Дионисия Галикарнасского служат тому доказательством.

Признавая наличие принятого в 445 г. до н. э. закона о введении магистратуры консулярных военных трибунов, зададимся вопросом о возможности реконструкции его содержания. Ливий дает только основание считать, что в нем был зафиксирован доступ плебеев к этой должности (*Liv. IV. 35. 11*). Это подтверждает и Дионисий (*Dionys. XI. 61*). Остальное мы можем лишь предполагать. К тому же практика функционирования данной должности может навести на мысль о том, что кое-что не было оговорено в законе, допустим, численность коллегии, поскольку количество магистратов было величиной непостоянной. П. Виллемс, например, отмечал: «Закон, который

создал эту экстраординарную магистратуру, может быть даже возложил на сенат обязанность ежегодно определять число этих магистратов»¹⁶⁰ Э. Херцог думал, исходя из представлений о том, что полномочия вновь введенных по этому закону магистратов ограничивались по сравнению с консульскими, что «в интересах патрициев было позаботиться о том, чтобы эти вопросы в законе не были затронуты»¹⁶¹. Логично все же предположить, что компетенция магистратов должна была (хотя и в самом общем виде) в нем быть очерчена, во всяком случае, наверное, оговаривалось наделение их высшей властью. Мы не можем сказать точно, каков был записанный в законе официальный титул носителей этой должности. Однако полагаем, что непротиворечивое использование Ливием и другими античными авторами как развернутой формулировки *tribuni militum consulari potestate*, так и различных вариантов и сокращений, позволяет нам считать, что, так или иначе, она восходит к законодательному документу. Не исключена вероятность, что в нем закреплялось за сенатом право переходить от обычного консульского правления к консулярному трибунату. В целом, о сколь-нибудь детальной реконструкции содержания этого акта, разумеется, говорить не приходится.

Таким образом, нам представляется, что те немногие свидетельства об обстоятельствах появления консулярного военного трибуната, имеющиеся в античной традиции, позволяют считать его законодательно установленным в качестве новой магистратуры на основе голосования в комициях в 445 г. до н. э. Тем самым можно определить как однотипные по правовому статусу акты создания и ликвидации этой коллегии высших магистратов. Концепция об отсутствии должности военных трибунов с консульской властью в римском конституционном устройстве и точка зрения о ненужности правовой базы для ее введения не выглядят для нас сколь-нибудь убедительными. Мнение о том, что эта должность изначально была зафиксирована при становлении Республики в «консульской конституции» мы также не можем разделить, поскольку конституция Республики не была единым писанным «основным законом», в котором все было предусмотрено на десятилетия и века вперед. Введение должности произошло, на наш взгляд, незадолго до появления первых ее носителей, было проведено в качестве специального закона (*lex de tribunis militum consulari potestate creandis*), в содержании которого оговаривалось представительство плебеев в этой высшей магистратуре.

¹⁶⁰ Виллемс П. Указ соч. С. 300.

¹⁶¹ Herzog E. *Geschichte und System...* S. 735.

1. 3. Причины введения должности консульских трибунов в римскую конституцию

Коллегиальная магистратура *tribuni militum consulari potestate* была создана в качестве особого звена римского конституционного устройства в середине 40-х гг. V в. до н. э. Что заставило римлян ввести в это время в государственную практику новую высшую должность, что послужило побудительными мотивами для ее оформления? Какими потребностями общественной жизни *civitas* было обусловлено ее возникновение? Эти вопросы являются принципиальными уже потому, что относятся к исторической реконструкции такого важного процесса, как формирование политической системы республиканского Рима, структур ее исполнительной власти. Естественно, что задавались этими вопросами многие исследователи, формулируя причины возникновения консульского трибуната в активной полемике друг с другом. Концепций по этому поводу высказано достаточное количество, перейдем к их изложению и разбору.

Одной из традиционных точек зрения на проблему является представление о том, что консульский трибунал был вызван к жизни сословной борьбой плебеев с патрициями, явившись компромиссом в борьбе за доступ плебеев к консулату (сохранив для себя консулат, патриции пошли на уступку в виде создания новой, предполагавшей участие плебеев, высшей магистратуры) и, тем самым, их достижением, обозначившим определенный этап в противостоянии сословий. Это мнение, высказанное во второй половине XIX в. такими крупными исследователями как Б. Нибуэр, А. Шwegлер, Т. Моммзен, Л. Ланге, Э. Херцог было затем поддержано Г. Де Санктисом, Ф. Де Мартини и другими антиковедами¹⁶² При этом, конечно, в трактовке каждого из сторонников данной концепции имелись свои нюансы. Так, например, Б. Нибуэр рассматривал создание консульского трибуната как развитие тенденции, заложенной, по его мнению, децемвиратом, когда единое патрицианско-плебейское правительство в виде десятичленной коллегии превратилось в три должности, в совокупности также имевшие десять мест (шесть консульских военных трибунов, два цензора и два квестора)¹⁶³ Если по Б. Нибуэру, таким образом, получалось, что консульский трибунал, являясь достижением в сословной борьбе, был развитием возникшей в середине V в. до н. э. формы патрицианско-плебейского управления общиной, то, в соответствии с точкой зрения А. Шwegлера, связь с децемвиратом по этой линии (де-

¹⁶² Niebuhr B. *Römische Geschichte...* S. 570-574; Idem. *Vorträge über römische Geschichte...* S. 329-333; Schwegler A. *Op. cit.* S. 117; Lange L. *Römische Alterthümer...* S. 646; De Sanctis G. *Op. cit.* P. 54-56; Herzog E. *Geschichte und System...* S. 201; Моммзен Т. *История Рима...* С.237; Копп У. *Римские древности.* М., 1868. С. 64; Герье В. И. *История Рима. Республиканский период.* 1889. С. 128, 144; Jones H. S. *Consular tribunate* // *The Cambridge Ancient History.* Vol. VII. Cambridge, 1928. P. 519; De Martino F. *Storia...* P. 266.

¹⁶³ Niebuhr B. *Römische Geschichte...* S. 570-571.

сать магистратов, представленных патрициями и плебеями) не прослеживается, поскольку первоначально коллегия консульных трибунов состояла из трех человек¹⁶⁴. В отличие от греческих государств, считал А. Шwegлер, в которых победа одной из сторон в политической борьбе, как правило, имела следствием новую конституцию, в Риме победа плебеев на данном этапе не привела к конституционному изменению формы правления, а только к участию их во властных структурах¹⁶⁵.

Наиболее подробным образом мнение о сословной борьбе как основополагающей причине введения консульного трибуната аргументировалось и последовательно защищалось Стюартом Стэвели¹⁶⁶. Его доказательства включали в себя следующее. Введение консульного трибуната неспроста совпало по времени с созданием в 443 г. до н. э. цензорской должности. Цензура стала для патрициев средством защиты против опасности, создаваемой заменой консулов военными трибунами с консульской властью. Тем самым прослеживается «жизненная связь» появления консульного трибуната с сословной борьбой. То же подтверждается и отменой этой должности по закону Лициния – Секстия в 367 г. до н. э.: ликвидация магистратуры консульских трибунов была связана с установлением принципа паритета сословного представительства в консулате, что знаменовало новую победу плебеев. Далее, С. Стэвели акцентировал внимание на том, что, если изъять в качестве причины введения должности военных трибунов с консульской властью сословную борьбу, то все описание в анналистической традиции событий 444–367 гг. до н. э. становится непонятным. Многочисленные конфликты между сенатом и плебейскими трибунами по вопросу о том, кого следует избрать, консулов или консульных трибунов, теряют тогда всякий смысл. Таким образом, С. Стэвели рассматривал появление магистратуры *tribuni militum consulari potestate* как решительную победу плебеев.

Контраргументация, приводимая в противовес данной точке зрения, сводилась, прежде всего, к тому, что до 400 г. до н. э. реально плебеи не принимали участия в этой магистратуре¹⁶⁷. А если и принимали, то, как подчеркивал Ф. Эдкок, в первые четыре десятилетия такие случаи единичны¹⁶⁸. Или, по замечанию Р. Ридли, всего лишь 400, 399, 396 и 379 гг. до н. э. отмечены у Ливия их присутствием в ней¹⁶⁹. Начиная с К. Ю. Белоха, существовало также стремление доказать, что плебеев вообще не было в магистратуре консульских трибунов на всем протяжении ее существования. К. Ю. Белоха полагал, что имена плебеев в ней 400, 399, 396 и 379 гг. до н. э. были просто

¹⁶⁴ Schwegler A. Op. cit. S. 114.

¹⁶⁵ Ibid. S. 109.

¹⁶⁶ Staveley E. S. The Significance of the Consular Tribunate... P. 30–36.

¹⁶⁷ Cornelius F. Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940. S. 59.

¹⁶⁸ Adcock F. E. Op. cit. P. 9.

¹⁶⁹ Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 450.

интерполированы из списка плебейских трибунов¹⁷⁰ В роли последователя К. Ю. Белоха во второй половине XX в. выступил Дж. Пинсент¹⁷¹ В свою очередь, Р. Сили вообще не видел причин, по которым плебеям следовало бы бороться за должность консульских трибунов, полагая, что она не принесла им достоинства обладателей *fascēs*¹⁷² С. Стэвели отвечал оппонентам (как уже сформулировавшим свои выводы к моменту написания его статьи, так и потенциальным), что дело было в принципиальной возможности доступа к высшей исполнительной власти, но возможность – не есть немедленное воплощение в жизнь этого права: избиратели традиционно поддерживали привычных патрицианских руководителей общины, да и патриции оказывали сопротивление. Сам С. Стэвели находил, что плебеи участвовали в консульском трибунате в 444, 422, 400, 399, 396, 383, 380, 379 и 378 гг. до н. э.¹⁷³

Другой контрдовод проистекал из представления, что плебеи имели доступ в консулат ранее 367 г. до н. э., как это утверждал А. Бернарди¹⁷⁴, поэтому не испытывали необходимости в получении уступки в виде консульского трибуната. Возражая на это, С. Стэвели опирался на капитолийские фасты, не находя в них для данного времени у консулов имен таких *gentes*, которые бы не были представлены патрицианскими семьями. Кроме того, он указывал, что, даже если плебеи и имели бы доступ в консулат до 367 г. до н. э., это не отменяло бы всяческих ухищрений и политических маневров патрициев с целью отрезать их от него, а, следовательно, создание новой высшей должности на основе компромисса было важной вехой в противоборстве сословий.

Аурелио Бернарди, исходя из названного тезиса о возможности участия плебеев в консулате до законов Лициния-Секстия и полагая, что до 426 г. до н. э. консульский трибунат был представлен *tribuni celerum* (избиравшимися на куриатных комициях, а, следовательно, являвшимися исключительно патрициями не по стечению обстоятельств избирательной кампании, а по предписанию законов), приходил к выводу о заинтересованности именно патрициев в создании этой магистратуры¹⁷⁵ Таким образом, А. Бернарди связывал причины возникновения консульского трибуната с сословной борьбой, но расценивал его появление не как компромисс, достигнутый плебеями, а как реакционную меру, на которую пошли патриции, дабы укрепить свое влияние в структурах высшей исполнительной власти.

¹⁷⁰ Beloch K. J. Op. cit. S. 251.

¹⁷¹ Pinsent J. Op. cit. P. 32, 42.

¹⁷² Sealey R. Op. cit. P. 529.

¹⁷³ Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate... P. 34.

¹⁷⁴ Bernardi A. Patrizi e plebei... P. 3.

¹⁷⁵ Bernardi A. Dagli ausiliari... P. 39-40.

Итак, гипотезы, обуславливающие создание должности военных трибунов с консульской властью сословными конфликтами, в трактовке заинтересованности той или иной противоборствовавшей стороны в ее появлении диаметрально противоположны. При этом подавляющее большинство исследователей, отстаивавших неразрывную связь возникновения консульского трибуната с борьбой плебеев за политические права, понимали его введение в государственное устройство как их успех; только А. Бернарди полагал, что нововведение было инициировано патрициями.

Другое направление в объяснении основополагающих причин возникновения должности *tribuni militum consulari potestate* находит их в военных потребностях Римской Республики. К числу сторонников такого подхода принадлежали Макс Целлер, Эрнст Корнеманн, Вильгельм Зольтау, Франц Альтхайм, Фридрих Корнелиус, Кристер Ханель, Герхард Дулькайт, Эрнст Мейер, Э. Тойблер¹⁷⁶. Суть их взгляда на причины создания консульского трибуната состояла в необходимости для Рима увеличения числа командующих войсками в связи с увеличением количества театров военных действий, для которых уже не хватало двух консулов. Главными доводами в пользу такой трактовки были: непостоянная численность коллегии (что можно объяснить конкретными военными потребностями определенного года), изменение которой согласовалось, на их взгляд, с интенсификацией военной деятельности Рима (например, увеличение числа членов коллегии до шести во время вспышки войны с Вейями¹⁷⁷), а также военное происхождение данных магистратов (наделение консульскими полномочиями командиров войсковых подразделений) и патрицианский, в подавляющем большинстве, состав коллегии (для военных целей патриции были наиболее подходящими кандидатурами). Такой подход вызвал со стороны ряда историков активную критику, начало которой положил Вильгельм Хоффманн в рецензии на книгу Фридриха Корнелиуса¹⁷⁸. Контраргументация не соглашавшихся с данной концепцией исследователей сводилась к следующему. Увеличить число военных руководителей можно было назначением диктатора (с его заместителем – начальником конницы), при подчинении которому как главнокомандующему могли действовать и консулы, – эта слабость военной интерпретации причин создания консульского трибуната была подмечена еще Т. Мом-

¹⁷⁶ Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1893. С. 195; Kornemann E. Zur altitalische Verfassungsgeschichte... S. 203; Soltau W. Zur römischen Verfassungsgeschichte... S. 524-529; Altheim F. Römische Geschichte. Frankfurt am Main-Wiesbaden, 1951. S. 330; Idem. Epochen der römischen Geschichte. Frankfurt am Main, 1934. S. 152; Cornelius F. Untersuchungen... S. 59; Hanell K. Op. cit. S. 199; Dulckeit G. Op. cit. S. 28-29; Meyer Er. Römischer Staat... S. 70-71; Täubler E. Der römische Staat. Stuttgart, 1985. S. 24.

¹⁷⁷ Heurgon J. The Rise of Rome... P. 175. Эрнст Мейер считал, что во время войны с Вейями войска римлян насчитывали 600 всадников и 6000 пехотинцев, составляя шесть подразделений, для которых требовалось шесть командующих: Meyer Er. Römischer Staat... S. 71.

¹⁷⁸ Hoffmann W. Fridrich Cornelius. Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940.-128 s. // Gnomon. 1943. Bd. 19. Heft 2. S. 80-89.

1. 3. Причины введения должности консульных трибунов

51

мзеном. Еще более принципиальное возражение состояло в том, что годы, в которых были избраны консульные трибуны, часто были годами мира. Так, Рональд Ридли относил к таким годам 444, 438, 433, 432, 425, 424, 422, 420, 419, 417, 416, 387 и 384 г. до н. э.¹⁷⁹ Другие авторы давали свое перечисление мирных лет с консульским трибуналом¹⁸⁰. К тому же, подчеркивалось, что решение избрать военных трибунов с консульской властью принималось прежде, чем потребность бороться с врагами на разных фронтах могла быть предсказана¹⁸¹. Кроме того, обращалось внимание на частое назначение диктаторов в качестве главнокомандующих вместо консульных трибунов во время серьезных войн и на длительное избрание шести трибунов ежегодно, независимо от внешнеполитической ситуации¹⁸².

В целом, несмотря на активную критику, гипотеза, объясняющая военными причинами возникновение консульского трибунала, в мировой историографии широко распространена. Собственно, даже ряд авторов, делавших главный акцент на сословной борьбе как причине, породившей эту магистратуру, отмечали и военную необходимость в ней. В частности, Теодор Моммзен видел ее военную целесообразность¹⁸³, а И. В. Нетушил признавал в равной мере и социальные, и военные предпосылки ее создания¹⁸⁴. Энн Боддингтон отмечала, что, хотя не стоит слишком «нажимать» на военные факторы введения новой магистратуры, тем не менее, неблагоразумно их вовсе игнорировать, поскольку имели место и военные цели, и ее военное значение¹⁸⁵.

Находясь, в целом, в русле «военной» концепции происхождения консульского трибунала, Энн Боддингтон предложила свою оригинальную ее версию. Она сделала вывод, что изначально, на первом этапе своего существования, военные трибуны с консульской властью были «не альтернатива консулам, а приложение к ним»¹⁸⁶, в качестве «дополнительных коллег»¹⁸⁷. Затем, по ее мнению, произошла «радикальная перемена от приложения до альтернативы», реализованная или в 406 г. до н. э., или несколько позже, но не позднее 390 г. до н. э.¹⁸⁸. Причину такой замены она находила на военной

¹⁷⁹ Ridley R. T. The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy... P. 456.

¹⁸⁰ Ferenczy E. From the Patrician State... P. 35 422, 420, 419, 418, 417, 416, 415, 414; Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate... P. 32: 438, 434, 433, 432, 425, 424, 420, 419, 417, 416, 384.

¹⁸¹ Adcock F. E. Op. cit. P. 9; Werner R. Der Beginn... S. 284-285.

¹⁸² Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate... P. 31-32.

¹⁸³ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... S. 165.

¹⁸⁴ Нетушил И. В. Очерк... С. 169-170.

¹⁸⁵ Boddington A. Op. cit. P. 358.

¹⁸⁶ Ibid. P. 356.

¹⁸⁷ Ibid. P. 358.

¹⁸⁸ Ibid. P. 361-362.

почве. Ее гипотеза об эволюции магистратуры была призвана устранить то слабое место в «военном» подходе к объяснению возникновения консулярного трибуната, что в V в. до н. э. при нестабильном числе трибунов в коллегии, их количество определялось прежде, чем становились известны реальные военные потребности Рима в том или ином году. В ее же трактовке, консулярные трибуны этого времени в качестве дополнительных высших магистратов избирались непосредственно при ясности масштабов военных операций. Стремясь скорректировать другой уязвимый момент «военной концепции», Э. Боддингтон отмечала также, что потенциальная потребность в большом количестве военных руководителей могла иметь место и в годы сравнительного военного затишья: например, в год перемирия 425 г. до н. э. сохранялась возможность войны на двух отдельных фронтах, что могло обусловить избрание консулярных трибунов.

Мы видим, таким образом, что часто поиск причин возникновения должности *tribuni militum consulari potestate* ведется исследователями в той или иной сфере, исходя из фактического применения магистратуры на всем протяжении ее существования. Это вполне естественно, так как обобщенный анализ ее функционирования дает историкам возможность попытаться понять, для чего она была нужна римлянам. Вместе с тем, здесь может возникнуть противоречие такого плана: допустим, признание военной необходимости в консулярном трибунате для IV в. до н. э., что имеет место, например, у Ф. Эдкока, не является достаточным для утверждения об изначальных причинах как чисто военных для введения должности в V в. до н. э.

В определенной связи с поисками в военной сфере обоснований создания консульского трибуната была сформулирована концепция об административных причинах, приведших к его возникновению. Суть ее состоит в представлении об увеличении административных потребностей, – а именно в необходимости для выполнения управленческих функций большего количества магистратов (в том числе и с расширением военных задач). Предложенная Карлом Нойманном, эта точка зрения была воспринята и развита Куртом фон Фритцем¹⁸⁹ Данный автор усматривал возрастание функций гражданского управления как в административной сфере, так и в сфере юстиции. Основным аргументом в пользу этой гипотезы был анализ реорганизации исполнительной власти после 367 г. до н. э., когда были введены должности двух консулов, претора и двух курульных эдилов, то есть вместо шести консулярных трибунов оказалось почти такое же количество магистратов с тем же набором функций. Возражая данной трактовке, Ф. Эдкок отмечал, что административные потребности Рима были весьма постоянными, чтобы для этих функций требовалось то два консула, то три или четыре консульских трибуна, и, допустим, введение цензорской должности на следующий год после появления трибуната должно было уменьшить число военных

¹⁸⁹Neumann K. Op. cit. P. 386- 388.; von Fritz K. The Reorganisation... P. 37-40.

1. 3. Причины введения должности консульских трибунов

53

трибунов с консульской властью¹⁹⁰ Также не соглашаясь с концепцией «административных потребностей», Рональд Ридли подчеркивал, что решение проблемы в ее рамках удовлетворяет логике развития государства в IV столетии, «но не может объяснить колебания между консулами и трибунами при беспорядочной их численности в V веке»¹⁹¹

Иной взгляд на процессы, приведшие к формированию должности военных трибунов с консульской властью, был впервые высказан в качестве краткого замечания Эдуардом Мейером¹⁹² Он сводился к тому, что консульский трибунат был порожден борьбой среди патрицианских *gentes* за доминирование в высшей магистратуре; борьба внутри правящей элиты привела к увеличению числа носителей верховной власти. В какой-то мере этот подход перекликается с точкой зрения Аурелио Бернарди о заинтересованности именно патрициев в расширении состава высшей магистратуры. Но, если А. Бернарди рассматривал создание консульского трибуната в контексте словной борьбы, то Эдуард Мейер считал, что оно не имело никакого отношения к конфликту патрициев и плебеев. Идея о том, что *tribuni militum consulari potestate* были учреждены для удовлетворения конкурентных устремлений патрицианских родов, расширения возможностей для реализации их политических амбиций, была воспринята Ульрихом фон Любтовым¹⁹³ Наиболее же подробно она была разработана и наполнена конкретным содержанием Верой Кирби¹⁹⁴ Ею был проведен сравнительный анализ реального осуществления высшей магистратской власти представителями знатных родов, как до учреждения консульского трибуната, так и во время его существования. К большому сожалению, ее интересные подсчеты (заслужившие положительный отклик специалистов, не обративших внимания на математические несоответствия) сведены в таблицы весьма небрежно, с арифметическими ошибками, с погрешностями исчисления процентов, и не могут быть использованы в полной мере. При неясности, что с чем складывалось и как определялось процентное соотношение, оперировать результатами ее подсчетов нельзя. Общая же логика ее рассуждений (которая, видимо, не лишена оснований) сводится к тому, что, если до 444 г. до н. э. доминировали в высшей (консульской) магистратуре Валерии, Фабии, Вергинии и Ветурии, приближались к ним, находясь как бы во «втором эшелоне» Постумии, Фурии и Сервилии, то в консульском трибунате на первый план по частоте занятия должности вышли Корнелии, Фурии, Сервилии / Сергии при сохранении в этой группе Валериев (но при перемещении в иерархии с первой позиции на четвертую). По заключению В. Кирби, концентрация власти

¹⁹⁰ Adcock F. E. Op. cit. P. 10.

¹⁹¹ Ridley R. T. The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy... P. 460.

¹⁹² Meyer Ed. Op. cit. S. 303.

¹⁹³ von Lübtow U. Das Römische Volk... S. 271.

¹⁹⁴ Kirby V. Op. cit. P. 24-29.

в руках группы родов в консульском трибунате была выше, чем в предшествовавшем консулате. При этом она определяет 14 трибунов, принадлежавших к родам, не имевшим консульства до 444 г. до н. э. Она признает наличие плебейских представителей, не соглашаясь с точкой зрения К. Ю. Белоха об интерполяции их имен. Находя их в общей сложности числом 9 и отмечая незначительность этого количества, В. Кирби, тем не менее, не отказывается полностью от понимания введения консульского трибуната как вехи сословной борьбы (приводя аналогию: получение избирательного права женщинами в новейшей истории было заметной стадией в борьбе за их эмансипацию, несмотря на тот факт, что очень немногие из них занимают посты в современных государствах). То, что плебеев было избрано немного, она объясняет тимократической природой *comitia centuriata* как избирательного органа. Связывая свой главный тезис о возникновении консульского трибуната в результате борьбы внутри патрицианской элиты за максимальное обладание империем с признанием наличия сословных конфликтов, В. Кирби делает вывод, что в коллегии консульских трибунов стали доминировать те патриции, которые были вполне умеренно настроены к плебеям, и которым плебеи симпатизировали. Разумеется, при определении лояльности тех или иных патрицианских родов плебейскому населению у нее возникли серьезные трудности, усугубленные сложностью, как она сама отмечает, выяснения «разницы между семейной репутацией и персоналиями»¹⁹⁵

В целом, гипотеза, отстаиваемая В. Кирби, основывается на том, что «в V-IV вв. до н. э. римское общество управлялось узкой соревнующейся олигархией, которая была построена иерархическим образом»¹⁹⁶ Введение консульского трибуната рассматривается ею на этом фоне как победа определенных патрицианских родов, которые вели предварительную агитацию за создание данной должности. Усиление их политической роли автор стремится проследить и на примерах представительства в других магистратурах (диктаторы, начальники конницы, цензоры). То, что небольшой круг аристократических семей определял «большую политику» в Риме периода ранней Республики, не вызывает особых возражений. О том, что по времени появление консульского трибуната совпадает с перегруппировкой у «кормила власти» знатных родов, действительно свидетельствуют консульские фасты. Но, как верно заметил Р. Ридли, был ли консульский трибунал при своем возникновении предназначен, чтобы позволить провести изменение их политического влияния, «это, однако, другой вопрос»¹⁹⁷ К тому же, Ф. Эддок обращал внимание на то, что, если консульский трибунал потребовался для удовлетворения конкурирующих устремлений патрицианских родов, то

¹⁹⁵ Kirby V Op. cit. P. 27.

¹⁹⁶ Ibid. P. 29.

¹⁹⁷ Ridley R. T. The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy... P. 460.

странно, почему численность трибунов не была установлена постоянной, а долгое время колебалась¹⁹⁸

Оригинальную гипотезу появления консульского трибуната (не столько в исторической реальности, сколько в античной традиции) высказал в 1992 г. Александр Викторович Коптев. Согласно этой его версии, существовало два уровня организации римского общества: уровень протогосударства (цифдом), который отражали консулы (преторы) и два трибуна плебса, а также уровень локальный, представленный децемвирами и десятью трибунами. «Борьба куриально-гентильного деления с новой территориальной организацией нашла отражение и в традиции о военных трибунах с консульской властью. Они избирались с 444 по 367 г. попеременно с консулами и плебейскими трибунами»¹⁹⁹. Далее А. В. Коптев добавляет, что число консульских трибунов 3 (6) или 4 (8) выглядит как представительство либо трех, существовавших до Сервия Туллия, либо четырех триб, делая вывод: «Очевидно, такое положение отражает то состояние общества, которое традиция помещает в конце царского периода»²⁰⁰. Следовательно, основная идея А. В. Коптева, в данном случае, сводится к тому, что, консульский трибунат есть результат построений античной традиции, отражавшей борьбу родовой и территориальной организаций: консульские трибуны предстают в виде, так сказать, «историографического суррогата» реальных органов локального управления конца царской эпохи.

Представив имеющийся в романистике спектр мнений по поводу основополагающих причин создания консульского трибуната, обратимся к источникам, чтобы составить представление о том, какие из предложенных гипотез имеют в них реальную опору. Отвлекаясь от объяснения предпосылок его возникновения на основе обобщения обстоятельств последующего применения, обратим внимание на то, как сами античные писатели определяли причины появления должности военных трибунов с консульской властью.

Конкретных свидетельств по этому поводу у древних авторов немного. Диодор Сицилийский, многократно отмечающий функционирование в Риме коллегии консульских трибунов, говоря о самом первом их избрании (Diod. XII. 32. 1), обходится только констатацией этого факта, без выяснения причинно-следственных связей²⁰¹. Наш главный латинский информатор, Тит Ливий, в качестве основной версии дает толкование этих событий как важный эпизод сословной борьбы (Liv. IV. 6. 1- 11). В его изложении, в ходе

¹⁹⁸ Adcock F. E. Op. cit. P. 10.

¹⁹⁹ Коптев А. В. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме... С. 19.

²⁰⁰ Там же. С. 19.

²⁰¹ Τοῦ δ' ἐνιαυσίου χρόνου διελθόντος Ἀθήνησι μὲν ἦρχεν Εὐθυμένης, ἐν Ῥώμῃ δ' ἀντὶ πάντων ὑπάτων χιλίарχοι κατεστάθησαν τρεῖς, Αὐλος Σεμπρόνιος, Λεύκιος Ἀτίλιος, Τίτος Κόρινθος.

обсуждения предложения Канулея о разрешении законных браков между представителями разных сословий, плебейские трибуны потребовали консульства для плебеев (IV. 1. 1-3). Стремясь сохранить монополию на консулат, патриции пошли на компромисс и «допустили избрание военных трибунов с консульской властью из патрициев и плебеев, в избрании консулов ничего изменено не было»²⁰² – (Liv. IV. 6. 8). Тут же Ливий добавляет, что «этим удовлетвоались и трибуны, и плебс»²⁰³ Еще раз к обоснованию причин возникновения консулярного трибуната Ливий возвращается в шестой книге своего труда, когда описывает последние случаи его применения. При этом он снова подчеркивает, что решение о создании этой магистратуры было принято, «чтобы и плебеям была доступна самая почетная должность» (Liv. VI. 37. 5)²⁰⁴ Свидетельство Дионисия Галикарнасского, по которому принятие решения о введении консулярного трибуната описывается в контексте столкновения сословных интересов и мотивируется поиском их согласования (Dionys. XI. 56-61), полностью соответствует такой трактовкой Ливия. При этом Дионисий подчеркивает достижение именно паритета сословного представительства в новой магистратуре: «вместо консулов выбирать военных трибунов, троих из патрициев, троих из плебеев» (Dionys. XI. 60. 5)²⁰⁵

Аналогичное Ливию и Дионисию описание условий и предпосылок появления консулярного трибуната дает юрист II в. н. э. Помпоний, интересующий нас фрагмент сочинения которого сохранился в Дигестах (Dig. I. 2. 2. 25). Констатируя сословный конфликт после принятия Законов XII таблиц, он отмечает, что «плебс боролся с патрициями и хотел избирать консулов из своего сословия, а патриции не соглашались, и было допущено, чтобы избирались военные трибуны с консульской властью, частью из плебеев, частью из патрициев»²⁰⁶ Это же мнение о сути причин, повлекших за собой создание консульского трибуната, понимание решения патрициев как определенной уступки плебеям в ответ на их требование допуска в консулат (но не как полного удовлетворения их притязаний на высшую исполнительную власть), присутствует и у Иоанна Зонары (Zon. VII. 19). Византийский историк доносит до нас, почерпнутое им у Диона Кассия, решение не просто избирать часть коллегии консульских трибунов из плебеев, как это делает

²⁰² ...tribunos militum consulari potestate promiscue ex patribus ac plebe creati sinerent, de consulibus creandis nihil mutaretur.

²⁰³ ...eoque contenti tribuni, contenta plebs fuit.

²⁰⁴ ...ut et plebeis pateret summus honos...

²⁰⁵ ...ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχους ἀποδειχθῆναι, τρεῖς μὲν ἐκ τῶν πατρικίων, τρεῖς δ' ἐκ τῶν δημοτικῶν...

²⁰⁶ ...plebs contenderet cum patribus et vellet ex suo quoque corpore consules creare, et patres recusarent, factum est ut tribuni militum crearentur partim ex plebe, partim ex patribus consulari potestate...

1. 3. Причины введения должности консулярных трибунов

57

Помпонию, а повторяет трактовку Дионисия Галикарнасского о количестве мест, узаконенных в магистратуре для представителей каждого сословия: «согласились от каждой из двух сторон избирать трех военных трибунов вместо двух консулов»²⁰⁷

Таким образом, Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский, Помпонию и Иоанн Зонара демонстрируют нам свое понимание предпосылок возникновения консульского трибуната, усматривая их в сословной борьбе и расценивая создание данной магистратуры как один из важных взаимоприемлемых результатов этой борьбы. Следовательно, сторонники концепции о социально-политическом компромиссе как основополагающей причине оформления должности *tribuni militum consulari potestate* имеют существенную поддержку в виде признания этой причины древними авторами. Однако, подобную поддержку (хотя и реже фиксируемую в текстах античных историков) имеют также сторонники теории о военных потребностях как решающих при возникновении новой магистратуры.

Представление античных авторов о военной необходимости в большом числе командующих, приведшей к возникновению консульского трибуната, приводит все тот же Тит Ливий, однако на сей раз это не собственно его мнение, а точка зрения отдельных его информаторов. Он свидетельствует следующее: «Некоторые считают, что по причине присоединения к войне с эквами, вольсками и отложившимися ардеями войны с вейянами, поскольку два консула не были в состоянии одновременно принять участие в стольких войнах, были избраны три военных трибуна, – без упоминания законодательного предложения об избрании консулов из плебеев, – с наделением империем и консульскими инсигниями» (*Liv. IV. 7. 2*)²⁰⁸ В какой-то мере наличие фактора военной необходимости (если не собственно для создания консулярного трибуната, то для периодического перехода к нему) в исторической памяти римлян фиксирует Дион Кассий, когда в сороковой книге своего труда излагает государственные неурядицы 53 г. до н. э., сопровождавшиеся многомесячной вакантностью высшей ординарной магистратуры. Его слова свидетельствуют, что в обстановке внутренней неразберихи и нерешаемых внешнеполитических задач плебейские трибуны внесли предложение: для того, чтобы иметь должностных лиц, ввести вместо консулов военных трибунов, которые некогда были учреждены (*Dio. XL. 45*)²⁰⁹ Джо-

²⁰⁷ ... τρεῖς ἀπ' ἑκατέρων χιλιάρχους ἀντὶ τῶν δύο ὑπάτων αἰρεῖσθαι συνέδοξεν.

²⁰⁸ Sunt qui propter adiectum Aequorum Volscorumque bello et Ardeatium defec-tioni Veiens bellum, quia duo consules obire tot simul bella nequirent, tribunos militum tres creatos dicant, sine mentione promulgatae legis de consulibus creandis ex plebe, et imperio et insignibus consularibus usos.

²⁰⁹ ...κατέθετο πάντες δὲ οἱ δήμαρχοι ἄλλας τε σκῆψεις ἐμποδίου ἐσέφερον, καὶ χιλιάρχους ἀντὶ τῶν ὑπάτων, ὅπως πλείους ἀρχόντες ὥσπερ ποτὲ ἀποδεικνύοντα, καθίστασθαι ἐπηγοῦντο.

ванни Ротонди понимал это сообщение Диона Кассия предположительно как рогацию²¹⁰. Даже если это не был законопроект, а всего лишь высказанная рекомендация, в любом случае речь идет о том, что римляне сохраняли представление о возможности использования консульского трибунала в сложных, в том числе и военных, и внутривластных, ситуациях. Исследователи консульского трибунала, как правило, не привлекают этот фрагмент; нам же он кажется весьма интересным.

Таким образом, мы видим, что, как точка зрения о происхождении консульского трибунала на почве сословной борьбы (именно в виде компромисса и уступки плебейам, а не в качестве решения, удовлетворявшего патрицианским интересам), так и мнение о военном факторе, вызвавшем его появление, присутствуют в античной историографии и подкрепляют исследовательские гипотезы. О расширении административных задач в сфере гражданского управления как непосредственном поводе для создания должности военных трибунов с консульской властью никто из римских и греческих писателей не обмолвился, хотя они в целом, позволяют нам судить об интенсификации государственной жизни с середины V столетия. Что же касается концепции о том, что к возникновению данной должности привела конкуренция между патрицианскими родами, то ни один античный автор не только не осмысливал так ситуацию 40-х гг. V в. до н. э., но и не рисовал картину серьезного внутривластного соперничества (сопоставимого по масштабам с сословной борьбой). Это не означает, разумеется, что современные историки не могут видеть причины глубже историков древних. Они не только могут, но и должны это делать. Использование консульского трибунала для удовлетворения амбиций отдельных патрицианских родов, также как использование других ординарных и неординарных структур в этих целях (например, противоборствующие группировки патрицианских *gentes* использовали до конца IV в. до н. э. такой институт как *интеррегнум*²¹¹), конечно же, имело место. Но использовать уже имеющуюся магистратуру это одно, а инициировать конституционные изменения с целью продвижения в иерархически организованной правящей элите, – это другое. Во всяком случае, в условиях принятия таких изменений всей массой граждан эта причина не выглядит достаточно реальной.

По поводу гипотезы А. В. Коптева можно сказать следующее. Данными античной традиции ее нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, ибо теория строится на том, что представление в традиции о консульском трибунале есть не вполне адекватное (по датировке и характеру) отражение борьбы родовой и территориальной организации. Неадекватное по датировке, – потому что должно быть отнесено к концу царского периода, неадекватное по

²¹⁰ Rotondi G. Op. cit. P. 79, 408.

²¹¹ См.: Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие... С. 107-108; Дементьева В. В. Проведение римским интеррегом консульских выборов // ВДИ. 2000. № 1. С. 52-53.

характеру, – локальный уровень представлен был, если строго следовать автору гипотезы, децемвирами и десятью трибунами, а консульские трибуны есть результат постоянного смещения в традиции двух уровней организации²¹². К тому же, утверждается, что согласно традиции, консульские трибуны «избирались попеременно с консулами и плебейскими трибунами», хотя античные авторы, помещали их попеременно с консулами, но всегда одновременно с плебейскими трибунами. В целом, получается, что в основе данного логического построения лежит недоверие к конкретным сведениям античной традиции о времени существования консульского трибуната и связанных с ним политических реалиях. Следовательно, реконструкция А. В. Коптева находится в иной системе координат, чем все другие концепции причин возникновения магистратуры военных трибунов с консульской властью. Фактически она отрицает консульский трибунал как магистратуру римской республиканской политической системы, и в таком виде не принимается нами. Однако в ней есть, на наш взгляд, то рациональное зерно, что консулат и консульский трибунал (если все-таки признать его историческую реальность) есть порождение разных систем организации власти, только, на наш взгляд, отличавшихся не по родовому и территориальному делению, а по целевому назначению.

Другая особняком стоящая точка зрения, отстаиваемая Р. Бунзе, в плане поиска причин возникновения консульского трибуната совершенно бесплодна, ибо автор считает мнимым сам факт его введения, не находя для этого «никакого логического объяснения» и целиком отвергая мотивацию античными авторами потребностей в нем²¹³. Версию сословной борьбы он считает несостоятельной, поддерживая гипотезу об интерполяции плебейских имен, исходя также из представлений о невозможности для плебеев в V – первой половине IV в. до н. э. совершать ауспиции, а, следовательно, занимать высшие должности. Версию о военной необходимости, вызвавшей к жизни консульский трибунал, он отвергает, полагая невозможным представить ситуацию, при которой римлянам в означенный период требовалось бы сражаться на шести или более театрах военных действий. Разумеется, ни одна из гипотез, объясняющих возникновение магистратуры *tribuni militum consulari potestate* не может устроить автора, уверенного в том, что кроме трех преторов до законов Лициния-Секстия нельзя найти в римском государственном устройстве иной коллегии высших магистратов.

Изложив мнения и античных, и современных историков о причинах возникновения консульского трибуната, сформулируем собственное их видение. На наш взгляд, создававшаяся в 445-444 гг. до н. э. новая коллегия высших должностных лиц вводилась как чрезвычайная. То есть, она предназначалась, как всякая экстраординарная магистратура, для критических си-

²¹² Коптев А. В. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме... С. 19.

²¹³ Bunse R. Op. cit. S. 100-102.

туаций как таковых, независимо от их конкретного наполнения. Этими сложными ситуациями могли быть и острые проявления сословных конфликтов, и обстановка внешних войн. Поэтому мы определяем причины, обусловившие появление консулярного трибуната, как потребности римской общины в еще одной чрезвычайной структуре. В отличие от уже имевших место в государственном устройстве единоличных неординарных магистратур (интеррекса и диктатора) возникла необходимость в «многоместной» экстраординарной коллегии. Такое представление о причинах создания должности *tribuni militum consulari potestate* не отрицает ни одного из свидетельств античных авторов; более того, оно их объединяет самым непротиворечивым образом (даже если они, на первый взгляд, не согласуются друг с другом). К тому же, если каждая из предложенных в историографии концепций обоснования причин введения консулярного трибуната (фиксирующих один фактор общественной жизни в качестве определившего появление новой магистратуры) имеет, как мы видели, серьезные контраргументы, то при нашей трактовке все эти доводы «против» теряют свое значение. Снимается в контексте нашего подхода, например, тот главный тезис, которым обосновывается уязвимость гипотезы о сословной борьбе как побудительной причине для создания данной должности: сравнительно редкое представительство в ней плебеев (этот тезис сохраняет свой вес в качестве контраргумента только при исключении других предпосылок и рассмотрении этой как самодовлеющей). Точно также основное доказательство слабости теории о военных причинах, вызвавших к жизни консулярный трибунат, – констатация ряда мирных лет, отмеченных его существованием, – является таковым, только если эти военные причины рассматриваются как единственные и абсолютизируются. Понимание консулярного трибуната в качестве экстраординарной должности дает нам возможность видеть причины перехода к нему как чрезвычайные по характеру, но различные в конкретных проявлениях внутренней и внешней угрозы стабильному существованию общины. Причем, переход этот производился, когда масштабы такой угрозы становились очевидными. Если же, как мы видели, рассматривать консулярный трибунат как ординарную магистратуру, то не избежать шаткости основных опор любой теории причин ее появления: перед началом административного года невозможно предусмотреть вспышку сословной борьбы в его конце, количество будущих театров военных действий, требуемое число командующих и так далее.

Итак, мы отказываемся от выбора: либо социально-политические, либо военные причины, как это чаще всего делается в историографии, и, вместе с тем, не просто говорим, что имел место их комплекс. Мы убеждены, что создавалась высшая чрезвычайная военно-гражданская магистратура, необходимость в которой определялась ростом на соответствующем этапе трудностей поддержания жизнеспособности *civitas* в условиях усложнения социальных и политических процессов, внешней обстановки и при некотором

отставании необходимых изменений в звеньях ординарной исполнительной власти. Для выработки принципа оптимальной реорганизации ординарных структур требовалось больше времени; не вполне продуманные эксперименты с ними были опасны. Против же негативных последствий перехода к чрезвычайной, даже единоличной, власти римляне уже имели защитные механизмы. На какой-то период создание новой экстраординарной должности позволяло справляться с рядом трудностей. Приведенное нами свидетельство Диона Кассия (Dio. XL. 45) красноречиво говорит, что через четыре столетия римляне помнили об этой магистратуре как способной помочь государству выйти из кризисной ситуации, как предназначавшейся для решения внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем.

В связи с нашим пониманием причин введения консульского трибуната обратимся еще раз к точке зрения Энн Боддингтон²¹⁴ Ее мысль о том, что поначалу эта должность была «не альтернативой, а приложением» к консулату импонирует нам. Принимая эту формулировку с некоторой поправкой, – «не альтернатива, а дополнение», мы понимаем ее, правда, не так, как сама Энн Боддингтон. Если она считала, что, будучи «приложением» к консулам, трибуны действовали как их добавочные коллеги по ординарной магистратуре, под консульским руководством, то мы оцениваем соотношение этих должностей иначе, поэтому в другом усматриваем их «неальтернативность». Мы полагаем, что консульский трибунал не был альтернативой консулату в том смысле, как одна высшая ординарная магистратура альтернативна другой высшей ординарной (и выбор заключался бы в том, какую из двух сохранить в государственном устройстве, а от какой отказаться). Он был конституционным дополнением для применения в кризисных ситуациях, как всякая экстраординарная коллегия является таковой по отношению к ординарной, как в целом система органов чрезвычайной власти дополняла в Риме обычные структуры. Мы не согласны также, что консульский трибунал перестал быть «не альтернативой» консулам в конце V- начале IV вв. до н. э., как это видится Э. Боддингтон. Она утверждает, что военные трибуны с консульской властью, перестав быть «приложением» к консулату, стали с этого периода действительно альтернативой ему. Мы же думаем, что, являясь звеньями разных систем власти в Риме, – экстраординарной и ординарной, – они на всем протяжении существования трибунала не могли быть альтернативой друг другу в политической системе республиканского Рима. При этом мы не соглашаемся и с тезисом В. Зольтау, что введение консульского трибунала в римскую государственную организацию привело к сужению консульской власти²¹⁵ Консулат сохранялся как единственная высшая ординарная магистратура, количество же чрезвычайных магистратур было расшире-

²¹⁴ Boddington A. Op. cit. P. 356-364.

²¹⁵ Soltau W. Der Dezemvirat in Sage und Geschichte // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. 1917. Bd. 38. S. 12.

но за счет консулярного трибуната. Альтернатива была для римлян в определенные моменты в том, какую магистратуру, чрезвычайную или обычную предпочесть, но в государственной организации они существовали, в принципе, параллельно, предназначенные для разных целей и обстоятельств. Иное дело, что консулярный трибунал стал альтернативой диктатуре, как одна экстраординарная магистратура другой экстраординарной (и то, что на смену военным трибунам часто приходили диктаторы свидетельствует о поисках наиболее эффективного механизма чрезвычайной власти). Доказательства того, что консульский трибунал был неординарной структурой по способу функционирования, мы изложим в качестве отдельного вопроса, сейчас же только констатируем наше понимание причин его возникновения как потребностей римской общины для ее самосохранения в «многочленной» должности на критический случай. Необходимость в «многоместной» чрезвычайной структуре возникла, видимо, и для осуществления плебейского представительства именно в периоды обострения сословных конфликтов, и для одновременного решения военных задач на нескольких театрах военных действий.

Таким образом, побудительные мотивы, заставившие римлян пойти на своеобразный эксперимент в сфере высшей исполнительной власти, в нашей исторической модели, не отрицающей ни одного их толкования античными авторами, а обобщающей их, сводятся к необходимости решения вставших перед общиной задач, с которыми трудно было справиться в рамках структур ординарной власти (процесс формирования которых был еще далеко не завершен), а имевшиеся единоличные экстраординарные магистратуры не всегда удовлетворяли сложившейся ситуации. Поэтому была предпринята попытка создания еще одной чрезвычайной магистратуры, с использованием принципа коллегиальности, что, в определенной мере, привело в дальнейшем к восприятию ее в историографии как альтернативной консулату, то есть призванной заменить консулат в качестве высшей ординарной структуры исполнительной власти.

ГЛАВА II

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
МАГИСТРАТУРЫ КОНСУЛЯРНЫХ ТРИБУНОВ2.1. Порядок избрания и прекращения полномочий
консулярных военных трибунов

Политико-правовой порядок прихода к высшей исполнительной власти консулярных военных трибунов и сложения ими ее полномочий заслуживает специального рассмотрения, поскольку его реконструкция необходима для воссоздания целостной картины функционирования этой магистратуры. Должность, введенная в римскую конституцию, по нашему мнению, на основе особого *lex de tribunis militum consulari potestate creandis* 445 г. до н. э., непосредственно использовалась в государственной практике по инициативе сената. Это право сената (вероятно, записанное в упомянутом законе) прибегнуть к управлению общиной посредством военных трибунов с консульской властью совершенно отчетливо зафиксировано в источниках. Тит Ливий говорит обычно о сенатском постановлении (*senatus consultum*) по этому поводу (Liv. IV. 55. 5)²¹⁶, о сенатском приказе (*senatus creari iussit*) избрать консулярных трибунов (Liv. IV. 42. 2)²¹⁷ или о том, что патриции-сенаторы должны объявить комиции (*comitia indicere*) по их выборам (Liv. VI. 35. 9)²¹⁸ Он информирует нас абсолютно однозначно, что именно сенат (и только он один) был уполномочен принять решение о переходе в тот или иной момент к руководству *civitas* со стороны коллегии консулярных трибунов. Единственное утверждение Ливия, в котором можно, на первый взгляд, усмотреть обычное участие народного собрания в принятии решения о вручении полномочий консулярным трибунам, относится к избранию их на 403 г. до н. э., когда шла война с вейянами: «Комиции каждого из двух народов приняли совсем противоположные планы действий. Римляне, увеличив число военных трибунов с консульской властью до восьми, избрали их в таком количестве, как никогда раньше» (Liv. V. 1. 1-2)²¹⁹ Однако, Ливий в этих словах говорит о принятии комициями решения об увеличении количества мест в магистратуре и об избрании на них конкретных лиц, а не о норме голосовать каждое ее применение в государственной практике. Таким образом, по Ли-

²¹⁶ ...peruincunt ut senatus consultum fiat detribunis militum creandis...

²¹⁷ ...senatus cum odio Semproni consulare nomen offenderet, tribunos militum consulari potestate creari iussit.

²¹⁸ Agitedum comitia indicite, patres, tribunis militum creandis...

²¹⁹ Comitia utriusque populi longe diversa ratione facta sunt. Romani auxere tribunorum militum consulari potestate numerum; octo, quot nunquam antea, creati...

вию получается, что изменение числа коллег в консульском трибунате утверждалось народным собранием, тогда как обычно достаточно было одного сенатского постановления о вручении им полномочий высшей власти.

В противоположность этому, Дионисий Галикарнасский, сообщая о возможности избрания вместо консулов военных трибунов, отмечает, что всякий раз, когда нужно было определить новых должностных лиц, сенат и народ снова сходились решать, консулам или военным трибунам брать власть (Dionys. XI. 60. 5)²²⁰ Тем самым, по Дионисию получается, что постановление о наделении полномочиями высшей власти военных трибунов голосовалось каждый раз в народном собрании. Тем более, что далее он, свидетельствуя о ежегодном акте относительно высших магистратов, использует термин *προβούλευμα* (Dionys. XI. 60. 5)²²¹ Неизбежно, следовательно, встает вопрос о доверии этому сообщению Дионисия. В общем-то, странно представить, что для уже признанного законодательным путем (в чем мы находим опору и у Дионисия) органа власти в каждом конкретном случае его применения требовалось утверждение в комициях. Диктатура, например, всегда вызывалась к политической жизни без участия народного собрания. Другое дело, что в комициях голосовался персональный состав коллегии, что, собственно, и привело, по всей вероятности, к смещению представлений в тексте Дионисия. В приведенном пассаже он использовал термин *προβούλευμα*, основное значение которого у греческих авторов применительно к римским реалиям, – законодательное предложение (хотя есть примеры его употребления ими для обозначения сенатусконсультов), но еще Т. Моммзен считал, что Дионисий неверно определял через это греческое понятие каждое решение римского сената по данному поводу²²² Ф. Эдкок объяснял упоминание голосования народа в приведенном фрагменте Дионисия недостаточным знанием автора римских государственных учреждений²²³ На наш взгляд, следует согласиться с этими исследователями и исключить участие комиций в голосовании каждого решение об использовании магистратуры военных трибунов с консульской властью. Было вполне достаточным однократное принципиальное одобрение народным собранием этой должности, при введении ее на основе специального закона в государственное устройство ранней Республики. Таким образом, в данном случае, мы доверяем сообщениям Ливия о том, что после 444 г. до н. э. для использования на практике магистратуры консульских трибунов (при сохранении прежнего числа мест в ней) нужен был лишь сенатусконсулт о их избрании.

²²⁰ ... ὅταν δὲ τελῶσιν οὗτοι τὴν ἀρχὴν καὶ καθήκη νέας ἀρχὰς ἀποδείκνυσθαι, τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμον αὐθις συνελθόντας διαγνῶναι, πότερον ὑπάτους ἢ χιλιάρχους βούλονται παραλαβεῖν τὴν ἀρχήν.

²²¹ Επιτελεῖσθαι δὲ τὸ προβούλευμα καθ' ἕκαστον ἐνιαυτόν.

²²² Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... S. 166.

²²³ Adcock F. E. Op. cit. P. 11.

Мы, следовательно, согласны с теми антиковедами, которые признавали «свободу рук» сената при определении высшей магистратуры²²⁴. Но каждый ли год до 367 г. до н. э. (хронологический отрезок конституционной жизни консульского трибуната) сенат должен был принимать особое постановление, кого выбирать, – консулов или консульских трибунов? Хотя, как мы отмечали, Дионисий пишет о ежегодном акте (Dionys. XI. 60. 5), мы сомневаемся в его необходимости. На наш взгляд, постановление сената о вручении полномочий верховной исполнительной власти консулам в нормальной ситуации не требовалось, тогда как при использовании консульского трибуната как чрезвычайной магистратуры оно было нужно. Те же случаи, когда Ливий указывает на сенатусконсульт о проведении консульских комиций (Liv.; IV. 36. 4; IV. 43. 8)²²⁵, характеризуются особым обострением конфликтов. В 424 г. до н. э. плебейские трибуны в мятежных речах на сходках говорили о неизбрании плебеев в консульские трибуны, побуждая представителей своего сословия выдвигать свои кандидатуры. Кандидаты стали давать обещания важных мероприятий в пользу плебеев, накаляя обстановку. Тогда-то, воспользовавшись отсутствием плебейских трибунов, сенаторы и приняли постановление об избрании консулов. В 420 г. до н. э. из-за волнений плебеев, что Ливий и акцентирует, сенат предпочел избрать консулов, вынеся соответствующее постановление, которое не было реализовано из-за перехода к междоусобице. То есть, нам представляется, что решение о возобновлении деятельности консульской магистратуры принималось только в ситуации активного сопротивления этому, когда сенаторам надо было подчеркнуть легитимность возвращения к обычной ординарной магистратуре. Так или иначе, требовался регулярно сенатусконсульт о консулате (при синхронном существовании в конституционном устройстве двух коллегиальных высших магистратур) или нет, в любом случае, постановление сената о наделении военных трибунов консульскими полномочиями было обязательным.

Мог ли кто-либо принудить сенат вынести решение о передаче полномочий высшей власти *tribuni militum consulari potestate* или, наоборот, воспрепятствовать этому? Античные авторы, повествуя о переходе к консульскому трибунату в контексте сословной борьбы, обычно отмечают желание плебеев видеть в качестве высшей магистратуры именно его, а патрициев и патрицианского сената, – консулат (что вполне естественно, так как завое-

²²⁴ См., например: Niebuhr B. G. *Römische Geschichte*... S. 573; Виллемс П. Указ. соч. С. 299; Целлер М. Указ. соч. С. 195; Werner R. *Der Beginn*... S. 286.

²²⁵ ...ad rem inspiciendam tribuni militum proficiscerentur consulariaque comitia haberentur.

...modo interregem interpellantibus ne senatus consultum de comitiis consularibus faceret...

ванный плебеями доступ к высшим должностям пока ограничивался только консульским трибуналом). Встречается у Ливия, однако, и фиксация стремлений самого сената вместо консулов вручить управление общиной военным трибунам с консульской властью (Liv. IV. 42. 2 – см. сноску в начале параграфа). Следовательно, функционирование консульского трибунала было не всегда результатом давления плебейских трибунов, хотя, чаще всего, именно они прилагали усилия для достижения этой цели. Каков был характер этих усилий, имели ли плебейские трибуны возможность отменить решение сената? Известно, что они в качестве действенного средства давления на сенат мешали набору войска²²⁶, но набор делался после того, как высшие магистраты были избраны, то есть, в данном случае, это не могло быть обычным методом воздействия. Только если военная ситуация требовала набора непосредственно перед выборами, или, если плебейские трибуны выдвигали требование перехода к консулярному трибуналу задолго до конца предыдущего консульского года, они имели возможность использовать этот мощный инструмент воздействия (Liv. IV. 55. 2-4). Когда же был внешнеполитический мир, и до новых выборов необходимость в воинском наборе отсутствовала, угроза плебейских трибунов воспрепятствовать набору с целью заставить сенат принять постановление о переходе к консулярному трибуналу, не только не была действенной, но и не воспринималась серьезно (Liv. IV. 12. 5).

Мы знаем, что плебейские трибуны, выдвигая требования об избрании военных трибунов с консульской властью, начинали активные публичные выступления по этому поводу (Liv. IV. 7. 7; IV. 55. 5), противодействовали созыву консульских комиций (Liv. IV. 25. 1). Однако наложить запрет на сенатское решение в V в. – первой половине IV в. до н. э. плебейские трибуны, разумеется, не могли. Только в конце III в. до н. э. они получили право делать доклад в сенате, которое давало им определенную возможность противостоять сенаторам, но в это время консулярный трибунал уже стал достоянием истории. Таким образом, давление плебейских трибунов на сенаторов было моральным, сводилось к политическим дискуссиям, к возбуждению плебейских масс, но не могло быть реализовано аналогично применению права интерцессии на действия должностных лиц. Сенат мог согласиться с требованиями плебейских вождей, мог не поддаться их давлению, а мог выработать компромиссное решение, как это имело место при выборах должностных лиц на 408 г. до н. э.: сенатусконсулт о коллегии военных трибунов был принят с условием, что плебейские трибуны не будут в нее баллотироваться (Liv. IV. 55. 6-7). В любом случае, окончательное слово о том, какой магистратуре доверить руководство гражданским коллективом, оставалось за сенатом.

В историографии имеется также точка зрения Ф. Эджока, что решение об избрании консулярных трибунов или консулов мог принять председа-

²²⁶ Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate... P. 32; Adcock F. E. Op. cit. P. 11.

тельствовавший в избирательных комициях магистрат, рекомендованный сенатом для руководства выборами и выразивший его мнение²²⁷ Разумеется, тот или иной магистрат, руководивший выборами, особенно интересек или диктатор, часто представлял интересы сената, но, что касается решения о том, консулов или консулярных трибунов выбирать, то оно, по всей видимости, выносилось до созыва народного собрания по голосованию кандидатур. Ибо количество вакансий высшей исполнительной власти и персонально кандидаты на них должны были быть известны до выборных комиций; таков был принцип избирательной кампании, чтобы претенденты могли провести агитацию за себя, а избиратели определиться в своих предпочтениях. У нас нет оснований считать, что избирательная кампания для консулярных трибунов отличалась в существенных элементах, поэтому она должна была включать и *ambitus* как соискание должности путем завоевания благосклонности избирателей. Неоднократные указания Ливия на то, кому народ доверил магистратуру консулярных трибунов или кого предпочел в нее избрать, наглядно свидетельствуют об этом. Фраза же его о том, что консульским трибуном на 396 г. до н. э. был избран Публий Лициний Кальв, который этого не домогался (*P. Licinium Calvum... tribunum militum non petentem creant... – Liv. V. 18. 1*) ничему не противоречит, а наоборот, подчеркивает обычную практику соискательства должности. Поскольку известно, что и при выборах консулов существовала возможность выдвижения кандидата от центурий, когда народное собрание голосовало за человека, не выдвигавшего себя²²⁸, то естественно признать и здесь подобное развитие событий. Считая, что процедура избрания консулярных трибунов совпадала в главных чертах с таковой для консулов, мы полагаем, что обычно выдвижение кандидатов проходило заблаговременно. Это приводит нас к выводу, что сенат не поручал магистрату, председателю избирательных комиций, в последний момент определиться, кого избирать, а предварительно выносил свое коллективное решение.

Итак, после принятия сенатского решения о вручении верховных полномочий консулярным военным трибунам требовалось голосование в народном собрании персонального состава коллегии. Относительно этого античная традиция сомнений не оставляет. Но у нас закономерно возникают вопросы: во-первых, кто мог считаться кандидатом на эту должность, и, во-вторых, на каких комициях кандидатуры получали поддержку гражданского коллектива. Первый вопрос в историографии обычно не заостряется, вероятно, потому, что исследователи считают претендентами на должность, исходя из ее названия, командиров структурных подразделений войска, не видя

²²⁷ Adcock F. E. Op. cit. P. 11.

²²⁸ Giovannini A. Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrecht // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 424.

здесь повода для дискуссий. По второму же вопросу, – на каких комициях проходило голосование, – точек зрения сформулировано в специальной литературе больше, чем в Риме было комиций. Мы полагаем, что с ответом на первый вопрос все далеко не так очевидно, а поиск ответа на второй следует вести конструктивно, то есть, опираясь на сообщения источников и принимая во внимание статус изучаемой магистратуры как высшей, а также учитывая компетенцию и роль на рассматриваемом этапе каждого вида народных собраний.

Военные трибуны во второй половине V в. – первой половине IV в. до н. э. были, как убедительно показывает в своей монографии В. Н. Токмаков²²⁹, руководителями «тысяч», т. е. рядов фаланги центуриатного войска, а не командирами структурных частей легиона, не существовавшего тогда в виде самостоятельного войскового подразделения. Как свидетельствует Тит Ливий, до 362 г. до н. э. *tribuni militum* не избирались голосованием народа, а назначались по личному усмотрению высших военачальников (Liv. VII. 5. 9). Затем они стали частично назначаемы, частично избираемы, что сохранилось и в поздней Республике (Cic. Contra Ver. I. 30). Таким образом, до реформ Лициния – Секстия (т. е. до упразднения консулярного трибуната) каждый консул, диктатор или консулярный трибун в роли главнокомандующего назначал военных трибунов, требовавшихся для оперативного руководства армией. На момент проведения выборов новых высших магистратов, если они осуществлялись не сложившим еще полномочия предыдущим, в войске имелись назначенные им (или его коллегой, если у власти находилась коллегиальная магистратура) *tribuni militum*. Тогда на следующий административный срок в высшую магистратуру баллотировались военные трибуны предыдущего года. Если же выборы проводились в ходе интеррегнума, то должности командиров армейских структур были вакантны, так как со сложением полномочий предыдущими высшими магистратами прекращали исполнение обязанностей и назначенные ими на любые посты лица. Следовательно, либо претендовать на избрание в качестве консулярных трибунов могли уже к этому моменту бывшие военные трибуны, либо интеррекс сам назначал командиров воинских подразделений, которые и выступали в роли кандидатов при голосовании в комициях. Второе было вполне возможно, так как интеррекс, по нашему убеждению, был магистратом с империем, и в сфере *militiae* мог командовать войском, набирать его и назначать командиров²³⁰. Однако нельзя исключить и иной вариант, по которому избираться на должность консулярных трибунов могли и бывшие военные трибуны (причем, возможно, что когда-либо бывшие, а не обязательно непосредственно перед тем). Можно также предположить, что, если первоначально действительно в ранг высших магистратов возводились военные трибуны при ис-

²²⁹ Токмаков В. Н. Военная организация... С. 203-204.

²³⁰ Дементьева В. В. Римское республиканское междоусобице... С. 84-93.

полнении своих воинских обязанностей, то с течением времени, при сохранении названия магистратуры, на нее стали претендовать любые видные политические деятели, ибо в Риме все они были полководцами и неизбежно в своей жизни неоднократно выполняли в армии роль военных трибунов. В определенной мере, косвенно свидетельствуют в пользу такого варианта развития событий случаи занятия должности консулярного трибуна одним лицом два года подряд, например: Гай Сервилий Агала имел такие полномочия в 408 и 407 гг. (Liv. IV. 56. 2; IV. 56. 12); Луций Фурий Медуллин в 398 и 397 гг. до н. э. (Liv. V. 14. 5.; V. 16. 1); Сервий Сульпиций Руф в 384 и 383 гг. до н. э. (Liv. VI. 18. 1; VI. 21. 1); Сервий Корнелий Малугинский в 382 и 381 гг. (Liv. VI. 22. 1; VI. 27. 2). Эти примеры означают, что, когда перечисленные персоны второй год подряд претендовали на должность консулярного трибуна, они при избрании не могли считаться рядовыми военными трибунами, но тем не менее, успешно баллотировались. Таким образом, у нас есть сомнения в том, что только и исключительно действовавшие ко времени выборов военные трибуны могли быть кандидатами в коллегию консулярных. Вполне возможно, что таковыми имели право быть и бывшие военные трибуны. Мы согласны с Генрихом Зибером, что *tribuni militum* в данном случае был только титул избранных народом высших магистратов²³¹, который, на наш взгляд, не означал ни нахождение лица в должности войскового трибуна на момент выборов, ни сохранение за ним обязанностей командира подразделения фаланги после них. Более того, велика вероятность, что военный трибуна́т вообще рассматривался как необходимая ступенька на пути к высшей магистратуре (не только к консулярному трибуна́ту, но и к консулату). Ведь высший магистрат в Риме, — это, неизбежно, главнокомандующий и, чтобы претендовать на эту роль, нужно было проявить себя в качестве командира самого крупного структурного подразделения войска. Поэтому с точки зрения предшествовавшей военной карьеры претендентам на должность консулов и консулярных военных трибунов предъявлялись одинаковые требования, различие было только в отношении происхождения: военные трибуны из плебеев в V в. — первой половине IV в. до н. э. имели возможность занять лишь вторую из названных магистратур. Итак, мы склонны считать, что кандидат на должность консулярного военного трибуна обязан был приобрести боевой опыт в ранге военного трибуна, но на момент избирательной кампании мог и не иметь такого офицерского назначения.

Наши рассуждения в предыдущем абзаце основывались на свидетельстве Ливия о назначаемости *tribuni militum* в римском войске в эпоху консулярного трибуна́та. Однако в исследовательской литературе была высказана гипотеза, что и до 362 г. до н. э. они избирались народным собранием. Ее

²³¹ Siber H. *Römisches Verfassungsrecht...* S. 93.

автор, Рафаэль Сили, приводил следующие доводы в пользу своей трактовки. Реорганизация государственного управления была проведена в 367 г. до н. э., и, если бы возникла потребность с отменой консулярного трибуната перейти к избранию военных трибунов для армии, то она была бы реализована именно в этом году, а не несколько лет спустя. Далее, Р. Сили утверждал, что, поскольку одним из принципов реформы 367 г. было укрепление приоритета консульской должности над другими, то переход от назначения к избранию военных трибунов и, тем самым, получение ими большей степени самостоятельности во взаимоотношениях с консулами, противоречил бы логике этой реформы. Самое же главное, полагая, что должность плебейских защитников произошла от военных трибунов²³², данный исследователь рассматривает *lex Publilia* 471 г. до н. э. (традиционно понимаемый как изменивший порядок избрания плебейских трибунов) в качестве законодательного акта, перенесшего выборы военных трибунов из куриатных комиций в трибутные²³³. По дальнейшим рассуждениям Р. Сили, когда плебеи бойкотировали консульские выборы, по указанию сената уже избранные военные трибуны брали управление в свои руки²³⁴. Однако, при отсутствии консулов прежние военные трибуны слагали обязанности командиров подразделений (ибо даже избранные в комициях магистраты ниже по рангу консулов с прекращением консульских полномочий прекращали исполнение должностных обязанностей), а новые не могли быть ни назначены, ни избраны, поскольку и выборами, и назначением на должности обязаны были руководить консулы или другие высшие магистраты. Тем более, что никто, кроме интеррекса не мог при не проведенных своевременно выборах брать власть в свои руки просто «по инструкции» сената, даже если эти лица были избраны в комициях, но на иную должность. Поэтому, на наш взгляд, трактовка Р. Сили передачи высшей магистратской власти военным трибунам не выдерживает критики, а представление о том, что их должность в войске была выборной, а не назначаемой, не базируется на сколь-нибудь убедительных аргументах. Таким образом, мы считаем, что высшие магистраты в роли главнокомандующих назначали (по утверждению античной традиции) в период 444-367 гг. военных трибунов, бывших тогда командирами рядов фаланги, которые, в случае избрания в коллегию консулярных трибунов, должны были пройти процедуру утверждения на комициях.

Какие комиции осуществляли голосование при избрании консулярных трибунов, – ответы на этот вопрос давались самые разнообразные. Одна из концепций признает, что это была компетенция трибутных собраний. Ее

²³² Эта точка зрения имеет распространение в историографии: Richard J.-C. *Les origines de la plebe romaine: Essai sur la formation du dualisme patricio-plebein*. Roma, 1978. P. 522; Sohlberg D. *Op. cit.* S. 271-272; и др. работы. Критику этой концепции см.: Токмаков В. Н. *Военная организация... С. 156.*

²³³ Sealey R. *Op. cit.* P. 524-528.

²³⁴ *Ibid.* P. 529-530.

2.1. Порядок избрания и прекращения полномочий

71

сторонниками были Людвиг Ланге²³⁵ и Стюарт Стэвели²³⁶. Другая теория отводит данную роль центуриатным комициям. Такая точка зрения была предложена автором одной из самых первых статей по проблеме консульского трибуната, – Оттокар Лоренцем²³⁷. Затем она была поддержана Теодором Моммзеном²³⁸, Кристером Ханелем²³⁹ и зафиксирована в энциклопедии Паули-Виссова²⁴⁰. Была высказана и гипотеза о куриатных комициях как избирательных собраниях для консульских трибунов, автором которой явился Аурелио Бернарди²⁴¹. Данный автор исходил из того, что до 426 г. до н. э. наделялись империем *tribuni celerum*, а не *tribuni militum*. Соответственно, согласно его взгляду, до этого года выборы проходили в куриатных собраниях, а после – в центуриатных. Раньше же всех появилось представление, выраженное Бартольдом Нибуром, что сначала выборы консульских трибунов проводились в центуриатных комициях, а с тех пор, как постоянно стали избирать их в количестве шести, они были перенесены в трибутные²⁴².

Обратимся к имеющимся источникам. Собственно, и прояснить ситуацию, и одновременно запутать ее, нам помогает только Тит Ливий. Римский историк трижды прямо упоминает о том, на каких комициях избирали военных трибунов с консульской властью. В первом случае речь идет о центуриатных собраниях: «Один М. Ветурий из патрицианских кандидатов сохранил место: почти все центурии избрали военными трибунами с консульской властью других лиц, плебеев – М. Помпония, Гн. Дуилия, Волерона Публилия, Гн. Генуция и Л. Атилия» (*Liv. V. 13. 3*)²⁴³. В этом пассаже все четко: *omnes fere centuriae dixerunt*. Еще более определенно, к тому же в качестве общего принципа и нормы, утверждается в речи, вложенной Ливием в уста Камилла: «Куриатные комиции, которые продолжают дело войны, центуриатные комиции, на которых вы выбираете консулов и военных трибунов, где с ауспичиями их можно проводить, если не там, где они обыкновенно бывают?» (*Liv. V. 52. 16*)²⁴⁴. Здесь все абсолютно однозначно: *comitia centuriata, quibus*

²³⁵ Lange L. Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen... S. 23.

²³⁶ Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate... P. 34.

²³⁷ Lorenz O. Über das Consulartribunat... S. 11. (283).

²³⁸ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... S. 189.

²³⁹ Hanell K. Op. cit. S. 199.

²⁴⁰ Lengle. Op. cit. S. 2452.

²⁴¹ Bernardi A. Dagli ausiliari... P. 41.

²⁴² Niebuhr B. Vorträge über römische Geschichte.. S. 333-334.

²⁴³ Unus M. Veturius ex patriciis candidatis locum tenuit: plebeios alios tribunos militum consulari potestate omnes fere centuriae dixerunt, M. Pomponium Cn. Duillium Voleronem Publilium Cn. Genucium L. Atilium.

²⁴⁴ Comitia curiata, quae rem militarem continent, comitia centuriata, quibus consules tribunosque militares creatis, ubi auspicato, nisi ubi adsolent, fieri possunt?

consules tribunosque militares creatis. Но еще один фрагмент вносит сумятицу в эти совершенно ясные свидетельства. «Первые подающие голоса избирают военным трибуном не против воли патрициев П. Лициния Кальва, не домогавшегося этого; умеренность сего мужа была испытана в первой магистратуре, впрочем, тогда уже он был стар годами, да и вскоре стало очевидно, что все из коллегии прошлого года будут опять избраны, – Л. Титиний, П. Мений, Гн. Генуций, Л. Атилий. Прежде чем трибы по закону стали объявлять имена избранных, П. Лициний Кальв с позволения интеррекса произнес речь...» (*Liv.V. 18. 1-2*)²⁴⁵. В конце приведенной цитаты говорится о провозглашении магистратов, а именно консулярных военных трибунов, на трибутных комициях. В начале же ее речь идет, судя по всему, о центуриатных собраниях, поскольку множественное число *praerogativae* свидетельствует в их пользу (в трибутных собраниях первой голосовала одна триба, а не несколько). Проблема, однако, еще и в прочтении испорченного текста, – некоторые исследователи и издатели предпочитают восстанавливать *praerogativa*. Так или иначе, Ливий в этом фрагменте, связывает ренунциацию консулярных трибунов с трибутными комициями, а голосование либо с ними же, либо с центуриатными. О куриатных комициях как месте избрания военных трибунов с консульской властью в источниках нигде не упоминается, поэтому мы отвергнем эту точку зрения, внимательнее отнесаясь к остальным, и с учетом аргументации разделяющих их исследователей, но на основе нашего понимания свидетельств Ливия, займем определенную позицию.

Доказательства своей версии об избрании консульских трибунов на трибутных комициях приводил С. Стэвели. Он полагал, что утверждения о центуриатных комициях в данном контексте есть только «собственное легкомысленное мнение» Ливия, тогда как противоречащее ему указание на трибутные комиции почерпнуто им из первоисточников, возможно записей понтификов²⁴⁶. Далее С. Стэвели предлагал следующие аргументы. В условиях сословной конфронтации плебеи стремились, борясь с превосходством патрициев, к вручению полномочий консульским трибунам, но могли бы добиться этого только в демократических трибутных комициях, а не в тимократических центуриатных. В период поздней Республики военные трибуны, будучи командирами подразделений легиона, избирались, по свидетельству Саллюстия (*Sallust. Bell. Jug. 64. 3*), в трибутных комициях, что, на взгляд С. Стэвели, говорит об «унаследовании» традиции от ранней Республики. Наконец, данный автор ссылается на пример квесторов, о которых Ливий пи-

²⁴⁵ *Haud invitis patribus P. Licinium Calvum praerogativae tribunum militum non petentem creant, moderationis expertae in priore magistratu virum, ceterum iam tum exactae aetatis; omnesque deinceps ex collegio eiusdem anni refici apparebat, L. Titinium P. Maenium Cn. Genucium L. Atilium. Qui priusquam renuntiarentur iure vocatis tribubus, permissu interregis P. Licinius Calvus ita verba fecit...*

²⁴⁶ Staveley E. S. *The Significance of the Consular tribunate...* P. 34.

шет, что их, как и военных трибунов с консульской властью, народ стал выбирать из патрициев и плебеев (Liv. IV. 43. 5), а Тацит (Тас. Анн. XI. 22) также утверждает, что квесторов с течением времени стал избирать народ. Однако, возражая весьма авторитетному для нас автору, отметим, что ни Ливий, ни Тацит в указанных фрагментах не говорят о трибутных комициях, используя просто термин *populus*, но даже если бы и говорили, порядок избрания квесторов в данном случае ничего не доказывает. Ведь Ливий сближает избрание квесторов и консульских военных трибунов только по такому критерию, как «из патрициев и плебеев». Выборы во II в. до н. э. военных трибунов легиона в трибутных комициях также не показательны. Во-первых, потому, что центуриатные комиции утратили к тому времени многие свои важные функции, передав их трибутным (поэтому ссылаться на «унаследование» компетенции каждого из видов народных собраний в данном случае вообще нельзя). Во-вторых и главных, – различие было обусловлено тем, что консульские военные трибуны, как высшие магистраты должны были избираться на центуриатных комициях, а военные трибуны легиона, уподобляясь низшим магистратам, в трибутных. По поводу «тимократичности» центуриатных собраний, которая якобы помешала когда-либо избрать военных трибунов, можно ответить словами В. Н. Токмакова, что преимущество большего ценза проявлялось «в праве активно участвовать в голосовании, практически не влияя на его результат».²⁴⁷ Что же касается утверждения о собственном ненадлежащем мнении Ливия в пользу центуриатных комиций и о показаниях его источников в пользу трибутных, то дело обстояло, скорее, наоборот. Возросшее значение трибутных комиций близкой для него позднереспубликанской эпохи римский историк легко мог перенести (что он нередко делал, характеризуя через реалии последнего периода Республики ее раннее время) на начало IV в. до н. э. Впрочем, Рональд Ридли предлагал считать это упоминание трибунов анахронизмом из времен центуриатной реформы.²⁴⁸ Таким образом, нас не убеждают аргументы в поддержку гипотезы о трибутных комициях как избирательном органе для консульских трибунов.

Мы полагаем, что в начале процитированного выше фрагмента (Liv. V. 18. 1-2) Ливием была все же употреблена форма множественного числа *praegogativae*, поскольку во множественном числе третьего лица стоит глагольная форма *seant*. Поэтому у Ливия мы находим только одну оговорку по поводу трибутных комиций, которую можно, как отмечали выше, с равной вероятностью считать модернизацией или анахронизмом. Остальные его сообщения очевидным образом называют в связи с изучаемым вопросом центуриатные комиции. По нашему мнению, не должно было быть различий в восторге доверия граждан консулам и консульским трибунам. Коллегия кон-

²⁴⁷ Токмаков В. Н. Военная организация... С. 130-131.

²⁴⁸ Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 448.

сулярных военных трибунов, являясь высшей магистратурой, должна была в V-IV вв. до н. э. избираться там, где проходили выборы высших должностных лиц, то есть в центуриатных комициях, что, собственно и подчеркивает Ливий, говоря об избрании и консулов, и консулярных трибунов в одних и тех же центуриатных комициях. Точка зрения Б. Нибура о переносе с течением времени места избрания *tribuni militum consulari potestate* из центуриатных комиций в трибутные была бы логичной, если бы конституционное существование данных должностных лиц в роли носителей верховных полномочий исполнительной власти вышло бы за пределы первых двух веков Республики. Для объяснения такого переноса в конце V в. до н. э. мы не находим должных мотивов.

Итак, в нашей реконструкции политико-правового механизма избрания военных трибунов с консульской властью мы связываем акт голосования персонального состава коллегии с центуриатными комициями. Кто мог председательствовать на их выборах, – ответ на этот вопрос не так сложен. Руководить избиранием высших магистратов в принципе могли консулы, диктаторы, интеррексы и сами консулярные военные трибуны. Выясним кого конкретно в такой роли называет нам Ливий, или кого мы можем предполагать, исходя из текста его труда. Собственно, Ливий прямо называет председательствующих для наших случаев только в ситуациях интеррегнума, – во всех остальных приходится это определять логически. Греческие авторы тут очень мало нам помогают, только Диодор (*Diod. XV. 71. 1*) сообщает о трибунской коллегии 376 г. до н. э. (о которой нет информации у Ливия), что позволяет понять, анализируя предшествовавшую ситуацию, кто являлся руководителем избирательного собрания.

В роли председателей комиций по выборам военных трибунов с консульской властью чаще всего выступали такие же магистраты предыдущего года, проводя выборы своих преемников. Очень вероятно, что под их руководством были избраны коллегии консулярных трибунов 432, 424, 419, 418, 416, 415, 414, 406, 405, 404, 403, 402, 401, 400, 399, 398, 397, 394, 390, 386, 385, 383, 382, 381, 380, 378, 377, 376, 369, 368 гг. до н. э. Возможно, что к ним следует добавить коллегию 417 г. до н. э. (когда в предшествовавший год диктатор всего восемь дней имел полномочия, и, видимо, перед выборами консулярные трибуны возобновили свою власть как бы «замершую» на время диктатуры²⁴⁹), а также, аналогично, коллегию 379 г. до н. э., поскольку диктатор на двадцатый день сложил полномочия и выборы, судя по тексту Ливия, прошли уже после этого.

²⁴⁹ Дементьева В. В. Магистратура диктатора... С. 88-92; Дементьева В. В. Трухина Н. Н. Правовые основы взаимодействия диктатора с консулами в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.) // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Истор. наук. Тез. юбилейн. конф. Ярославль, 1995. С. 174-177; Они же. Правовые основы взаимодействия диктатора с органами государственной власти в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 3. М., Магнитогорск, 1996. С. 107-116.

2.1. Порядок избрания и прекращения полномочий

75

Интеррексы в семи или восьми случаях руководили выборами консульских трибунов. Возможно, что в 444 г. до н. э. интеррегнум предшествовал консулярному трибунату, а не следовал за ним (Ливий не знал точно, как соотносились упоминаемые в его первоисточниках консульскую и трибунскую коллегию, а также междуцарствие). Остальные коллегии военных трибунов с консульской властью, избранные под председательством интеррекса, фиксируются довольно четко, – это магистраты 433, 420, 396, 391, 389, 387, 370 гг. до н. э.

Консулы не так часто прослеживаются в роли руководителей комиций по избранию консулярных трибунов, что, конечно, связано со сравнительно редким «смежным» функционированием этих магистратур. Могла быть провозглашена при консульском руководстве избирательной кампанией первая коллегия консулярных трибунов 444 г. до н. э., (хотя, как мы отметили, она могла прийти к власти и после интеррегнума). Более вероятно связать с председателем-консулом выборы консулярных трибунов 426, 422, 408 гг. до н. э.

Возможно, что выборы коллегии консулярных трибунов ряда лет проходили под председательством диктатора. Это коллегии 438, 434 гг. до н. э., которые, впрочем, могли быть избраны под руководством консула, возобновившего полномочия после диктатуры, а для 434 г. до н. э. возможно, также, что консульская пара начала после диктатуры административный год, а затем передала полномочия консулярным трибунам. К числу коллегии консулярных трибунов, которые с равной вероятностью могли быть избраны под руководством диктатора или консулярного трибуна, следует отнести коллегии этих магистратов 425, 426, 407, 395, 388, 384, 367 гг. до н. э.

Председатель избирательных комиций имел реальную возможность повлиять на исход выборов, о чем мы уже неоднократно писали²⁵⁰. Конечно, на наш взгляд, в данном случае он не определял, кого – консулов или консулярных трибунов – выбирать, это было предreshено сенатом. Но он мог приложить усилия к избранию одних персон и неизбранию других. Не исключено, что иногда выбирали меньшее количество консулярных трибунов, чем предполагалось, именно по этой причине, но никаких конкретных фактов по этому поводу источники не содержат. Можно только с высокой долей вероятности утверждать, что «довыборы» на оставшиеся вакантными в данной магистратуре места уже под председательством одного из избранных на этот год консулярных трибунов (как это, например, практиковалось, когда под руководством интеррекса избирали одного консула, а тот председательствовал на выборах второго) не проводились, ибо нигде нет никакого намека на них. Также следует отрицать возможность выборов в течение года в эту ма-

²⁵⁰ См.: Дементьева В. В. Магистратура диктатора... С. 53-54; Она же. Римское республиканское междуцарствие... С. 99-101.

гистратуру суффектов и уж тем более исключить кооптацию членами коллегии не избранных в нее комициями лиц.

Противодействие проведению выборов консулярных трибунов со стороны трибунов плебейских представляется маловероятным, так как чаще всего (хотя и не исключительно) именно плебейские массы и их вожди инициировали их избрание. Однако плебейских трибунов могли не устраивать конкретные кандидатуры в консулярный трибунат, тогда они вели агитацию против определенных персон. Добиваться же срыва выборов, отказа от участия в голосовании особого смысла не имело, поскольку это неизбежно приводило к междуцарствию, при котором *patres-senatores* становились хозяевами положения.

Сенатское постановление о предоставлении полномочий высшей исполнительной власти консулярным военным трибунам и голосование в центуриатных комициях по конкретным кандидатурам, – два основных звена, в нашем понимании, в механизме перехода власти к этой коллегии. При этом, на наш взгляд, такой переход вполне был допустим не только по окончании административного года, но и в его ходе, а именно, от консулов к консулярным трибунам, что осуществлялось при живых и не отправленных в отставку консулах без интеррегнума. Правда, у нас есть только единичные примеры такого развития событий, – там, где мы усматриваем на основании сообщений античных писателей для одного и того же года и консулат, и консулярный трибунат, а указания на интеррегнум отсутствуют, – это 434 г. до н. э. (Liv. IV. 23. 1-2), 432 г. до н. э. (Liv. IV. 25. 5; Diod. XII. 60. 1; Macrob. I. 13. 21), 426 г. до н. э. (Liv. IV. 20. 5-11; IV. 20. 10; IV. 31. 5; Val. Max. III. 2. 4; Diod. XII. 80. 6-8). Чаще, как мы видели, до истечения административного года к магистратуре консулярных трибунов прибегали после интеррегнума, вызванного чрезвычайными обстоятельствами. Что же касается «плавного», без междуцарствия, перехода от консулата к консулярному трибунату, то не следует его понимать как простое назначение консулом военных трибунов, – такая возможность ошибочно, по нашему мнению, допускается в трактовке Энн Боддингтон, которая рассматривает консулярных военных трибунов как «дополнительных коллег» консулов²⁵¹. Если диктатора консул провозглашал (согласовав с сенатом его кандидатуру) без голосования в комициях, то военных трибунов с консульской властью он таким образом назначить не мог. По всей видимости, это связано было с тем, что консулярный трибунат – коллегиальная магистратура, в отличие от единоличной диктатуры. Сама же возможность перехода в любой момент, а не только по окончании административного года, сближает консулярный трибунат с диктатурой как чрезвычайной магистратурой. Еще больше сближает его с ней сенатское постановление как правовая база передачи полномочий экстраординарным магистратам.

²⁵¹ Boddington A. Op. cit. P. 358.

Понимание *tribuni militum consulari potestate* в качестве высших магистратов означает одновременно признание необходимости для них такого важного элемента в процедуре наделения полномочиями верховной исполнительной власти, каким являлся куриатный закон об империи. Сама по себе констатация обладания ими империем в источниках (I. L. S. 212; Gell. XVII. 21. 19) не оставляет нам иного варианта трактовки, хотя исследователи избегают обычно прямо говорить об этом законе применительно к консулярным трибунам (за редким исключением, например, – Ф. Де Мартино²⁵²). *Lex curiata de imperio* требовался для всех (кроме интеррекса) высших должностных лиц, как ординарных, так и чрезвычайных, провозглашенных от имени сената или избранных на центуриатных комициях. В данном случае, для консулярных трибунов принятие его означало признание куриями (как исходной основой римского гражданского коллектива) должностных лиц, избранных в военной организации общины. Порядок наделения империем сводился к внесению самими магистратами закона о нем в куриатные комиции и собственно голосования. Свидетельство о проведении куриатного закона непосредственно для военных трибунов с консульской властью у Ливия имеется, хотя и в виде ретроспекции при описании более поздних событий. Римский историк сообщает, что начинать голосование по поводу *lex curiata de imperio* с Фавцийской курии было неблагоприятным предзнаменованием, ибо именно она первой подавала голос во время наделения империем магистратов, при которых на Рим обрушивались бедствия, в том числе взятие города галлами (Liv. IX. 38. 15). Так как падение города в ходе галльского нашествия произошло при военных трибунах с консульской властью, речь в этом примере, приводимом Ливием, без сомнения, идет о *lex curiata de tribuni militum consulari potestate*. Несмотря на то, что процедура его принятия внешне носила формальный характер, для римлян она была наполнена не только политическим, но и сакральным смыслом, так как вместе с империем магистрат наделялся правом совершения общественных ауспиций. Получивший империй магистрат в пятидневный срок приносил клятву на верность законам (*iurare leges*).

Вручением империя и присягой заканчивалось избрание военных трибунов с консульской властью. Политико-правовой его порядок, как мы видели, включал в себя несколько звеньев, а осуществление занимало не один день. Что же касается сложения полномочий консулярными трибунами, то длительной процедуры здесь не требовалось, достаточно было лишь публичного объявления. Однако стоит обратить внимание на то, могло ли чье-либо давление заставить консулярных трибунов досрочно уйти в отставку, и что следовало за прекращением ими исполнения должностных обязанностей, как при исчерпании полного срока, так и ранее.

²⁵² De Martino F. Storia... P. 240.

Текст Ливия со всей определенностью свидетельствует, что сенат мог принудить военных трибунов с консульской властью досрочно уйти в отставку. При этом иногда не скрывалось явное недовольство сената деятельностью этих магистратов. Так, после галльского нашествия «проводить комиции для выборов на следующую год не было доверено военным трибунам, при исполнении которыми магистратских обязанностей город был захвачен; дело дошло до интеррегнума»²⁵³ (Liv. VI. 1. 5). В других же случаях могли в качестве главной причины требований преждевременного сложения полномочий консулярными трибунами выдвигать мотив необходимости обновления ауспий из-за нарушения священных обрядов, как это было в 397 г. до н. э. (Liv. V. 17. 1-3). Испытанный способ заставить магистратов уйти в отставку под предлогом огрешности при совершении ауспий при их избрании применялся и по отношению к военным трибунам с консульской властью (Liv. IV. 3. 3). Делалось это, разумеется, руками авгуров по инициативе сената. При досрочной отставке консулярные военные трибуны не могли проводить выборы других высших магистратов, ибо отставка означала «сакральную дисквалификацию» их империя, и совершать необходимые ауспии по поводу преемников они были не правомочны.

У сената был еще один инструмент для прекращения полномочий консулярных военных трибунов, при котором магистратам не надо было заявлять о досрочном их сложении, – введение диктаторского правления. То, что такой прием нередко использовался, свидетельствует замена на диктаторов одиннадцати коллегий консулярных трибунов, проведенная в 434, (Liv. IV. 23. 5), 426 (Liv. IV. 31. 5), 418 (Liv. IV. 46. 10), 408 (Liv. VI. 57. 6), 396 (Liv. V. 19. 2), 390 (Liv. V. 46. 11), 389 (Liv. VI. 2. 5), 385 (Liv. VI. 11. 10), 380 (Liv. VI. 28. 3), 368 (Liv. VI. 38. 4), 367 (Liv. VI. 42. 4) гг. до н. э. Поводом для этого (часто не формальным предлогом, а фактической причиной) было углубление критического внешнего или внутреннего положения государства. Консулярные трибуны, как правило, приходили к власти в сложных обстоятельствах, вручение им полномочий было неординарной мерой, но справиться с трудностями, особенно внешних войн, они далеко не всегда могли. Не последнюю роль в этом, по всей вероятности, сыграла многочисленность коллегии, мешавшая единоначалию на войне, а иногда и последовательным действиям во внутренней политике. Поэтому, имея в государственном устройстве такие разные чрезвычайные магистратуры как консулярный трибунал и диктатура, римляне поочередно при необходимости их использовали, убеждаясь в большей эффективности последней, в первую очередь, для ведения военных действий. Это, возможно, в конце концов, привело к отказу от консулярного трибунала и сохранению в конституции диктатуры. Иначе говоря, переходы от консулярного военного трибунала к диктаторским полномочиям

²⁵³ *Comitia in insequentem annum tribunos habere quorum in magistratu capti urbs esset, non placuit; res ad interregnum rediit.*

мы рассматриваем как поиски римской общиной оптимального пути решения проблемы сохранения ее жизнеспособности в угрожающих этому обстоятельствах.

На время функционирования диктатуры полномочия консулярных трибунов (как годичных по максимальному сроку магистратов) «замирали», что было характерно и для консулов. При этом диктатор мог привлекать консулярных трибунов к любой государственной деятельности под своим началом. После же отставки диктатора, если административный год еще не завершился, они возобновляли исполнение должностных обязанностей. Если же он заканчивался, то диктатор сам проводил выборы, или же назначался интеррекс.

При полном исчерпании военными трибунами с консульской властью годичного срока своих полномочий они проводили в соответствующие сроки выборы консулов или формировали на центуриатных комициях новую коллегию консулярных трибунов (если это предписывалось сенатским постановлением). Если по какой-либо причине они не успевали это сделать, ликвидировать перерыв в преемственности высшей исполнительной власти должен был междуцарь.

Таким образом, в нашей исторической модели функционирования магистратуры *tribuni militum consulari potestate* приход к власти этих должностных лиц и сложение ими ее полномочий рассматриваются как имевшие правовой механизм регулирования и основанную на нем политическую практику. Необходимым и достаточным условием для перехода к управлению общиной данными магистратами, как и другими экстраординарными, было сенатское постановление, не голосовавшееся в народном собрании (согласие граждан требовалось только при изменениях числа магистратских мест). Персональный состав коллегии утверждался в центуриатных комициях, кандидатами в нее могли выступать как действовавшие командиры воинских подразделений в ранге военного трибуна, так, вероятно, и бывшие. Завершающим актом вручения полномочий высшей власти консулярным трибунам было принятие куриатными собраниями закона о наделении их империем. Прекращение должностных обязанностей военными трибунами с консульской властью могло быть как досрочным, под давлением сената, так и по окончании административного года (с «замиранием» внутри его их полномочий на период диктатуры или без такового, если диктатура не вводилась) с дальнейшим осуществлением одного из конституционно возможных вариантов сохранения непрерывности исполнительной власти в римской общине.

2.2. Характер магистратуры *tribuni militum consulari potestate*

Вопрос о том, какой характер – ординарный или чрезвычайный – имела магистратура консульских военных трибунов, является кардинальным для исторического моделирования процесса формирования политической системы *civitas* в первые полтора века существования Республики. От ответа на этот вопрос зависит представление о путях и этапах складывания высшей исполнительной власти, о становлении основных звеньев римского государственного устройства. Однако исследователи, непосредственно обращавшиеся к истории консульского трибуната в историографии последних пяти десятилетий, как правило, уходят от четкой формулировки, к каким магистратурам, обычным или экстраординарным, следует отнести эту должность²⁵⁴. Вместе с тем, при чтении их работ создается однозначное впечатление, что авторы понимают консульский трибунал как высшую ординарную магистратуру, конкурировавшую с консулатом в таком качестве в течение почти восьмидесяти лет. В общих же работах, сжато освещающих конституционное устройство ранней Республики, изданных как в XIX, так и в XX вв., встречается причисление военных трибунов с консульской властью к экстраординарным должностям²⁵⁵. Как подчеркивал Теодор Моммзен, военные трибуны не были чрезвычайной должностью, они были «ординарные и хорошо известные офицеры», которые при наделении консульской властью получали чрезвычайные полномочия, провозглашаясь в новом статусе чрезвычайным образом²⁵⁶. Оставляя пока в стороне анализ собственно полномочий консульских трибунов (его мы проведем в следующем параграфе), обратимся к выяснению характера их должности на основе рассмотрения следующего принципиального в этом отношении момента: всегда ли консульские трибуны избирались на полный срок административного года, то есть, могли ли они оказаться у власти, сменяя консульскую пару, после начала этого года (или, наоборот, начав год, они уступали место консулам). Ибо, в первую очередь, проявление экстраординарности, – это переход в любой момент от обычного способа управления к руководству общиной особыми властными структурами, а также возврат к ординарным органам, когда прекращается потребность в чрезвычайных. Кроме этого, постараемся точнее выяснить, что собой представлял административный год для консульских

²⁵⁴ Staveley E. S. *The Significance of the Consular tribunate...* P. 30-36; Adcock F. E. *Op. cit.* P. 9-14; Sealey R. *Op. cit.* P. 521-530; Boddington A. *Op. cit.* P. 356-364; Pinsent J. *Op. cit.* P. 29-61; Kirby V. *Op. cit.* P. 24-29; Drummond A. *Consular Tribunes...* P. 58-72; Ridly R. T. *The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy...* P. 444-465.

²⁵⁵ См., например: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 169; Lange L. *Römische Alterthümer...* S. 915; Целлер М. *Указ. соч.* С. 193; Виллемс П. *Указ. соч.* С. 300. Санчурский Н. В. *Указ. соч.* С. 71; Siber H. *Römisches Verfassungsrecht...* S. 77; Berger A. *Encyclopedic Dictionary of Roman Law.* Philadelphia, 1953. P. 743; Guarino A. *Op. cit.* P. 99.

²⁵⁶ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 169.

трибунов, всегда ли на практике он соответствовал календарному, и является ли сама по себе годичность полномочий критерием для определения характера магистратуры²⁵⁷

Античные писатели придерживаются в трактовке периодической замены консулов консулярными трибунами такой логики: трибуны избирались на год, на который выборы консулов не проводились; вопрос о том, кого избирать (консулов или военных трибунов) решался перед началом административного года. Учитывая к тому же, что трибунская должность была коллегияльной и по времени исполнения максимально годичной, у читателя их трудов создается в первом приближении впечатление (которое, вероятно, имелось и у самих авторов поздней Республики и Империи), что консулярный военный трибунал был, также как и консулат, ординарной магистратурой. Правда, Р. Бунзе однозначно считает, что античные авторы расценивали появление консулярных трибунов как введение новой чрезвычайной должности²⁵⁸. Мы же усматриваем иную логику в их описаниях. Однако логика изложения событий античными историками, порожденная их представлениями о замене консулов военными трибунами по итогам сенатского решения и избирательной кампании каждый раз на весь год, это одно, а конкретные сведения, не вписывающиеся в эту логику, которые они до нас доносят, опираясь на свои первоисточники, – это другое. Проанализируем эти свидетельства античной традиции, сохранившиеся в ней от разных поколений анналистов (а у них из списков магистратов), для нас в данном случае отнюдь не менее, а, пожалуй, более важные, чем понимание ситуации римскими и греческими авторами I в. до н. э. – I в. н. э.

Противоречие названной логике изложения (административный год либо целиком консульский, либо трибунский) мы находим у Ливия уже для первого случая функционирования консулярного военного трибунала. В 444 г. до н. э., согласно его сообщению, были избраны трое трибунов с консульской властью: Авл Семпроний Атрин, Луций Атилий и Тит Клуилий (Liv. IV. 7. 1). Но далее он отмечает, что договор с ардеянами в этом году был возобновлен консулами Луцием Папирием Мугилланом и Луцием Семпронием Атринием (Liv. IV. 7. 10), добавляя, что ни в древних анналах, ни в книгах магистратов они не упомянуты²⁵⁹. Этот факт подписания договора консулами, а не консулярными военными трибунами, обычно акцентируется

²⁵⁷ На этих вопросах мы останавливались в статье: Дементьева В. В. Характер магистратуры военных трибунов с консульской властью // Антиковедение и медиэвистика. Вып. 1. Ярославль, 1999. С. 12-24.

²⁵⁸ Bunse R. Op. cit. S. 86.

²⁵⁹ <Suffectis> his consulibus cum Ardeatibus foedus renouatum est; idque monumenti est consules eos illo anno fuisse, qui neque in annalibus priscis neque in libris magistratuum inueniuntur.

исследователями²⁶⁰ То, что в данном году действовали и консульские военные трибуны, и консулы подтверждает Дионисий Галикарнасский, отмечая, что не во всех, а в немногих, римских летописях содержатся сведения о тех и других, в одних же только о военных трибунах, в других – лишь о консулах (Dionys. XI. 62. 3)²⁶¹ У Ливия следует уточнение, что, по его мнению, военные трибуны имели полномочия в начале года, но, как если бы они были у власти весь год, имена сменивших их консулов были пропущены (Liv. IV. 7. 11)²⁶² Давая же ссылку на Лициния Макра, Ливий передает сведения своего информатора, что имена этих консулов содержались в договоре с ардеянами и в полотняных книгах (Liv. IV. 7. 12)²⁶³. Хотя у Ливия цепочка событий выстроена последовательно: переход от консульских трибунов (из-за признания огрешности их выборов по причине нарушений в ауспигиях) к консулам через интеррегнум (Liv. IV. 7. 3, 8-10), тем не менее, сам он не уверен, были ли в том году только трибуны, или же их сменили консулы (Liv. IV. 8. 1)²⁶⁴. Следовательно, имевшийся в распоряжении Тита Ливия исторический материал не вполне вписывался в его логическую схему смены высших магистратов, что, видимо, приводило к определенному приглаживанию его в соответствии с этой схемой. Подтверждает это и упоминание Диодором Сицилийским (Diod. XII. 32. 1) Тита Квинкция (фигурирующего у Ливия в роли интеррекса, провозгласившего консулов в этом году) в качестве одного из трех консульских трибунов²⁶⁵, вместо Тита Клуилия, названного у Ливия. По мнению Энн Боддингтон, Ливий, возможно, «убил две птицы одним камнем», корректируя список консульских трибунов и рисуя необходимый конституционный механизм для выборов дополнительных консулов²⁶⁶ Судя по всему, имея в распоряжении сведения первоисточников, как о консульской паре 444 г. до н. э., так и о коллегии военных трибунов с консульской властью этого года, сомневаясь в наличии консулов, не вполне со-

²⁶⁰ Sealey R. Op. cit. P. 523; Boddington A. Op. cit P. 359; Palmer R. Op. cit. P. 226-227.

²⁶¹ Πλὴν οὐκ ἐν ἀπάσαις ταῖς Ῥωμαϊκαῖς χρονολογίαις ἀμφότερα φέρονται, ἀλλ' ἐν αἷς μὲν οἱ χιλιάρχοι μόνον, ἐν αἷς δ' οἱ ὑπάτοι, ἐν οὐ πολλαῖς δ' ἀμφότεροι, αἷς ἡμεῖς οὐκ ἄνευ λογισμοῦ συγκατατιθέμεθα, πιστεύοντες δὲ ταῖς ἐκ τῶν ἱερῶν τε καὶ ἀποθέτων βιβλῶν μαρτυρίαῖς.

²⁶² Credo, quod tribuni militum initio anni fuerunt, eo perinde ac totum annum in imperio fuerint, [suffectis iis consulibus] praetermissa nomina consulum horum.

²⁶³ Licinius Macer auctor est et in foedere Ardeatino et in linteis libris ad Monetae ea inuenta.

²⁶⁴ Hunc annum, seu tribunos modo seu tribunis suffectos consules quoque habuit...

²⁶⁵ Τοῦ δ' ἐνιαυσίου χρόνου διελθόντος Ἀθήνησι μὲν ἦρχεν Εὐθυμένης, ἐν Ῥώμῃ δ' ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχοι κατεστάθησαν τρεῖς, Αὖλος Σεμπρόνιος, Λεύκιος Ἀτίλιος, Τίτος Κῶρινθος.

²⁶⁶ Boddington A. Op. cit. P. 359.

ответствовавших логике его изложения, но, все же отмечая (из-за фиксации их имен в договоре с ардеянами!) возможность их нахождения у власти, Ливий предпочел выстроить ряд событий по цепочке: консулярный трибунат, интеррегнум, консулат. Нам представляется вероятной и иная последовательность: сначала два консула, затем междуцарствие, а потом уже (или даже минуя интеррегнум) консулярный военный трибунат. Дело в том, что, согласно повествованию того же Ливия, послы из Ардеи явились в Рим в начале года; возможно, вскоре и был возобновлен с ними договор. Если события развивались так, то замена консулов на военных трибунов в ходе административного года выглядит скорее как необходимость прибегнуть к чрезвычайной магистратуре из-за осложнения либо внутривосточной, либо внешнеполитической ситуации (Ливий говорит и о том, и о другом). Но, даже если реальная последовательность событий соответствовала изложению Ливия, тем не менее, очевидно, что административный 444 г. до н. э. нельзя считать чисто трибунским, он был в не меньшей мере и консульским. Отправить в отставку новых магистратов могли, когда насущная потребность в них отпала, испытанным средством (и единственным, когда речь шла о недобровольном отстранении от власти экстраординарных должностных лиц), а именно, при помощи признания авгурами нарушений в птицегаданиях во время их провозглашения, как, например, неоднократно поступали с диктаторами²⁶⁷ Как раз этот способ прекращения полномочий первых консулярных трибунов и зафиксирован у Ливия.

Не менее, а, пожалуй, еще более наглядным является свидетельство античной традиции о 434 г. до н. э. То, что в этом году избирались консулярные трибуны, сомнений не оставляют ни Ливий, ни Диодор. Ливий, говоря о показаниях Лициния Макра и Элия Туберона, отмечает: «ни тот, ни другой не скрывают сообщений древних писателей о том, что в этом году были военные трибуны» (Liv. IV. 23. 2)²⁶⁸, но не передает их имен. Диодор же называет Манлия, Сульпиция и Корнелия (Diod. XII. 53.1)²⁶⁹ Наряду с такими сообщениями для данного года совершенно очевидна информация о консулах. При этом Ливий считает таковыми Юлия и Вергиния, указывая, что они же были консулами и в предыдущем году (Liv. IV. 23. 1)²⁷⁰ Приводя следом свидетельства Валерия Антиата и Элия Туберона, Ливий замечает, что они, опираясь на полотняные книги, называют консулами Марка Манлия и Квин-

²⁶⁷ См.: Дементьева В. В. Магистратура диктатора... С. 73-74.

²⁶⁸ ...neuter tribunos militum eo anno fuisse traditum a scriptoribus antiquis dissimulat.

²⁶⁹ "Ἐπ' ἀρχοντος δ' Ἀθήνησιν Εὐκλείδου Ῥωμαῖοι κατέστησαν ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχους τρεῖς, Μάρκον Μάνιον, Κόιντον Σουλπίκιον Πραιτέξτατον, Σερούλιον Κορνήλιον Κόσσον.

²⁷⁰ Eosdem consules insequenti anno refectos, Iulium tertium, Verginium iterum...

та Сульпиция (Liv. IV. 23. 2)²⁷¹. Повторение у Диодора этих имен среди трех имен консульских трибунов заставляет думать о некоторой путанице в том, кто какую магистратуру занимал в 434 г. до н. э., но не разрушает представлений о наличии и консулата, и консульского трибуната в течение этого года. Ничему не противоречит и занятие одними и теми же лицами, как консульских, так и затем (или перед тем) трибунских мест. Подобное осуществление в одном и том же году одной персоной полномочий как высшей ординарной власти, так и экстраординарной, характерно и для назначения на должность диктатора одного из консулов. Консульская пара, таким образом, находилась у власти в 434 г. до н. э. наряду (но не одновременно, как думала Энн Боддингтон²⁷²) с тремя консульскими трибунами, то есть, налицо дробление административного года на некоторые временные отрезки. Причем, для данного года нигде в источниках не отмечено междуцарствие, следовательно, переход от одной коллегии к другой совершался «плавным образом», что вообще исключалось при переходе власти в течение одного года от одних ординарных магистратов к другим. Одна консульская пара замещалась другой (при гибели или отставке) только через интеррегнум. Замена же консулов внутри административного года на носителей чрезвычайных полномочий, в частности, диктаторских, осуществлялась, не прерывая преемственности власти, путем сенатского решения и акта провозглашения диктатора, который проводился непосредственно консулом. Отсутствие интеррегнума в данном случае свидетельствует в пользу трактовки перехода в 434 г. до н. э. от ординарной магистратуры к чрезвычайной, но не о смене носителей одной ординарной должности носителями другой, тоже ординарной.

Античная традиция дает нам основание предполагать и наличие консульской пары в 432 г. до н. э., хотя главные наши информаторы, Ливий (Liv. IV. 25. 5)²⁷³ и Диодор (Diod. XII. 60. 1)²⁷⁴ называют для этого года только консульский военный трибунал. У Макробия же приводится свидетельство Варрона о начертанном на медной колонне древнейшем законе, относящемся к консулам Л. Пинарию и Фурию (Macrob. I. 13. 21)²⁷⁵ Кристер Ханель

²⁷¹ Antias et Q. Tubero M. Manlium et Q. Sulpicium consules in eum annum edunt. Ceterum in tam discrepanti editione et Tubero et Macer libros linteos auctores profitentur...

²⁷² Boddington A. Op. cit. P. 359.

²⁷³ ...tribuni militum consulari potestate omnes patricii creati sunt, L. Pinarius Mamercus L. Furius Medullinus Sp. Postumius Albus.

²⁷⁴ Ἐπ' ἀρχοντος δ' Ἀθήνησι Στρατοκλέους ἐν Ῥώμῃ ἀντὶ τῶν ὑπάντων χιλιάρχοι τρεῖς κατεστάθησαν, Λεύκιος Φούριος, Σπόριος Πινάριος [καὶ Γάιος Μέτελλος].

²⁷⁵ antiquissimam legem ... incisam in columna aena a L. Pinario et Furio consulibus...

идентифицировал названных лиц в качестве консулов 432 г. до н. э.²⁷⁶, то есть велика вероятность, что этот год также отмечен и консулатом, и консульным трибунатом. Возражением в данном случае может служить то, что Луций Пинарий Мамерк и Луций Фурий Медуллин названы у Ливия (у Диодора – Спурий Пинарий и Луций Фурий) в числе консульных военных трибунов, и, следовательно, возможно подозрение на ошибку в названии их должности у какого-то из древних авторов. Однако, как мы уже отмечали, одни и те же персоны могли замещать в течение одного года разные высшие должности, ординарную и экстраординарную. К тому же, описанная Ливием обстановка эпидемии и угрозы голода, в которой, как он подчеркивает, ни о каком проведении консульских комиций даже не поступало предложений (*Liv. IV. 25. 4*)²⁷⁷, позволяет нам с доверием отнестись к его утверждению о том, что коллегия консульных трибунов была в этом году сформирована, и даже считать, что именно чрезвычайные обстоятельства послужили тому предпосылкой. Тем более, что факт ее существования для данного года подтверждается Диодором. Р. Бунзе, отрицая наличие собственно консульской должности после 449 г. до н. э., замечает, что Макробий дает лишь реконструкцию текста закона, а насколько она исторична, определенно сказать нельзя²⁷⁸. Возможность ошибки в многократной передаче эпиграфических сведений о консульстве Пинария и Фурия, конечно, полностью не исключена, но, Э. Боддингтон, приняв точку зрения К. Ханеля, обращала внимание на то, что слова Варрона предполагают, что он или автор его первоисточника исследовали надпись лично, а, значит, нужно признать исполнение консулами в этот год служебных обязанностей²⁷⁹.

Также упоминание о надписи, содержащей сведения о консулате, на сей раз сделанной на доспехах Авла Корнелия Косса, имеется у Ливия при описании событий 437 г. до н. э. (*Liv. IV. 20. 5-11*). Для самого Тита Ливия неясным оставался вопрос, на какой год приходился упомянутый консулат. По его источникам, в 437 г. до н. э. Авл Корнелий Косс был просто военным трибуном, без консульских полномочий (*Liv. IV. 19. 1*), проведя героическое сражение во время диктатуры Мамерка Эмилия. Консулом же он числился в древних анналах и в полотняных книгах, как замечает римский историк, десятью годами позже (*Liv. IV. 20. 8*). В дальнейшем изложении Ливий и относит консулат Косса к 428 г. до н. э. (*Liv. IV. 30. 4*). Через три же года после этого консулата, пишет далее Ливий, Авл Корнелий стал военным трибуном с консульской властью (рассказ об этом его трибунате римский историк помещает под 426 г. до н. э.), а затем, в тот же год, начальником конницы при

²⁷⁶ Hanell K. *Op. cit.* S. 202.

²⁷⁷ *Consularium comitiorum nulla mentio habita est...*

²⁷⁸ Bunse R. *Op. cit.* S. 91.

²⁷⁹ Boddington A. *Op. cit.* P. 360.

диктаторе Мамерке Эмилии (Liv. IV. 20. 10; IV. 31. 5). Ливий задавался вопросом, к какому году отнести упомянутый в надписи консулат, поскольку «тучные доспехи» могли принадлежать только главнокомандующему, и надпись сделана в ознаменование значительной победы. В 437 г. Косс не был консулом, в 428 г., как Ливий подчеркивает, не было войн (три года до и после этого консульства прошли без войны). Ливий был склонен отнести подвиг Косса, за который он получил право принести доспехи в храм Юпитера Феретрия, все же к 437 г. до н. э. Валерий Максим полагал, что это событие имело место тогда, когда Авл Корнелий был начальником конницы (Val. Max. III. 2. 4), то есть в 426 г. до н. э. Поскольку в описании обоих случаев, и 437 г. до н. э., и 426 г. до н. э. Косс действовал «в паре» с диктатором Мамерком Эмилием, нельзя исключить дублирования событий в римской историографии. Оно тем более вероятно, что предшествовавшее подвигу Косса в изложении Ливия убийство римских послов по приказу царя вейян Ларса Толумния, относимое им к 438 г. до н. э., в труде Диодора приходится на 426 г. до н. э. (Diod. XII. 80. 6-8). Обычно при дублировании более поздние события удваиваются путем вплетения их в сюжеты раннего времени. Скорее всего, это имело место и в данном случае, то есть датировка выдающейся воинской победы Косса вполне оправдана 426 г. до н. э. Тогда получается, что к этому же году мы должны отнести сведения на доспехах о его консулате, которые действительно трудно датировать мирным 428 г. до н. э. Отсюда следует, что в 426 г. до н. э. Авл Корнелий Косс был в разные месяцы начальником конницы при диктаторе, консулярным трибуном и консулом (вероятнее даже занимая эти должности в обратной последовательности). Нам не кажется возможность такого «нагромождения» должностей нереальной. Вполне допустима, на наш взгляд, такая интерпретация событий: при обострении внешнеполитической ситуации (война с Вейями) сначала прибегли к переходу от консулата к военному трибунату, затем, когда консулярные трибуны показали, «сколь вреден на войне множественный империй» (Liv. IV. 31. 2)²⁸⁰, провозгласили диктатора.

Таким образом, приведенные примеры, по нашему мнению, говорят о том, что, вопреки схеме античных авторов при изложении смены высших магистратов в отдаленное от них время V-IV вв. до н. э. (в течение года либо консулы, либо консулярные трибуны, вместо которых может действовать диктатор или интеррекс как чрезвычайные должностные лица), один и тот же административный год мог быть последовательно отмечен наличием как консулов, так и военных трибунов с консульской властью. Эти сведения, как мы видели, относятся к первоисточникам дошедших до нас трудов античных писателей (договор с ардеянами, надпись на медной колонне, надпись на воинских доспехах, полотняные книги). Они позволяют нам усмотреть «тень консулов» того же года за выстраиваемым римскими и греческими истори-

²⁸⁰ ...documentoque fuere quam plurium imperium bello inutile esset.

ками рядом консульярных трибунов, а следовательно, серьезно усомниться в ординарности последних.

Сомнения в том, что всегда можно полностью доверять Ливию или Диодору, когда они определяют тот или иной год целиком как консульский или как трибунский, усиливаются в связи с периодическим появлением в их трудах «лишних» консулов. Весьма показательна в этом отношении ситуация 428–427 гг. до н. э. Тит Ливий для 428 г. до н. э. называет уже упомянутого нами Авла Корнелия Косса и Тита Квинкция Пунийца (*Liv. IV. 30. 4*)²⁸¹, для следующего, 427 г. до н. э. – Гая Сервилия Агалу и Луция Папирия Мугиллана (*Liv. IV. 30. 12*)²⁸² Диодор Сицилийский подтверждает эти пары (*Diod. XII. 75. 1*)²⁸³, но между ними вставляет еще одну – Луция Квинкция и Авла Семпрония (*Diod. XII. 77. 1*)²⁸⁴. Отголосок такой информации имеется и у Ливия, когда он, говоря о консульярных трибунах 426 г., называет Тита Квинкция Пунийца бывшим консулом, а его коллегу по трибунату (и консулату 428 г. до н. э.) таковым не называет, хотя должен был бы использовать ту же формулу. Создается впечатление, что Квинций, в отличие от Корнелия, занимал высшую магистратуру непосредственно перед консульярным трибунатом 426 г. до н. э. Следовательно, консулы (не суффекты), для которых невозможно выделить отдельного административного года, фигурируют у античных авторов на хронологическом отрезке 428–426 гг. до н. э. Подобные случаи чаще всего объясняются в историографии позднейшими вставками²⁸⁵, но Э. Боддингтон усмотрела в данной ситуации добавленных к консулам военных трибунов с консульской властью (она не согласилась также с редакторами оксфордского издания текста Ливия, поместивших консулов Папирия и Сервилия под 428 г. до н. э., а Косса и Квинкция под 427 г. до н. э.)²⁸⁶ Аналогичный случай она нашла и в эпиграфике, поскольку, по данным триумфальных фаст, для 437 г. до н. э. прослеживается «третий консул», который, на ее взгляд не может быть суффектом²⁸⁷ Скрываются ли за этими «выпадающими из ряда» консулами фактически консульярные трибуны, с абсолютной уверенностью сказать трудно, но нам представляется, что догадка Э. Боддингтон не лишена оснований. Вполне возможно, что Ливий,

²⁸¹ *Secuti eos consules A. Cornelius Cossus T. Quinctius Poenus iterum.*

²⁸² *Irae aduersus Veientes in insequentem annum, C. Seruilius Ahalam L. Papirius Mugillanus consules, dilatae sunt.*

²⁸³ Ἐπ' ἀρχοντος δ' Ἀθήνησιν Ἀριστίωνος Ῥωμαῖοι κατέστησαν ὑπάτους Τίτον Κοῖντιον καὶ Ἀῶλον Κορνῆλιον Κόσσον.

²⁸⁴ Ἐπ' ἀρχοντος δ' Ἀθήνησιν Ἀστυφίλου Ῥωμαῖοι κατέστησαν ὑπάτους Λεύκιον Κοῖντιον καὶ Ἀῶλον Σεμπρόνιον.

²⁸⁵ Drummond A. *Consular Tribunes...* P. 70.

²⁸⁶ Boddington A. *Op. cit.* P. 360.

²⁸⁷ *Ibid.* P. 360.

определив для себя годы 428-427 как консульские и обнаружив в источниках соответствующую пару, не нашел места для других высших магистратов, которые явно не были ни консулами-суффектами, ни диктаторами (даже располагая какой-то информацией о них или ее следами). Мы только не можем согласиться с Э. Боддингтон, что военные трибуны были дополнительными коллегами консулов. Если бы они являлись таковыми, то уж точно не были бы для 428-427 гг. до н. э. зафиксированы у античных авторов отдельной парой.

Итак, мы склонны считать, что источники позволяют нам иногда увидеть в трибунские годы консулов, а в консульские, – если не самих военных трибунов с консульской властью, то хотя бы намеки на них. Добавим к сказанному наблюдения не близких нам в концептуальных установках исследователей, отрицавших реальность плебейского участия в консульском военном трибунате. Они, в частности, находили, что в 422 г. до н. э. первоначально у власти была консульская коллегия²⁸⁸. Считая появление в этом году в качестве военного трибуна с консульской властью плебея Квинта Антония Меренды результатом интерполяции, сторонники этой гипотезы, в общем, допускали возможность преобразования консулата в консульский трибунал, но только чисто патрицианский по составу. Не соглашаясь с их точкой зрения по поводу интерполяции плебейских имен, мы тем не менее можем усмотреть в их трактовке событий 422 г. до н. э. то рациональное зерно, которое сводится к утверждению о «плавном» переходе от консульской магистратуры к консульскому трибунату. На наш взгляд, он мог быть осуществлен после принятия соответствующего сенатского постановления и проведения необходимой избирательной процедуры, когда два консула этого года были переизбраны на должности консульских трибунов, и к ним «доизбран» плебей Антоний.

Конечно, на поверхности лежит возражение всем нашим рассуждениям о том, что в годы консульского трибуната проглядывают фигуры и имена консулов: эти случаи не так многочисленны, тогда как военные трибуны с консульской властью зафиксированы для пятидесяти одного года. Достаточно ли их, чтобы на такой основе делать вывод о том, что магистратура консульских военных трибунов вызывалась к политической жизни как чрезвычайная? Кроме сказанного нами, что констатация этих случаев имела место в первоисточниках наших латинских и греческих информаторов, сведения о них попали в их труды вопреки отстаиваемой авторами логической схеме использования в раннереспубликанский период высших магистратур, и, тем самым, они, в нашем представлении, являются аргументами в пользу экстраординарности консульского трибуната, подчеркнем, что для нас и факты нахождения коллегии консульских трибунов у власти в течение целого года не доказывают ее ординарный характер.

²⁸⁸ Pinsent J. Op. cit. P. 29.

На наш взгляд, сам по себе годичный срок не есть признак только ординарной магистратуры (как, по нашему мнению, не является таковым и коллегияльность: например, децемвират ранней Республики, и триумvirаты Республики поздней, — чрезвычайные и коллегияльные органы власти). Конечно, общепризнанные в историографии в качестве чрезвычайных должностные лица, диктаторы и интеррекссы, находились у власти далеко не в течение года. Но в этом заключался особый резон, — это были единоличные магистратуры. Твердое ограничение срока диктатуры шестью месяцами, а власти интеррекса — пятью днями, обуславливалось необходимостью защиты общины от возможных амбиций обладателей огромных полномочий, от установления тиранического режима. Консулярный же трибунал был должностью коллегияльной, что позволяло не определять для нее узких временных рамок, расширив их до максимально возможного по римским государственно-правовым нормам срока. То, что римляне не так опасались узурпации власти чрезвычайной коллегияльной магистратурой свидетельствует пример децемвирата. Децемвиры также были наделены годичными полномочиями, поскольку были многочисленной коллегией, и их попытка править тиранически в конечном счете завершилась неудачно. Поэтому, вводя консулярный трибунал в конституционное устройство, римляне могли, имея свежий пример успешной борьбы со стремлением узурпировать власть коллегияльными чрезвычайными магистратами, опять пойти на определение годичного срока полномочий.

Административный год в Римской Республике, — это в обычной ситуации продолжительность консульских полномочий, равная календарному году. Ливий нам сообщает, что в конце V в. до н. э. магистраты торжественно вступали в должность в декабрьские иды (Liv. V. 9. 3). Судя по наблюдениям исследователей, в первой половине IV в. до н. э. начало административного года приходилось на квинтильские календы, так как большая часть триумфов магистратов этого времени (триумфальные шествия проводились в конце срока полномочий) относится к маю и июню²⁸⁹. Однако, если консулы досрочно прекращали исполнение должностных обязанностей по причине гибели или отставки, сразу начинался отсчет следующего административного года, поэтому можно говорить, что дата его начала была плавающей. Если даже происходила затяжка интеррегнума, неминуемо в такой ситуации наступавшего, время нахождения у власти избранных по его окончании магистратов отсчитывалось от дня отставки предыдущих, и они в таком случае фактически меньше года отправляли магистратские обязанности. Весьма любопытно поэтому проанализировать соотношение интеррегнумов и консулярных трибуналов.

²⁸⁹ См. подробнее: Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие... С. 110-112.

На период существования в римской государственной практике должности *tribuni militum consulari potestate* приходится 10 междуцарствий: восемь из них фиксируются совершенно определенно, – 444, 420, 413, 396, 391, 389, 387 и 370 гг. до н. э., а еще два с некоторой степенью вероятности, – 401 и 393 гг. до н. э. Главным нашим источником сведений о них является труд Тита Ливия, о первом из перечисленных междуцарствий мы знаем также по сообщению Дионисия Галикарнасского (*Dionys. XI. 62. 1-2*). Годы 444, 420, 401, 396, 391, 389, 387 и 370 гг. до н. э., – отмечены и функционированием консульского трибуната. Интеррегнумам 413 и 393 гг. до н. э. военный трибунал по времени предшествовал (*Liv. IV. 49. 7; IV. 50. 8; IV. 51. 1; V. 26. 1*). Таким образом, все известные, точно установленные и гипотетические, за данный период междуцарствия так или иначе соприкасаются с консульским трибуналом. Остается выяснить, была ли в каждом случае их непосредственная связь. Для 444 г. до н. э., как мы уже отмечали, Ливий рисует последовательность от консульских трибунов через интеррегнум к консулам (*Liv. IV. 7. 1-10*), но могло быть, судя по его же изложению, и наоборот. 420 г. до н. э. (после окончания консулата 421 г.) – интеррегнум из-за непроведенных вовремя выборов и избрание консульских трибунов под председательством междуцаря (*Liv. IV. 43. 1-44. 1*). Консульский военный трибунал 414 г. до н. э. закончился междуцарствием также по причине затягивания выборов в ходе сословных конфликтов (*Liv. IV. 50. 7-8*). В 402 г. до н. э. из-за поражения консульских трибунов было решено досрочно избрать новых (*Liv. V. 9. 1-10. 1*), что, вероятнее всего, было сделано через интеррегнум, датируемый 401 г. до н. э. (в историографии принято датировать междуцарствия годом, на который приходится основная часть срока избранных в его ходе должностных лиц). В 397 г. до н. э. опять мы видим досрочную отставку военных трибунов этого года, на сей раз по сакральным мотивам, и избрание при посредстве интеррекса коллегии трибунов 396 г. до н. э. (*Liv. V. 17. 1-18. 1*). Консульские трибуны 394 г. до н. э. сменяются (судя по консульским фактам – *Inscr. It. XIII. 1. 100*) двумя парами консулов – Луцием Валерием Потитом и Корнелием Малугинским, Луцием Лукрецием Триципитином и Сервием Сульпицием Камерином, – у Ливия из которых названа только вторая (*Liv. V. 29. 1-2*). Считая, что эти консульские пары приходили к власти поочередно, мы должны признать для 393 г. до н. э. интеррегнум, следуя же догадке Э. Боддингтона о «лишних консулах» как «замаскированных» консульских трибунах, мы можем усмотреть в этой четверке таковых. Правда, последнее все же в данном случае маловероятно, так как Ливий акцентирует внимание на сенатском постановлении об избрании консулов. Остается признать, что этот проблематичный интеррегнум не связан непосредственным образом с консульским трибуналом. Следующий интеррегнум возник из такой ситуации: тяжело заболевшие консулы 392 г. до н. э. по указанию сената сложили полномочия, и через интеррегнум к власти пришла коллегия консульских трибунов 391 г. до н. э. (*Liv. IV. 31. 7-9*). Сложный для римлян

390 г. до н. э., начавшись военным трибунатом (Liv. V. 36. 12), отмеченный затем диктатурой Камилла (Liv. V. 46. 11), завершился интеррегнумом, поскольку возобновившим власть после сложения диктаторских полномочий консулярным трибунам не доверили руководить выборами (Liv. VI. 5-8). Закончилось это междуцарствие (389 г. до н. э.) также избранием военных трибунов с консульской властью. После прекращения исполнения должностных обязанностей консулярных трибунов 388 г. до н. э. опять прибегли к интеррегнуму (официально из-за необходимости возобновления ауспий после поражения), в ходе которого тоже были осуществлены выборы коллегии военных трибунов (Liv. VI. 5. 6-7). Наконец, последний из отмеченного ряда год с междуцарствием, 370 г. до н. э., наступил, согласно Ливию, после пятилетнего отсутствия высших магистратов. Естественно, что выборы новых проводились интеррексом, под руководством которого была сформирована коллегия военных трибунов с консульской властью (Liv. VI. 35. 10-36. 3).

Таким образом, из десяти интеррегнумов, по времени относящихся к периоду существования консулярного трибуната, семь, а (если учесть нашу версию последовательности событий 444 г. до н. э.) то и восемь, непосредственно предшествовали приходу к власти консулярных трибунов, избрание которых проводилось под руководством интеррекса. При этом каждый раз Тит Ливий особо мотивирует интеррегнум прерыванием преемственности власти. То, что интеррегнум вводился по чрезвычайным обстоятельствам (или иногда под их видом в ходе политических батальи, которые мы тоже можем расценить как сложную ситуацию) сомнений у нас нет. Следовательно, эти семь – восемь случаев свидетельствуют о том, что консулярным трибунам передавали власть в явно критических обстоятельствах. В период синхронного существования в римской конституции консулярного трибуната и интеррегнума в подавляющем большинстве случаев междуцарствия предпочитали избрать военных трибунов с консульской властью, и только в двух или трех – консулов. И это при том, что в период интеррегнума, являвшегося временем патрицианской монополии на власть, ничто не мешало *patres-senatores* провести выборы консулов. Данные факты, на наш взгляд, говорят о том, что римляне рассматривали консулярный трибунал как властный орган, более подходящий для чрезвычайных обстоятельств, чем консулат.

Сказанное нами о связи интеррегнумов и консулярных трибунатов не противоречит ранее сделанному утверждению о том, что внутри административного года переход от консулата к консулярному трибунату в нормальной ситуации должен был осуществляться без междуцарствия (как это и имело место в 434 г. до н. э.), точно также, как переход от консулата к диктатуре. Случаи же интеррегнума 444-370 гг. до н. э. в описании Ливия все обусловлены нарушением преемственности полномочий магистратов, возник-

шей объективным образом или при помощи сената (принуждение к отставке, мотив обновления ауспиций). Обратим внимание также на то, что в шести случаях междуцарствию определенно предшествовала деятельность коллегии консульских трибунов (414, 402, 397, 394, 390, 388 гг. до н. э.). Возникает соблазн трактовать наступления интеррегнума в этих ситуациях как нежелание сенаторов-патрициев доверить руководство выборами следующей коллегии высших магистратов одному из консульских трибунов (учитывая, что обычно консульские трибуны приходили к власти под давлением плебеев, вопреки желанию сената видеть на их месте консулов). В историографии даже присутствует трактовка, что сенат стремился избежать руководства выборами именно плебейским консульским трибуном²⁹⁰; в частности, В. Н. Токмаков, ссылаясь на описание Ливием событий 397 г. до н. э. (Liv. V. 17. 3-4), отмечает, что сенат насильно вводил интеррегнумы, чтобы лишить плебейских трибунов с консульской властью возможности провести выборы²⁹¹. Но и коллегия 397 г. до н. э., и другие из перечисленных, кроме, может быть, коллегии 388 г. до н. э.²⁹², не имели в своем составе ни одного плебея, и тем самым, плебей не мог потенциально выступать в роли председателя избирательных комиций, – это заставляет усомниться в наличии у сенаторов таких мотивов. Более показательное другое, – в не менее чем четырех случаях из этих шести (вероятнее даже в пяти – 402, 397, 394, 390 и 388 гг. до н. э.) коллегия консульских трибунов уходила в отставку досрочно. Поэтому закономерно считать, что речь шла не об избирательной кампании в нормальные сроки и обычном руководстве ей, а о возобновлении исполнительной власти чрезвычайным путем. И, если консулы могли «плавным образом», без интеррегнума, провести передачу власти консульским трибунам, как ординарные магистраты экстраординарным в течение административного года, то одна коллегия военных трибунов с консульской властью не могла передать ее другой до его завершения таким же способом. Только слагая свои полномочия по окончании административного года, консульские трибуны имели право осуществлять руководство выборами новых магистратов, точно также как диктатор, уходя в отставку, проводил консульские выборы, только если наступали сроки избирательной кампании. Таким образом, в нашем понимании, в пределах одного административного года передача власти от одних консульских трибунов другим непосредственным образом, без междуцарствия, была невозможна, как была невозможна таковая от одного диктатора к другому.

То, что военные трибуны с консульской властью избирались именно в годы, отмеченные чрезвычайными обстоятельствами, подтверждает и хро-

²⁹⁰ Rilinger R. Der Einfluß des Wahlleiters bei den römischen Consulwahlen von 366 bis 50 v. Chr. München, 1976. (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte. Bd. 24.)

²⁹¹ Токмаков В. Н. Римский сенат... С. 43.

²⁹² См. второй параграф главы III.

нологическое сопоставление с ними использования другой экстраординарной магистратуры, — диктатуры. За период 444-367 гг. до н. э. римляне прибегали к диктатуре 16 раз: в 439, 437, 435, 434, 431, 426, 418, 408, 396, 390, 389, 385, 380, 368 (две диктатуры) и 367 гг. до н. э. Четыре из названных года (439, 437, 435 и 431) — обычно понимаются как консульские, а прочие — как трибунские. Два года из перечня трибунских лет с диктатурами (396 и 389) совпадают с годами, на которые приходился также интеррегнум, а остальные — дополняют картину беспокойных лет, которая вырисовывается при установлении связи консульных трибунов и междуцарствий. Рассмотрим по порядку случаи последовательного применения консульских трибунов и диктатур как в одном и том же году, так и в смежных. В консульский 439 г. до н. э., по сообщению Ливия, в связи с делом Спурия Мелия был назначен диктатор Луций Квинций Цинциннат (Liv. IV. 13 — 16). После его диктатуры были избраны военные трибуны с консульской властью (под председательством в комициях то ли диктатора, то ли возобновивших свои полномочия после его отставки консулов, — не ясно), что было следствием агитации плебейских трибунов на волне убийства Мелия. То есть, консульный трибунал 438 г. до н. э. непосредственно примыкает к диктатуре предшествующего года и связан с ней общей цепочкой чрезвычайных событий. Диктатура Авла Сервилия Приска опять-таки консульского 435 г. до н. э. тоже предшествовала консульному трибунату 434 г. до н. э. (Liv. IV. 21. 6-9; 23. 1-3), в котором, как мы отмечали выше, зафиксирован и консулат. Таким образом, к двум диктатурам консульских лет консульные трибуналы следующих лет явно примыкают. Два других консульских года с диктатурами из перечисленных четырех (437 и 431) прямого отношения к избранному консульным трибунам не имеют, хотя после диктатуры 431 г. до н. э. Авла Постумия Туберта, по рассказу Ливия (Liv. IV. 30. 1) плебейские трибуны побуждали выбрать военных трибунов с консульской властью, но успеха не имели.

Собственно годы с консульным военным трибуном и диктатурой (таковых одиннадцать при приходящихся на них двенадцати диктатурах), безусловно, демонстрируют мостик прямой связи из чрезвычайных событий между этими магистратурами. Диктатор 434 г. до н. э. Мамерк Эмилий имел полномочия в промежутке от консульного трибунала этого года до консульного трибунала следующего, 433 г. до н. э. (что не исключает, как мы видели, наличия в 434 г. консульской пары) для осуществления военных задач (Liv. IV. 23. 4-6). Общность военных потребностей объединяет назначение консульских трибунов и диктатора в 426 г. до н. э. (Liv. IV. 31. 1-2), 418 г. до н. э. (Liv. IV. 46. 1-10), 408 г. до н. э. (Liv. IV. 56. 2; 57. 6), 396 г. до н. э. (Liv. V. 18. 1; 19. 2.), 390 г. до н. э. (Liv. V. 36. 11-12; 46. 10-11.), 389 г. до н. э. (Liv. VI. 1. 8; 2. 5). В 385 г. до н. э. главным было чрезвычайное внутреннее положение (хотя внешнеполитическое тоже было очень сложным), — неординарная власть требовалась, в первую очередь, для нейтрализации

движения Марка Манлия Капитолийского, что вызвало к жизни поочередно консульский трибунал и диктатуру Авла Корнелия Косса (Liv. VI. 11. 1-2, 10). Обострением долгового вопроса и вплотную придвинувшейся к стенам Рима войной с пренестинцами характеризуется политическая обстановка в период консульского трибунала и диктатуры Тита Квинкция Цинцинната в 380 г. до н. э. (Liv. VI. 27. 1-28. 3). Наконец, напряженная борьба вокруг законов Лициния - Секстия в течение двух последних лет существования в конституции и применения на практике консульского трибунала заставила прибегнуть не только к нему, но и к двум диктатурам 368 г. до н. э. (Марка Фурия Камилла и Публия Манлия – Liv. VI. 38. 2 – 39. 3) и одной 367 г. до н. э. (снова Марка Фурия Камилла – Liv. VI. 42. 4). Оба этих года отмечены также осадой Велитр. Таким образом, на хронологическом отрезке политической жизни консульского трибунала имелись тринадцать лет, в которых четырнадцать раз римляне обращались к диктатуре, непосредственно с ним связанной единими кризисными обстоятельствами, одними и теми же потребностями в использовании чрезвычайной власти. Одиннадцать лет показывают смену консульских трибунов диктатором, что, кроме всего прочего, означает, что до конца административного года они свои функции высшей власти не исполняли.

Итак, мы видели, что в заметном ряде случаев (не менее пятнадцати, если суммировать точно известные досрочные отставки в годы с последующими интеррегнумами и диктатурами) консульские трибуны слагали свои полномочия до завершения их годового срока. Вернемся теперь к вопросу о начале их административного года. Поскольку 7-8 коллегий военных трибунов с консульской властью приступали к исполнению обязанностей после интеррегнума, то это уже означает, что некоторая часть их общего числа неизбежно вступала в должность не в декабрьские иды или квинтильские календы, а в другие дни. Ливий сообщает, что в 401 г. до н. э. консульские трибуны начали отправлять должность в октябрьские календы (Liv. V. 9. 8). Однако, в 391 г. до н. э. – в квинтильские календы (Liv. V. 32. 1), возможно, что заболевшие консулы предыдущего года получили указания сената сложить полномочия уже в конце их срока. (К тому же, мы не можем быть абсолютно уверены в дне квинтильских календ как открывающем обычный административный год в начале IV в до н. э., – античные авторы о нем прямо не писали, а исследователи опираются на этот случай 391 г. до н. э. и на сведения о триумфах.) Так или иначе, интеррегнум часто (если он наступал не после исчерпания ординарными магистратами положенного срока) означал смещение начала административного года по календарю, и понятие «трибунский год» (вероятно, еще в большей степени, чем «консульский») не есть постоянная по начальной и конечной точкам отсчета, а также фактической продолжительности величина. То, что порядка двух десятков раз фактическая продолжительность полномочий военных трибунов с консульской вла-

стью была меньше административного года²⁹³, позволяет нам делать этот вывод вполне уверенно.

Таким образом, мы рассматриваем магистратуру *tribuni militum consulari potestate* как чрезвычайную, поскольку не всегда к ней прибегали в начале административного года, и есть примеры поочередного осуществления властных функций на его протяжении консулами и консулярными трибунами. Прослеживаемая тесная связь почти всех интеррегнумов и диктатур, имевших место в период существования консулярного трибуната, непосредственно с этой магистратурой, также позволяет говорить, что римляне активно ее использовали именно в кризисных случаях. Не менее двадцати лет из пятидесяти одного года применения в политической практике должности *tribuni militum consulari potestate* она либо предшествовала диктатуре или междуцарствию, либо следовала за ними, то есть функционировала в явно неординарной обстановке. Все оставшиеся годы, в которых прибегали к консулярному трибунату, также не были спокойными, ибо в них Рим имел, как минимум, внешнеполитические осложнения, но полный анализ обстоятельств и целей применения консулярного трибуната требует отдельного рассмотрения, которое предпринято нами в третьем параграфе главы III. Максимальная продолжительность полномочий консульских трибунов была годичной, хотя на практике нередко полностью весь срок они не исполняли обязанностей высших магистратов, но даже при полном его исчерпании годичность не является неременным свидетельством ординарности. Конечно, годичность, как и коллегиальность, сближают консулярный военный трибунал с обычными римскими структурами исполнительной власти, позволяя определять его как некоторый «промежуточный» по форме орган. Однако по характеру мы склонны считать его относящимся к системе чрезвычайной власти ранней Римской Республики.

Опору взгляду на консулярный военный трибунал как на чрезвычайную магистратуру мы находим и непосредственно в определениях античной традиции. Авл Геллий прямо включает консулярных военных трибунов в число должностных лиц, наделенных экстраординарной властью *deinde extraordinario iure tribunos quoque militares, qui pro consulibus fuissent*. Это весомый аргумент, ибо в этом утверждении подчеркивается, что вместо консулов военные трибуны действовали именно в качестве чрезвычайных маги-

²⁹³ Приблизительно двадцать таких случаев нахождения у власти консулярных трибунов неполный административный год мы получаем, складывая, по минимуму, пятнадцать их досрочных отставок и семь случаев вступления в должность после интеррегнума (который на время своей продолжительности сокращал нахождение у власти избранных в его ходе магистратов), но вычитая два, так как дважды имела место последовательность: интеррегнум, консулярный трибунал, диктатура, поскольку при этом укорачивался один и тот же административный год, хотя и с двух сторон. Если же мы добавим 2-3 года, не дублирующие уже учтенные, для которых кроме консулярных трибунов мы усматриваем консульские пары, то общее число полностью не исчерпанных трибунами сроков административного года превысит число 20.

стратов. Действительно, не менее двадцати шести лет, отмеченных функционированием консулата (двадцать два общепризнанных и четыре обосновываемых нами в начале параграфа) на том хронологическом отрезке, на котором применялся также консулярный военный трибунал (444- 367 гг. до н. э.) красноречиво свидетельствуют, что консульская магистратура не была отвергнута в конституционном устройстве *civitas*. Более того, два года – 393 и 392 гг. до н. э., – которые как бы прерывают постоянное использование консулярного трибунала с 408 по 367 гг. до н. э., не кажутся нам аномалией, и мы не считаем возможным определять их в качестве ошибки традиции. В нашем представлении, эти консульские годы только подтверждают, что консулярный военный трибунал никогда не превратился в ординарную магистратуру, хотя на втором этапе своей политической жизни применялся очень часто. Чередование консулярного трибунала и консулата, по мнению Эндре Ференци, содержит в себе признаки конституционного кризиса²⁹⁴. Действительно, следовало бы усмотреть не только признаки, но глубокий и затянувшийся кризис римской политической системы, если считать что две ординарные магистратуры в течение 78 лет (!) конкурировали одна с другой, претендуя на роль постоянного высшего органа исполнительной власти, а римляне никак не могли решить, какая из них предпочтительней. Получается, если развивать дальше такие рассуждения, что затем, когда они стали использовать практически только консулярный трибунал, видимо, все же отдав ему предпочтение, вдруг реанимировали в 367 г. до н. э. консульскую магистратуру. Нам кажется, что находиться в почти восьмидесятилетнем кризисе государственное устройство *civitas* не могло, ибо в таком случае жизнеспособность общины была бы проблематична. Могли быть трудности процесса формирования основных звеньев политической власти, отставание от возраставших потребностей тех или иных структур, но столь продолжительный кризисный этап невозможно представить. Его и не нужно представлять, если рассматривать консулярный трибунал не как ординарную, соперничавшую с консулатом в таковой роли магистратуру, а в качестве чрезвычайной, по поводу применения которой шла борьба, но она сводилась к тому, обычную или экстраординарную должность в каждом конкретном случае использовать.

²⁹⁴ Ferenczy E. From the Patrician State... P. 36.

2.3. Объем полномочий консульных военных трибунов

Изучение сферы компетенции магистратов и характера их должностных полномочий является необходимой составной частью исторической реконструкции республиканской политической системы. К наиболее сложным и дискуссионным следует отнести вопросы об осуществлении исполнительной власти в V – первой половине IV вв. до н. э., так как именно на этом хронологическом отрезке происходило формирование ее структур. В период ранней Республики шел процесс выработки оптимальных способов управления гражданским коллективом со стороны лиц, которые были призваны быть его политическими руководителями и военными вождями. Поиск путей поддержания жизнеспособности *civitas* и ее государственного укрепления включал в себя, как создание новых органов власти, так и оформление методов ее реализации. Причем, найденные способы осуществления полномочий верховного управления могли иметь гораздо более долгую конституционную жизнь, чем отдельные структуры, намного ранее их возникнув и явно позднее исчерпав себя. К числу римских магистратур, чье политическое существование было сравнительно непродолжительным, но закрепившим ряд важных, как уже известных, так и впервые появившихся принципов функционирования исполнительной власти (и одновременно скорректировавшим их использование) относится и консульный военный трибунал. Анализ полномочий консульных трибунов, выяснение объема сосредоточенной в их руках реальной власти позволяет точнее определить роль их магистратуры, ее характер и глубже понять содержание данного этапа складывания основных звеньев политической системы римской общины.

Указания на компетенцию изучаемых магистратов содержат названия их должности, приводимые античными авторами. В качестве полного титула, как мы отмечали, Ливий использует выражение *tribuni militum consulari potestate* (Liv. IV. 6. 8²⁹⁵ и др.). Эту же формулу применяет Помпоний в Дигестах (Dig. I. 2. 2. 25)²⁹⁶ Именно определение *consulari potestate* сохраняет для характеристики их полномочий Евтропий в своем Бревиарии (Eutr. II. 1.

²⁹⁵ ...per haec consilia eo deducta est res, ut tribunos militum consulari potestate promiscue ex patribus ac plebe creari sinerent, de consulibus creandis nihil mutarentur. (...во время этих совещаний дело дошло до того, что допустили избрание военных трибунов с консульской властью из патрициев и плебеев, в избрании консулов ничего изменено не было.)

²⁹⁶ ...plebs contenderet cum patribus et vellet ex suo quoque corpore consules creare et patres recusarent: factum est, ut tribuni militum crearentur partim ex plebe, partim ex patribus consulari potestate. (...плебс боролся с патрициями и хотел избирать консулов из своего сословия, а патриции не соглашались, и было допущено, чтобы избирались военные трибуны с консульской властью, частью из плебеев, частью из патрициев.)

3)²⁹⁷ Тит Ливий обозначает их также *tribuni consulari potestate* – трибуны с консульской властью, *tribuni consulares* – консульские трибуны (Liv. VI. 1. 1; VIII. 33. 16). Корнелий Тацит в «Анналах» (Tac. Ann. I. 1) также отмечает консульскую власть военных трибунов²⁹⁸. Имеются указания на консульскую власть военных трибунов и у греческих авторов²⁹⁹. Так, Дионисий (Dionys. XI. 60)³⁰⁰ прямо пишет ὑπατική ἐξουσία, а Диодор употребляет, наряду с использованием этого же выражения (Diod. XIV. 113), еще и словосочетание с тем же смыслом – ὑπατικὴ ἀρχή (Diod. XIX. 12. 1)³⁰¹. Плутарх в биографии Камилла (Plut. Cam. I) подчеркивает, что во всем их власть и могущество были консульскими³⁰².

Кроме того, античные писатели позволяют составить представление, что консульский трибунат вводился в статусе высшей магистратуры, заменяя консулат. У Тита Ливия (Liv. IV. 7. 1; IV. 41. 10) содержатся выражения *tribuni militum pro consulibus* – военные трибуны в качестве (или вместо, или наподобие) консулов. Подобный вариант имеется и у Авла Геллия: *tribunos militares qui pro consulibus fuissent* (Gell. XIV. 7. 5). Греческие авторы также обычно отмечают избрание консульских трибунов «вместо» или «наподобие» консулов: ἀντὶ τῶν ὑπάτων (Dionys. XI. 60; Diod. XII. 32. 1, 38. 1, 53. 1, 58. 1, 60. 1, 80. 1 и др.; Dio. Cass. XL. 45; Zonar. VII. 19). Ливий употребляет и словосочетание *proconsularis imago* (Liv. V. 2. 9), то есть подобие, образ, тень консулов. *Proconsularis* (проконсульский) в этом случае у него означает опять-таки «наподобие консульского». Тот же смысл встречается у Дионисия Галикарнасского в выражении ἀνθυλατος ἀρχή (Dionys. XI. 62).

В ряде случаев источники, фиксируя название интересующей нас должности, сообщают (что принципиально) об обладании консульскими воен-

²⁹⁷ ...dignitates mutatae sunt, et pro duobus consulibus facti tribuni militares consulari potestate. (...почетные должности были изменены, и вместо двух консулов созданы были военные трибуны с консульской властью.)

²⁹⁸ ...neque tribunorum militum consulare ius diu valuit. (...и не слишком долго имели силу консульская власть военных трибунов.)

²⁹⁹ Хотя на греческом языке отмечался, чаще всего, только военный статус *tribuni militum* как командующих тысячами воинов, без учета их политической роли. См. параграф I главы III.

³⁰⁰ ...ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλίαρχους ἀποδειχθῆναι, τρεῖς μὲν ἐκ τῶν πατρικίων, τρεῖς δ' ἐκ τῶν δημοτικῶν, ἐξουσίαν ἔχοντας ὑπατικὴν... (...вместо консулов выбирать военных трибунов, троих из патрициев, троих из плебеев, имеющих власть консулов...)

³⁰¹ ...ἐν Ῥώμῃ δὲ τὴν ὑπατικὴν ἀρχὴν διεδέξαντο χιλίαρχοι τέσσαρες... (...в Риме консульскую власть разделили четверо избранных военных трибунов...)

³⁰² ἐκ διαφορᾶς τοῦ δήμου πρὸς τὴν σύγκλητον ὑπάτους μὲν ἐρίσαντος μὴ ἀποδείκνυσθαι, χιλίαρχους δὲ χειροτονοῦντος ἐπὶ τὴν ἡγεμονίαν, ὧν καίπερ ἀπ' ἐξουσίας καὶ δυνάμεως ὑπατικῆς ἅπαντα πραττόντων ἦσαν ἢν ἐπαχθῆς ἡ ἀρχὴ διὰ τὸ πλῆθος. (...в споре народа с сенатом, спорящий народ, чтобы не избирать консулов, утверждал голосованием военных трибунов на высшее руководство; хотя власть и могущество во всем они имели консульские, менее тягостной была эта власть вследствие их многочисленности.)

ными трибунами империем. При этом латинские авторы непосредственно употребляют понятие *tribuni militum consulari imperio* – военные трибуны с консульским империем. Наличие у консульных трибунов империя отмечено Титом Ливием (*Liv. IV. 7. 2*)³⁰³, указания на него содержатся также в речи императора Клавдия в сенате (*I. L. S. 212*)³⁰⁴ и у Авла Геллия (*Gell. XVII. 21. 19*)³⁰⁵

Таким образом, античная традиция доносит до нас представление о том, что консульные военные трибуны имели и консульскую *potestas*, и консульский *imperium*. Два этих важнейших понятия, которыми обозначалась магистратская компетенция, отражают специфику римской исполнительной власти, определяют должностных лиц как носителей делегированного государственного суверенитета. При этом, как отмечал еще В. В. Ефимов, «*potestas* есть полномочия действовать от имени народа, а *imperium* есть начальствующая власть над *cives*, над самими гражданами»³⁰⁶ Подвергнув эти категории детальному изучению, Й. Бляйкен сделал вывод, что *potestas* – это абстрактное понятие для власти должностных лиц, для обозначения системы должностных отношений³⁰⁷ Имелась *potestas par* (идентичная римской коллегияльности), *potestas maior* и *minor* (соответствовавшие должностной иерархии) и *potestas* определенных магистратов. Й. Бляйкен подчеркивал также, что *potestas* в государственной компетенции отражала, прежде всего, способность магистратов принимать имеющие законную силу акты, и в этом значении употреблялась как в абстрактном смысле, так и для обозначения конкретного действия³⁰⁸ Александр Демандт замечал, что «понятие *potestas* включало в себя также необходимые средства, в которых должностное лицо нуждалось для проведения своих решений»³⁰⁹

Империй как право приказа, как высшая военная и гражданская власть, как право распорядиться жизнью сограждан тоже неоднократно исследовал-

³⁰³ et imperio et insignibus consularibus usos. (...с наделением и империем, и insigniis консулов.)

³⁰⁴ ...quid commemorem in pluris distributum consulare imperium tribunosque militum consulari imperio appellatos, qui seni et saepe octoni crearentur? (...напоминать ли о консульском империи, разделенном между многими, и о провозглашенных военных трибунах с консульским империем, избравшихся в количестве шесть, а часто и во семь?)

³⁰⁵ ...tribunis militum consulari imperio rem publicam Romae regentibus... (...когда Римской республикой управляли военные трибуны с консульским империем ...)

³⁰⁶ Ефимов В. В. Лекции по истории римского права. СПб., 1898. С. 165.

³⁰⁷ Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. *Auspicium – potestas – imperium*. Göttingen, 1981. S. 266, 295.

³⁰⁸ Bleicken J. Zum Begriff... S. 278.

³⁰⁹ Demandt A. *Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt*. Berlin, 1995. S. 402.

ся в специальной литературе³¹⁰ Принципиально важные наблюдения были сделаны И. Л. Маяк при анализе употребления этого термина Авлом Геллием, – он фигурирует в его сочинении в качестве полисемантического, обозначающего высшую военную власть, полноту власти правителей и совокупность территорий под властью Рима³¹¹ При этом ею были сформулированы выводы об эволюции содержания термина *imperium* от первого из перечисленных значений до последнего и о публично-правовой его принадлежности³¹². Мы также обращались к анализу данного понятия применительно к экстраординарным магистратам³¹³ Сейчас отметим лишь, что, на наш взгляд, империй распространялся на все сферы общественной жизни, был неотделим от права публичных ауспиций и являлся производным от государственного верховенства *patres*. Мы отказываемся понимать империй только как военную власть в противоположность гражданско-административной, его деление на сферы *domi* и *militiae* как внутреннее и внешнее по отношению к померию, а роль империя в республиканском устройстве самодовлеющей и преобладающей.

Итак, если исходить из обозначения должности античными авторами, следует признать консульских военных трибунов магистратами *cum imperio*, к тому же империй уподобляется в их титуле консульскому. Однако на вопросы о том, являлись ли консульские военные трибуны носителями империя, и можно ли вообще применять к их власти определение «консульская», давались в историографии диаметрально противоположные ответы.

Мы уже подробно останавливались на том, что ряд исследователей считают уточнение *consulari potestate* в названии должности неисторическим, то есть, не существовавшим в реальной государственной практике ранней Республики (см. первый параграф главы I). Они исходят из отсутствия консульской должности ко времени возникновения консульского трибуната. Опира-

³¹⁰ См., например: Heuß A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar*, 1944. B. 64. S. 57-133; Vogel K.-H. Imperium und Fasces // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Weimar*, 1950. R. A. Bd. 67. S. 62-111; Ehrenberg V. Imperium Maius in the Roman Republic // *American Journal of Philology*. 1953. Vol. LXXIV. 2. P. 113-136; Staveley E. S. The Constiyution of the Roman Republic // *Historia*. 1956. Bd. V. P. 74-122; Giovannini A. Consulare imperium // *Schweizerische Beiträge zur Altertumwissenschaft. Basel*, 1983. Heft 16. P. 1-30; Linke B. Von der Verwandtschaft zum Staat. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte. Stuttgart, 1995. S. 144-149; Маяк И. Л. Понятие власти... С. 8-27.

³¹¹ Маяк И. Л. Понятие власти... С. 25.

³¹² Там же. С. 26.

³¹³ Дементьева В. В. Диктаторы *optima lege* и *imminuto iure* в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.) // *Политические структуры и общественная жизнь Древнего Рима. Ярославль*, 1993. С. 10-25; Она же. Магистратура диктатора... С. 30, 56-57, 69-71, 83-85, 91-92; Дементьева В. В. Трухина Н. Н. Взаимоотношения диктатора и начальника конницы в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.) // *Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2. М., Магнитогорск*, 1995. С. 107-114; Дементьева В. В. Римское республиканское междоусобице... С. 13-14, 57-64, 84-93.

ясь на свидетельства ряда античных авторов о преобразовании первоначальной претуры в консулат после сецессии плебеев 449 г. до н. э., мы признаем существование консульской магистратуры на момент возникновения консульского трибуната. Такой подход позволяет отказаться от гиперкритики античной традиции, максимально учесть ее данные и не отрицать историчность названия должности военных трибунов с консульской властью. Это, вместе с тем, не снимает вопроса о специфике их *potestas*, также как и вопроса о наличии или отсутствии у них империя.

Бартольду Нибуру, положившему начало многим проблемам изучения римской государственности в их современной постановке, сущность магистратуры консульских военных трибунов представлялась весьма затемненной³¹⁴ и, сделав важные сопоставления ее с консулатом, четких формулировок по поводу наделения этих должностных лиц империем он не дал. Только о консульской *potestas* применительно к ним писал А. Шwegлер, опуская вопрос об империи³¹⁵. Совершенно определенно в пользу наличия империя у военных трибунов с консульской властью высказался Теодор Моммзен³¹⁶. Из его современников на близких ему позициях, но не вдаваясь в детальное рассмотрение вопроса, стояли Э. Херцог и П. Виллемс³¹⁷. Некоторым своеобразием отличалась трактовка Людвига Ланге. В статье, посвященной консульским трибунам, он в принципиальном плане относил этих магистратов к числу обладавших империем (понимая при этом *imperium*, прежде всего, как военную власть)³¹⁸, но в своей обобщающей работе «Римские древности» признавал полный империй только за патрицианскими консульскими трибунами, а за плебейскими членами коллегии – лишь уменьшенный империй³¹⁹. Оригинальный подход к решению проблемы предложил автор самой первой специальной статьи о консульском трибунате Оттокар Лоренц³²⁰. Он усмотрел эволюцию должностной власти *tribuni militum consulari potestate*, полагая, что первоначально они имели не более чем военный империй, то есть, гражданская *potestas* у них поначалу отсутствовала. Новая стадия в развитии магистратуры началась, на его взгляд, в 426 г. до н. э., когда консульские трибуны стали осуществлять гражданские функции. Таким образом, по О. Лоренцу получалось, что компетенция данных магистратов, постепенно расширяясь, достигла полной консульской. Возражая против такой интерпретации их полномочий, Л. Ланге подчеркивал, что должностное лицо не

³¹⁴ Niebuhr B. Vorträge über römische Geschichte... S. 331.

³¹⁵ Schwegler A. Op. cit. S. 110.

³¹⁶ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... S. 172.

³¹⁷ Herzog E. Geschichte und System... S. 738; Виллемс П. Указ. соч. С. 300.

³¹⁸ Lange L. Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen... S. 242.

³¹⁹ Lange L. Römische Alterthümer. Bd. 1. Berlin, 1876. S. 656.

³²⁰ Lorenz O. Op. cit. S. 3-28.

могло иметь *imperium* без *potestas*³²¹, поскольку *potestas* – предпосылка империя, ей магистрат наделялся при избрании на центуриатных комициях, а империем на куриатных, после вынесения особого закона по этому поводу³²². Добавим к этому, что понимание империя как сугубо военных полномочий, свойственное и О. Лоренцу, и Л. Ланге, мы считаем устаревшим.

В историографии XX века поставленная проблема затрагивалась далеко не во всех, посвященных консулярному трибунату, специальных статьях. Обошли ее стороной, например, такие авторы как Ф. Мюнцер³²³, Дж. Пинсент³²⁴, А. Друммонд³²⁵. В общих работах исследователи предпочитали ограничиваться констатацией у военных трибунов консульской компетенции, не уточняя, что именно они имеют в виду, но, судя по всему, подразумевая *potestas*³²⁶. В российских учебниках начала XX в. по истории римского права эти должностные лица причислялись к магистратам *cum imperio*³²⁷. Некоторые антиковеды, непосредственно анализировавшие магистратуру военных трибунов с консульской властью (Ф. Эдкок, В. Кирби), не акцентировали внимание на вопросе об обладании империем, однако, вероятнее всего, как следует из общего контекста их статей, отвечали на него положительно³²⁸. Такое же впечатление складывается при чтении соответствующего раздела книги Эндре Ференци³²⁹. Неизбежно должны были признавать наличие империя у консулярных трибунов (делая это, чаще всего, косвенно) сторонники теории о военных причинах возникновения данной магистратуры³³⁰, поскольку суть их представлений сводилась к увеличению потребностей римской общины в держателях империя для военных нужд. Наконец, прямо указывали на наделение консулярных трибунов империем авторы обобщающих

³²¹ Lange L. Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen... S. 255.

³²² Lange L. Römische Alterthümer... S. 655.

³²³ Münzer F. Op. cit. S. 134-149.

³²⁴ Pinsent J. Op. cit. P. 29-61.

³²⁵ Drummond A. Consular Tribunes... P. 58-72.

³²⁶ См., например: Beloch K. J. Op. cit. S. 247; Heurgon J. The Rise of the Rome... P. 173-174; Capozza M. Roma fra monarchia e Decemvirato nell' interpretazione di Eutropio. Roma, 1973. P. 15-16.

³²⁷ Боголепов Н. Учебник истории римского права. М., 1907. С. 106; Колотинский Н. Д. История римского права. Казань, 1912. С. 72.

³²⁸ Adcock F. E. Op. cit. P. 9-14; Kirby V. Op. cit. P. 24-29.

³²⁹ Ferenczy E. From the Patrician State... P. 35.

³³⁰ Целлер М. Указ. соч. С. 195; Kornemann E. Zur altitalische Verfassungsgeschichte... S. 203; Soltau W. Zur römischen Verfassungsgeschichte... S. 524-529; Altheim F. Römische Geschichte... S. 330; Idem. Epochen der römischen Geschichte... S. 152; Cornelius F. Untersuchungen... S. 59; Hanell K. Op. cit. S. 34, 199; Dulckeit G. Op. cit. S. 28-29; Meyer Er. Römischer Staat... S. 70-71; Täubler E. Der römische Staat... S. 24.

трудов Генрих Зибер³³¹, Газтано Де Санктис³³² и Франческо Де Мартино³³³, а также исследователи частных вопросов, имеющих непосредственное отношение к теме – Аурелио Бернарди³³⁴, Стюарт Стэвели³³⁵ и Рональд Ридли³³⁶

Отрицательный и однозначный в своей определенности ответ на вопрос о том, были ли консульские трибуны держателями империя, давал Рафаэль Сили³³⁷, который считал, что их должность вообще не была высшей магистратурой. Отчасти сходным с такой трактовкой можно рассматривать мнение Энн Боддингтон³³⁸, которая на выделяемом ей первом этапе существования должности консульных трибунов, до начала IV в. до н. э., расценивала этих магистратов как дополнительных коллег консулов, сражавшихся под auspiciis последних, то есть не имевших собственной империя. Затем, на ее взгляд, после 390 г. военные трибуны с консульской властью стали не дополнением, а альтернативой консулам, а, следовательно, превратились в магистратов, облаченных империем. Таким образом, если О. Лоренц понимал развитие магистратуры консульных трибунов по линии от держателей только военного империя к носителям всей полноты консульских полномочий, то Э. Боддингтон, – от должностной власти «младших коллег» консулов до самостоятельного обладания высшим империем. Другие же историки, как мы видели, не усматривают эволюции полномочий этих магистратов, определяя их постоянными на всем протяжении политической жизни магистратуры, но по-разному и часто противоречиво толкуя их содержание.

Отмеченная разногласия мнений, существующая в мировой историографии проблемы, заставляет нас еще раз обратиться к данному вопросу, чтобы при построении собственной исторической модели консульного трибуната определиться с такой принципиально важной характеристикой, как *imperium*, а также составить представление о *potestas* изучаемых магистратов. С этой целью проанализируем сообщения источников о конкретной реализации властных функций консульными военными трибунами.

Совершенно очевидно, что *tribuni militum consulari potestate* обладали полномочиями верховных командующих римским войском. Только в этом ранге они могли руководить боевыми действиями, а о такой их роли многократно сообщает Ливий (Liv. IV. 31. 1; IV. 46. 1; IV. 49. 8; IV. 59. 1; IV. 61. 5-6; V. 8.1; V. 10. 1-2; V. 18. 7; V. 32. 2; VI. 4. 8; VI. 22. 1; VI. 30. 3 и др.). Толь-

³³¹ Siber H. *Römisches Verfassungsrecht...* S. 77.

³³² De Sanctis G. *Op. cit.* P. 54-56.

³³³ De Martino F. *Intorno all' origine della repubblica romana...* P. 248.

³³⁴ Bernardi A. *Dagli ausiliari...* P. 39-40.

³³⁵ Staveley E. S. *The Significance of the Consular...* P. 30-36.

³³⁶ Ridley R. T. *The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy...* P. 457.

³³⁷ Sealey R. *Op. cit.* P. 529.

³³⁸ Boddington A. *Op. cit.* P. 358-361.

ко в этом статусе они могли осуществлять набор, чем на практике часто занимались (Liv. V. 10. 4; V. 16. 5; V. 37. 3; VI. 31. 5 и др.). В 403 г. до н. э. плебейские трибуны даже обвиняли консулярных военных трибунов в невиданном самовластии: «И ни цари, ни... консулы, ни суровый диктаторский империй, ни беспощадные децемвиры не вводили такого рабства как непрекращающаяся военная служба, которую военные трибуны применяют при господстве над римским народом» (Liv. V. 2. 8)³³⁹ Диодор также подтверждает право военных трибунов с консульской властью производить воинский набор, делая это при описании событий галльского нашествия (Diod. XIV. 117)³⁴⁰ В 397 г. до н. э., наоборот, консулярные трибуны не объявляли принудительного набора, а, как отмечает Ливий, вербовали отряды добровольцев (Liv. V. 16. 5)³⁴¹. В любом случае, право комплектовать войска, как и право командовать ими, принадлежало лишь магистратам с империем. Мнение Р. Бунзе, что в раннее время не только носители империя могли иметь высшее командование, но и частные лица, выступавшие в роли военных вождей³⁴², представляется нам бездоказательным. Таким образом, характер участия военных трибунов с консульской властью в подготовке и проведении военных операций не вызывает у нас сомнений в наличии у них высшей власти в сфере *militiae*. Затруднения же в историографии по поводу трактовки их военных полномочий связаны с последствиями завершения военных действий, – а именно, с их правом на триумф, которое входило составной частью в *imperiū militum*.

Дело в том, что византийский историк Иоанн Зонара, пользующийся у современных своих коллег репутацией добросовестно опиравшегося на первоисточники, свидетельствует следующее: «говорят, что ни один из военных трибунов, хотя многие из них часто побеждали, не праздновал триумф» (Zon. VII. 19)³⁴³ Сведения о периоде V-IV вв. до н. э. Зонара черпал, в первую очередь, из не дошедших до нас книг Диона Кассия, откуда (или из эпи-

³³⁹ Hoc neque reges neque ...consules neque triste dictatoris imperium neque importunos decemviros iniunxisse servitutis, ut perennem militiam facerent [quod tribuni militum in plebe Romana regnum exercebant].

³⁴⁰ οἱ μὲν οὖν χιλιάρχοι τῶν Ῥωμαίων καταγράψαντες στρατιώτας, καὶ προαγαγόντες τὴν δύναμιν εἰς ὑπαίθρον, ἐν τῷ καλουμένῳ Μαρκίῳ κατεστρατοπέδευσαν, ἀπέχοντες ἀπὸ Ῥώμης σταδίου διακοσίου. (Военные трибуны римлян, произведя набор воинов и выступив с войском в чистое поле, называемое Марсовым, расположились лагерем на расстоянии от Рима двухсот стадий.)

³⁴¹ A. Postumius et L. Iulius, non iusto dilectu etenim ab tribunis plebis impediabantur sed prope voluntariorum quos adhortando incitauerant coacta manu... (А. Постумий и Л. Юлий, не проведя надлежащего набора, – впрочем, плебейские трибуны им мешали, – но набрав, побуждая увещеваниями, отряд добровольцев....)

³⁴² Bunse R. Op. cit. S. 108.

³⁴³ ...λέγεται δὲ ὅτι οὐδεὶς τῶν χιλιάρχων, καίτοι πολλῶν πολλὰκις νικησάντων, ἐπινίκια ἔπεμψεν.

том сочинения этого автора), вероятно, и взята приведенная цитата. Многие исследователи трактуют эту информацию в том смысле, что консульные трибуны вообще не имели права на триумф. При этом некоторые просто констатируют без комментариев отсутствие у них такого права³⁴⁴, другие связывают это отсутствие с ненаделением трибунов империем³⁴⁵. Третьи более осторожно отмечают, что право триумфа должно было у них отсутствовать, но традиция об этом времени не такова, чтобы можно было обосновать какие-либо выводы³⁴⁶. Роберт Вернер писал, что, поскольку проведение триумфа при многочисленности коллегии консульных военных трибунов было затруднительным, «кажется, дело заключалось не в отсутствии права на триумф, а в обычной практике отказа от триумфа»³⁴⁷.

Начиная с Бартольда Нибура в историографии имеется также представление, что *tribuni militum consulari potestate* были лишены права на триумф вследствие некурульности их магистратуры. Б. Нибур подчеркивал, что полный триумф (не овация), был *triumphus singularis* (в изначальном смысле *singularis* – принадлежащий к колеснице); привилегия должностного лица быть доставленным в повозке в курию или сенат³⁴⁸. Это наводило его также на мысль, что ранг консульских военных трибунов был не выше ранга начальника конницы (*magister equitum* при диктаторе). Подобный взгляд присутствует и у А. Шwegлера, который, развивая положение о тождестве ранга консульного трибуна статусу *magister equitum*, приводил в доказательство неоднократные назначения, при введении диктатуры, консульных трибунов начальниками конницы (*Liv. IV 31, 46, 57; VI. 11*)³⁴⁹. Теодор Моммзен, хотя он полагал, что консульному трибуну не подходит никакой ранг вообще, в том числе трудно соотносить с его статусом категории курульности-некурульности³⁵⁰, все же усматривал отличия в положении консульных трибунов от курульных магистратов³⁵¹. Но главное, в чем он видел причину, мешавшую их триумфу, было то, что они являлись, по его мнению, не собственно магистратами, а промагистратами³⁵². Обладая проконсульскими полномочиями, они наделялись империем, но, на его взгляд, не могли претендовать на триумфальное шествие, поскольку ни один человек, по сообщению Ливия, не

³⁴⁴ Lengle. Op. cit. S. 2452; Heurgon J. The Rise of the Rome... P. 173; Токмаков В. Н. Сакральные аспекты... С. 47.

³⁴⁵ Sealey R. Op. cit. P. 529.

³⁴⁶ Beloch K. J. Op. cit. S. 248.

³⁴⁷ Werner R. Der Beginn... S. 284.

³⁴⁸ Niebuhr B. Römische Geschichte... S. 570; Idem. Vorträge über römische Geschichte... S. 332.

³⁴⁹ Schwegler A. Op. cit. S. 110-111.

³⁵⁰ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... S. 174.

³⁵¹ Ibid. S. 174.

³⁵² Ibid. S. 173.

занимая магистратуры, не получал триумфа (Liv. XXVIII. 38. 4)³⁵³ Эта идея Т. Моммзена была развита в новейшей историографии Х. Верснелом, который сделал вывод о конституционном барьере для триумфа консулярных трибунов, заключавшемся не в том, что они не имели империя, а в том, что подобно *privatus cum imperio* или *pro consule* право триумфа не распространялось на их должность³⁵⁴

Итак, мы имеем утверждения Зонары о том, что военные трибуны с консульской властью не праздновали триумфа, отсутствие упоминаний о проведении такового кем-либо из них в труде Ливия, а также невозможность подтвердить проведение ими триумфов на основе *Acta triumphalia*³⁵⁵ Достаточно ли этого, чтобы отрицать право консулярных трибунов на триумф? Можем ли мы согласиться с гипотезой Т. Моммзена о промагистратуре консулярных трибунов или с отождествлением их правового положения с *privatus cum imperio*, сделанным Х. Верснелом? При всем уважении к теоретическим построениям Т. Моммзена, в данном случае мы не разделяем идущей от него трактовки. Ибо промагистратура есть ни что иное, как продление полномочий должностного лица на основе процедуры *prorogatio* империя. Как убедительно показала в своей диссертации Т. В. Кудрявцева, промагистратуры в Риме возникают в последней трети IV в. до н. э.³⁵⁶, то есть три десятилетия спустя после ликвидации консулярного трибуната. Первый случай получения статуса проконсула отмечен Ливием для 328 г. до н. э. (Liv. VIII. 23. 12), когда народу было предложено вынести решение об этом, то есть продлить полномочия на основе закона³⁵⁷ В постоянную практику пророгации империя войдет лишь со Второй Пунической войны³⁵⁸. Когда же Ливий говорит о консулярных трибунах, используя прилагательное *proconsularis* или выражение *tribuni militum pro consulibus*, речь не идет о пролонгации полномочий бывших консулов на основе голосования комиций (или хотя бы сенатского

³⁵³ ...quia neminem ad eam diem triumphasse qui sine magistratu res gessisset constabat. (...потому что никто до этого дня без исполнения магистратских обязанностей не имел триумфа.)

³⁵⁴ Versnel H. S. *Triumphus* (An inquiry into the origin. Development and meaning of the Roman Triumph). Leiden, 1970. P. 186-187.

³⁵⁵ См.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*... S. 173; Ridley R. T. *The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy*... P. 456.

³⁵⁶ Кудрявцева Т. В. Чрезвычайные полномочия полководцев как источник императорской власти в Риме. Дис. канд. ист. наук. Л., 1990. С. 27-32.

³⁵⁷ Случай 464 г. до н. э. (Liv. III. 4. 10), который иногда понимается как первое вручение проконсульских полномочий, таковым не являлся, поскольку Титу Квинкцию не пророгировали империй, а поручили, пока консул Авл Постумий проводил набор в Риме, руководить действиями войск союзников – латинов и герников, что в принципе, мог осуществлять и обычный военный трибун как командир подразделения фаланги. На театре военных действий находился один из консулов, Спурий Фурий, поэтому наделять империсм Квинкция потребности не было.

³⁵⁸ Kloft H. *Prorogation und außerordentliche Imperium 326 – 81 v. Chr.* (Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik). Hein, 1977. S. 28; Дементьева В. В. *Магистратура диктатора*... С. 75-76.

решения). Эти понятия используются им в том лишь значении, что военные трибуны заменяют консулов, действуют вместо них. Обратим внимание также на то, что промагистраты имели власть всегда за пределами Рима, сначала в войске на территории Италии, затем – в провинциях. Консульные трибуны избирались в качестве верховных должностных лиц собственно римской общины, руководителей гражданского коллектива, решая в том числе и проблемы межсословных конфликтов. Принципиально важным различием является и то, что консульные трибуны осуществляли исполнительную власть при отсутствии других высших магистратов с империем, тогда как проконсулы с пророгированным империем никогда не избирались как единственные высшие должностные лица. Пророгированный империй в римских представлениях не был полноценным с сакральной точки зрения, и, если в живых оставался только носитель такого империя, то он не мог председательствовать в избирательных комициях, что неизбежно приводило к междуцарствию³⁵⁹ Военные трибуны с консульской властью сами проводили выборы своих преемников.

Таким образом, мы не поддерживаем точку зрения Т. Моммзена о том, что непроведение консульскими трибунами триумфов связано с тем, что они занимали не магистратуру, а промагистратуру. Мы отрицаем существование в V – первой половине IV вв. до н. э. политико-правового механизма пророгации империя, а, следовательно, промагистратуры в конституционном смысле этого слова. Т. Моммзену вообще было свойственно иногда не выделять государственного своеобразия ранней Республики (теория о консулате как изначальной республиканской магистратуре и т. п.), характеризуя ее через понятия и структуры классического времени. На наш взгляд, это проявилось и в данном случае. Что же касается продолжения его теории Х. Верселом, уподобившим консульных трибунов частному лицу с империем (то есть даже не консулу предыдущего года с пролонгированными полномочиями), то, опять-таки, для первых двух веков Республики это неизвестное явление. Впервые, как подчеркивает Т. Н. Кудрявцева³⁶⁰, проконсульский империй был дарован человеку, который не был консулом предыдущего года, в 215 г. до н. э., когда им был наделен Клавдий Марцелл, консул 222 г. до н. э. (Liv. XXIII. 30. 19). В полном смысле частное лицо (то есть человек, никогда ранее не исполнявший магистратуру с империем) стало *privatus cum imperio* в 211 г. до н. э., – это был Публий Корнелий Сципион. Вероятнее всего, наделение империем частного лица было вызвано критическими обстоятельствами, оно «не вошло в повседневную практику и после Второй Пунической войны использовалось крайне редко»³⁶¹

³⁵⁹ Демснтьева В. В. Римское республиканское междуцарствие... С. 50-51.

³⁶⁰ Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 30-31.

³⁶¹ Там же. С. 32.

Итак, не считая должность *tribuni militum consulari potestate* промагистратурой, мы полагаем, что она была магистратурой, но магистратурой чрезвычайной. Консулярный трибунал вводился, на наш взгляд, pro *consulibus* как экстраординарная магистратура вместо ординарной, как вместо консулата вводилась диктатура. Но, обозначив военных трибунов с консульской властью магистратами, а не промагистратами, мы должны в поисках ответа на вопрос о праве их на триумф вернуться к теории Б. Нибура и А. Шwegлера о некурульности их магистратуры как причине отсутствия этого права.

Хорошо известно, что наделение империем не было необходимым условием для отнесения магистрата к числу курульных. Цензоры и курульные эдилы являлись магистратами *sine imperio*, но они обладали привилегиями курульных должностных лиц. С другой стороны, наличие империя было условием достаточным для курульных почестей. Поскольку мы еще только обосновываем наличие империя у *tribuni militum consulari potestate*, то пока не будем на это положение опираться. (Тем более, что Б. Нибур и А. Шwegлер не характеризовали полномочия консулярных трибунов через понятие *imperium*, и для них это был бы не аргумент.) Зададимся в данный момент вопросом о том, какие почести следует считать курульными. Как отмечал Т. Моммзен, к почетным правам, вытекавшим из занятия курульных должностей, следует отнести возможность для данного лица после сложения магистратских полномочий не только голосовать, но и участвовать в дебатах в сенате, носить тогу с пурпурной каймой по торжественным дням и быть похороненным, облаченным в нее, а его потомки могли выставлять портрет предка в своем фамильном зале³⁶². При этом Т. Моммзен не признавал таких почестей за консулярными трибунами, поскольку ни один из них по сложении должности не назывался *consularis*. Однако, во-первых, не вполне ясно, насколько этот перечень почестей связан с должностной карьерой, а насколько с сословными или сенаторскими привилегиями (например, участие в дебатах – право патрицианских сенаторов или же тех, кто занимал ранее курульные должности), ибо историки не могут даже определенно ответить на вопрос, какими терминами обозначались в сенате бывшие курульные и некурульные магистраты. По одному из сообщений Авла Геллия (*Gell. III. 18. 3-4*), бывшие некурульные магистраты в сенате назывались *pedarii*, поскольку в древности курульные магистраты ездили в сенат на колесницах, а некурульные приходили в него пешком (впрочем, сам Геллий дает и другие объяснения термину *pedarii* – «голосовавшие ногами» или приходившие в сенат всадники, еще не включенные туда цензорами)³⁶³. Во-вторых, абсолютно не понятно, на каких основаниях Т. Моммзен отрицал за консулярными трибунами названные привилегии. То, что ни к кому из бывших военных трибунов

³⁶² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 174; Моммзен Т. *История Рима...* С. 238-239.

³⁶³ О наличии колесницы у первой сотни сенаторов сообщает также Иоанн Лид, анализ сведений которого был проведен Л. Л. Кофановым: Кофанов Л. Л. *Атрибуты власти...* С. 35-53.

с консульской властью не применялось понятие *consularis* (с вытекавшими из этого почестями) ничего не доказывает, так как консуляр — это эконсул, а консульские трибуны занимали все же другую должность. Слова Зонары (Zon. VII. 19) об отказе им в почетном наименовании (а на них Т. Моммзен и ссылался) подразумевают, с одной стороны, недопуск плебеев к должности собственно консула, а с другой, — что их магистратура была иной, отличавшейся от консулата, но не подтверждают лишения каких-либо конкретных привилегий. То, что в источниках нигде не обозначены в виде обобщенной нормы такие преимущества применительно к военным трибунам с консульской властью, тоже ни о чем не говорит. Однако, в противовес отрицанию Т. Моммзеном у консульских трибунов перечисленных прав, имеется конкретное свидетельство Цицерона в речи в защиту Л. Лициния Мулены (Cic. Mur. 16). В ней оратор, обращаясь к Сервию Сульпицию, замечает, что доказательства знатности его приходится разыскивать не в толках современников, а в пыли летописей, но он, Цицерон, в ней не сомневается. Знатный предок Сервия Сульпиция³⁶⁴, отмеченный в анналах, — Сервий Сульпиций Руф, консульский трибун 388, 384 и 383 гг., который иных магистратур с империем не занимал, и почитание которого, в том числе и *ius imaginis*, связано было именно с этими его заслугами.

По всей видимости, при определении *magistratus curules* и *non-curules* точнее всего взять за критерий наличие у них *sella curulis*, курульного кресла, которое, собственно, и дало основание для этого эпитета (если следовать Авлу Геллию, курульными магистраты назывались потому, что изначально курульным называлось кресло на колеснице — *currus*, на которой они ездили в сенат — Gell. III. 18. 4, а в соответствии с трактовкой Феста определение «курульные» магистраты получили от того, что ездили на колеснице — Fest. P. 43 L)³⁶⁵ По наблюдениям Томаса Шефера, посвятившего инсигниям магистратов специальную монографию, курульное кресло пришло на смену царскому трону (*solium*) не в начале Республики, как считал Т. Моммзен, а еще в царский период³⁶⁶ Оно было заимствовано у этрусков вместе с тогой-претекстой и фасками. С *sella curulis* были связаны у римлян представления о *bonus*, *auctoritas* и *imperium*³⁶⁷ Восседали ли консульские военные трибуны на кресле из слоновой кости? Судя по всему, да. Тит Ливий (Liv. IV. 7. 2) отмечает наличие у них наряду с империем и инсигний консульской власти:

³⁶⁴ О том, что принадлежность Сульпиция Руфа к нобилитету основывалась только на древнем консульском трибунате IV в. до н. э. см.: Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Stuttgart, 1983. S. 12-13.

³⁶⁵ См также: Кофанов Л. Л. Атрибуты власти... С. 45-46.

³⁶⁶ Schäfer Th. Imperii insignia. Sella curulis und fasces. Zur Repräsentation römischer Magistrate. Mainz, 1989. S. 26-27.

³⁶⁷ Ibid. S. 72.

et imperio et insignibus consularibus usos³⁶⁸ И даже Т. Моммзен, отрицавший почетные привилегии бывших консульских трибунов (связанные, как он отмечал, с занятием курульных магистратур), вполне признавал оформление знаками высших магистратов, в том числе и ликторами с фасками в количестве, равном консульскому³⁶⁹, и курульным креслом, непосредственное исполнение ими должности³⁷⁰ Отождествление статуса консульских трибунов с рангом *magister equitum*, которое проводят Б. Нибур и А. Шwegлер для доказательства их некурульности, здесь не помогает, так как Цицерон приравнивал начальника конницы по своему положению к претору (*Cic. Leg. III. 9*), имевшему и *sella curulis*, и шесть ликторов с фасками. Итак, мы не видим оснований считать магистратуру консульских трибунов некурульной, тем самым не можем поддержать гипотезу, объясняющую отсутствие у них права на триумф как у *magistratus non-curules*.

Таким образом, мы не находим в историографии приемлемых объяснений отсутствию права консульских трибунов на триумф. Обращаясь же к источникам, мы, в свою очередь, не находим, собственно, и указаний на отсутствие у них такого права. Зонара ведь сообщает только о том, что никто из них не праздновал триумф, но отнюдь не о том, что они в правовом отношении были в этом ограничены. Действительно, мы не располагаем фактами триумфального шествия какого-либо из трибунов, и мы согласны с тем, что, видимо, таких случаев не было. Но это не значит, что на триумф у них был законодательный или юридически как-то по-иному оформленный запрет. Закрепившееся в историографии представление о правовом барьере для военных трибунов с консульской властью на проведение триумфа, на наш взгляд, есть ни что иное, как одно из проявлений встречающейся в литературе подмены, когда логические построения историков начинают восприниматься непосредственно как информация источников, будучи на самом деле результатом ее субъективной трактовки. Данная ситуация сродни, например, той, которая сложилась с устойчивым мнением о правовом запрете для первого интеррекса проводить консульские выборы: исследовательский стереотип интерпретации источников понимается как безусловные их показания.

³⁶⁸ Полностью предложение выглядит так: *Sunt qui propter adiectum Aequorum Volscorumque bello et Ardeatium defectioni Veiens bellum, quia duo consules obire tot simul bella nequirent, tribunos militum tres creatos dicant, sine mentione promulgatae legis de consulibus creandis ex plebe, et imperio et insignibus consularibus usos.* (Некоторые считают, что по причине присоединения к войне с эквами, вольсками и отложившимися ардеянами войны с вейянами, поскольку два консула не были в состоянии принять участие в стольких войнах, были избраны три военных трибуна, – без упоминания законодательного предложения об избрании консулов из плебеев, – с наделением империем и консульскими insigniis.) В русском переводе Г. Ч. Гусейнова империй и insigniis относятся в данной фразе к консулам из плебеев, мы же усматриваем иной смысл сказанного Ливием.

³⁶⁹ Marquardt J., Mommsen Th. *Handbuch der römischer Alterthümer*. Bd. I. *Römisches Staatsrecht* von Th. Mommsen. Leipzig, 1887 S. 382.

³⁷⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*... S. 172.

По нашему мнению, причина непроведения триумфа консульскими трибунами заключается в том, что о серьезных победах, одержанных ими, за которые полагалось бы такое признание заслуг, говорить не приходится, несмотря на упоминание о них у Зонары. Мы утверждаем это, опираясь на подробный анализ руководства военными действиями со стороны консульских трибунов, проделанный Рональдом Ридли, на его вывод о том, что ни один военный трибун не добыл достойную победу³⁷¹. Действительно, в особо сложных внешнеполитических ситуациях, когда требовались решающие сражения, прибегали к замене консульских трибунов на диктатора, которому и доставались (или не доставались) лавры триумфатора. К тому же «поделить победу» и отдать предпочтение одному из коллег консульским трибунам было также трудно, как и «поделить командование» во время боевых действий (Liv. IV. 31. 2; IV. 46. 2). Поэтому замечание Р. Вернера о том, что речь должна идти не об отсутствии права на триумф³⁷², мы признаем справедливым, но в отличие от него полагаем, что она должна идти не столько об их отказе от триумфа, сколько о недостаточности оснований для подобных торжеств.

Таким образом, мы не усматриваем аргументированного доказательства вывода об «ущербности» военных полномочий консульских трибунов в их праве на триумфальный въезд в город. Тем самым мы утверждаем, что на сферу *militiae* у них распространялся вполне полноценный империй, реализуя который они ни разу не были удостоены триумфа по разнообразным объективным и субъективным обстоятельствам, но не из-за правового запрета на него.

Обратимся теперь к сфере *domi*. Права, вытекавшие из империя, в гражданско-административной области управления включали в себя руководство народными собраниями, обращение к сенату, издание эдиктов, судебные функции (которые, впрочем, иногда исследователями рассматриваются как составная часть *imperium militiae*). То, что даже при серьезном обострении внешнеполитической ситуации как минимум один из консульских трибунов оставался в городе заботиться о внутренних делах Рима, свидетельствует Тит Ливий (Liv. IV. 45. 7)³⁷³. Хотя «заботой о городе они пренебрегали как делом неблагодарным и бесславным» и, судя по описанию Ливием событий 418 г. до н. э., предпочитали выступать в роли полководцев, доходя до ссоры при распределении обязанностей³⁷⁴, они должны были, если не на основе

³⁷¹ Ridley R. The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy... P. 457-460.

³⁷² Werner R. Der Beginn... S. 284.

³⁷³ unus res Romae curaret...

³⁷⁴ ...certamen subito inter tribunos exortum; se quisque belli ducem potio-
rem ferre, curam urbis ut ingratham ignobilemque aspernari. (...борьба неожидан-
но возникла между трибунами: каждый считал, что он способен вести войну, а заботой о городе прене-
брегал как делом неблагодарным и бесславным.)

договоренности, то по жребию определить, кто будет заниматься гражданскими делами (Liv. IV. 45. 8; VI. 30. 3).

Осуществление права *ius agendi cum patribus et cum populo* консулярными трибунами мы видим, когда они на основе сенатского постановления вносили в комиции предложение о начале войны (Liv. IV. 58. 8), а также, когда по собственной инициативе созывали сенат (Liv. IV. 36. 3). Из этого же права вытекало руководство избирательными комициями при выборах высших магистратов, которое очевидным образом признается в литературе еще со времен Й. Рубино³⁷⁵. По нашим подсчетам, не менее тридцати раз консулярные трибуны должны были председательствовать при избрании такой же новой коллегии своих преемников. Так же как консулы, они руководили и выборами низших магистратов; в частности, Ливий сообщает о конфликте, разгоревшемся при избрании квесторов, между председателем, военным трибуном Авлом Семпронием Атрагином и плебейскими трибунами (Liv. IV. 44. 1). Попутно заметим, что деятельность консулярных трибунов не была свободна от интерцессии со стороны плебейских защитников, что, на наш взгляд, не служит свидетельством в пользу ординарности их магистратуры (экстраординарный интеррекс был подвержен такому же воздействию). Политические шаги консулярных трибунов потенциально попадали под коллегиальную и трибунскую (плебейских трибунов) интерцессию, также как их мероприятия в гражданской сфере могли подвергнуться протесту путем обращения к народу. Но это не умаляет их империй, поскольку одновременно с ними других магистратов *sunt imperio* не было.

Очень важным показателем наличия империя является право консулярных трибунов провозглашать диктатора, которое они на практике осуществляли больше десятка раз: в диктаторском империи, кажется, еще никто из историков не сомневался, а объявлять его единоличного носителя, мог (что также не вызывает сомнений) только магистрат с империем. О сакрально-правовых затруднениях, возникших, когда в первый раз консулярный трибун должен был провозгласить диктатора, мы скажем чуть ниже.

В исследовательской литературе при определении полномочий гражданского управления римской общиной со стороны *tribuni militum consulari potestate* часто говорится, что они не имели права назначать вместо себя *praefectus urbi*³⁷⁶. Однако, нигде в источниках указаний на правовой запрет этого мы, разумеется, не встречаем. Другое дело, что нет и упоминаний о случаях такого назначения. Но при многочисленности коллегии, совершенно очевидно, что этого и не требовалось. Ведь городского префекта обычно назначал консул, который последним покидал Рим³⁷⁷, для того, чтобы «город

³⁷⁵ Rubino J. Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839. S. 21.

³⁷⁶ См., например: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... S. 173. Негушил И. В. Очерк... С. 170.

³⁷⁷ Негушил И. В. Очерк... С. 164.

2.3. Объем полномочий консульских военных трибунов

113

не остался без высшей власти», как писал Тацит (Тас. Анн. VI. 11)³⁷⁸ Когда же в должности находились консульские трибуны, они без ущерба для командования войском, могли выделить одного из своей среды для таких обязанностей (Liv. IV. 59. 1). Теми же причинами, на наш взгляд, следует объяснить и отсутствие случаев кооптации консульскими трибунами суффектов вместо погибших коллег (которое тоже нередко понимается как юридический запрет для них). Даже при трехчленной коллегии потребность в этом могла не возникнуть, а при шести или восьми консульских трибунах ее вообще следует исключить. Таким образом, мы не находим реальных свидетельств «неполноценности» империя военных трибунов с консульской властью при осуществлении ими функций руководства мирными формами жизни civitas.

Как мы уже подчеркивали, в неразрывной связи с империем магистрата находилось его право общественных ауспиций, а точнее сказать, и то, и другое было двуединым оформлением высшей исполнительной власти в Римской Республике. Поэтому рассмотрим, как обстояло дело с возможностью для *tribuni militum consulari potestate* общаться с богами от имени гражданского коллектива. Тит Ливий, когда повествует о стремлении патрициев не допустить плебеев к консулату, излагает патрицианскую мотивировку: никто из плебеев не обладает ауспициями (Liv. IV. 6. 2)³⁷⁹ Поэтому иногда исследователями понимается, что магистраты-плебеи не были наделены правом ауспиций длительное время, например, комментаторы к русскому переводу Ливия Н. Е. Боданская и Г. П. Чистяков утверждают, что это положение сохранялось до 300 г. до н. э.³⁸⁰ Исходя из такой трактовки, они считают, что «в компетенцию трибунов с консульской властью не входило совершение ауспиций»³⁸¹ При этом не ясно, на каком основании они отказывают в обладании ауспициями патрицианским консульским военным трибунам, которых на всем протяжении существования этой магистратуры было явное большинство. Конечно, не вполне логичным выглядит избирательное предоставление права ауспиций только определенной части членов одной коллегии магистратов, но аргументов против наделения ауспициями консульских трибунов-патрициев выдвинуть вообще невозможно. Поэтому в историографии, даже те немногочисленные исследователи (В. Беккер, А. Швиглер), которые отрицали за плебейскими консульскими военными трибунами возможность совершения этого вида дивинации, признавали ее за патрици-

³⁷⁸ ...urbs sine imperio foret ...

³⁷⁹ ...nemo plebeius auspicia haberet...

³⁸⁰ Боданская Н. Е., Чистяков Г. П. Комментарии. Прим. 16 к кн. IV // Ливий Тит. История Рима от основания города. Т. 1. М., 1989. С. 534.

³⁸¹ Там же. Прим. 79 к кн. IV. С. 538.

анскими³⁸² Без предварительных птицегаданий полководца нельзя было начать ни одного сражения, а то, что при переходе к консулярному трибунату именно военные трибуны с консульской властью были верховными командующими армией, всерьез оспорить более чем затруднительно. Без ауспиций нельзя было провести выборы консулов или новых консулярных трибунов, а в руководстве избирательными комициями со стороны *tribuni militum consulari potestate*, как мы видели, также сомневаться не приходится. Наконец, процедура провозглашения диктатора имела важной составной частью проведение птицегаданий по его персоне. Если учесть, что в период функционирования консулярного трибуната одиннадцать лет отмечены заменой консулярных трибунов на диктатора, имевшей место двенадцать раз³⁸³, то, очевидно, что этих диктаторов (кроме, может быть, 434 г. до н. э.) провозглашали консулярные военные трибуны, которые и должны были совершать ауспиции. Правда, как сообщает Ливий (*Liv. IV. 31. 4*)³⁸⁴, поначалу возникло сомнение в том, отвечает ли нормам благочестия провозглашение диктатора через военного трибуна с консульской властью (и, соответственно, проведение им по его кандидатуре ауспиций). У Ливия речь при этом идет о 426 г. до н. э., когда, возможно, первый раз перешли к диктатуре непосредственно от консулярного трибуната, поскольку год 434, также отмеченный консулярным трибунатом и диктатурой, имел еще и зафиксированную источниками консульскую пару (*Liv. IV. 23. 1-2*), которая, не исключено, их разделила. Для случая первого провозглашения диктатора посредством консулярного трибуна такое сомнение, в общем, не удивительно. Скорее всего, оно было вызвано тем (на это обратил внимание еще Л. Ланге³⁸⁵, но его тезис в историографии впоследствии забыли), что в тексте *lex de dictatore creando*, принятом задолго до введения консулярного трибуната, речь могла идти, разумеется, только об объявлении диктатора через консула (первоначально – претора). Вопрос, следовательно, возник о соответствии этому закону провозглашения диктатора посредством консулярного трибуна. Ливий далее вполне определенно добавляет, что разрешилось затруднение обращением к авгурам, обосновавшим сакральную допустимость этого акта³⁸⁶ В дальней-

³⁸² Schwegler A. Op. cit. S. 112.

³⁸³ 434 г. до н. э. (*Liv. IV. 23. 4-6*), 426 г. до н. э. (*Liv. IV. 31. 1-2*), 418 г. до н. э. (*Liv. IV. 46. 1-10*), 408 г. до н. э. (*Liv. IV. 56. 2; 57. 6*), 396 г. до н. э. (*Liv. V. 18. 1; 19. 2.*), 390 г. до н. э. (*Liv. V. 36. 11-12; 46. 10-11.*), 389 г. до н. э. (*Liv. VI. 1. 8; 2. 5*), 385 г. до н. э. (*Liv. VI. 11. 1-2, 10*), 380 г. до н. э. (*Liv. VI. 27. 1-28. 3*), 368 г. до н. э. – две диктатуры (*Liv. VI. 38. 2 – 39. 3*), 367 г. до н. э. (*Liv. VI. 42. 4*).

³⁸⁴ ...et cum ibi quoque religio obstaret ne non posset nisi ab consule dici dictator, augures consulti eam religionem eximere. (...но также и в этом благочестии препятствовало тому, чтобы иначе, чем посредством консула провозгласить диктатора; спросили совета у авгуров, и те признали это благочестивым.)

³⁸⁵ Lange L. Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen... S. 261.

³⁸⁶ См. сноску 384.

шем, как можно судить по античной традиции, подобных сомнений не возникало, и военные трибуны с консульской властью беспрепятственно объявляли диктатора (как и консулы, по согласованию с сенатом, но без одобрения народным собранием³⁸⁷), самостоятельно совершая предварительные птицегадания.

Таким образом, без проведения ауспиций консульными трибунами представить выполнение ими основных должностных функций невозможно, следовательно, нужно признать за ними право узнавать волю богов. Л. Ланге не видел для неуверенности в этом никакой почвы, отмечая, что ауспиции у *tribuni militum consulari potestate* были такими же, как у интеррекса, то есть *maxima*, ибо без *auspicia maxima* государство не могло существовать³⁸⁸. Находили *auspicia maxima* у консульских трибунов и антиковеды XX века³⁸⁹. Э. Херцог не усматривал различий в компетенции, в том числе и сакральной, между патрицианскими и плебейскими членами одной высшей магистратуры, подчеркивая, что «уже при децемвирах между патрициями и плебеями господствовала полная коллегиальность, и понятие интерцессии, на которой покоилась *par potestas*, делало это необходимым»³⁹⁰. Т. Моммзен считал, что ауспиции были у каждого члена коллегии в полном объеме, без различия сословной принадлежности³⁹¹. Он замечал, что предположение об ауспициях только для патрицианских консульных трибунов противоречит сущности этого политического института, поскольку не соответствует не только принципу коллегиальности, но и циклической очередности исполнения обязанностей высшей власти. К тому же, в таком случае непременно «требовалось бы резервирование минимум одного места в коллегии для патрициев»³⁹², о чем источники ничего не сообщают. Мы склонны разделить мнение Т. Моммзена о равенстве права ауспиций для патрицианских и плебейских консульных трибунов на том основании, что доказать противоположное, на наш взгляд, невозможно. Если полагать, что до закона Огульниев 300 г. до н. э. плебеи не могли совершать общественные ауспиции, то нельзя, например, понять, кто их осуществлял во время нахождения у власти диктатора-плебея. Пока не было плебейских представителей в структурах верховной исполнительной власти, патриции могли утверждать, что плебеи не имеют права вступать в сношения с богами от имени общины. Но как только таковые появились, так патрициям, как нам представляется, пришлось признать та-

³⁸⁷ Kaser M. *Römische Rechtsgeschichte*. 2. Auf. Göttingen, 1978. S. 44.

³⁸⁸ Lange L. *Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen...* S. 269 - 271.

³⁸⁹ См. Lohr G. *Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi romani* // *Studia et documenta Historiae et iuris*. 1975. Vol. 41. P. 271.

³⁹⁰ Herzog E. *Geschichte und System...* S. 738.

³⁹¹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 172.

³⁹² *Ibid.* S. 173.

кую возможность для членов другого сословия. В противном случае, нарушалось бы функционирование высших магистратур, часть членов которых оказывались бы не вполне политически дееспособными (что в условиях сравнительно малого количества носителей исполнительной власти пагубно бы отразилось на государственной жизни общины в целом). Конечно, право ауспиций всегда принадлежало «по природе» только патрициям, но патрицианская куриатная организация (путем принятия *lex curiata de imperio* по каждому высшему должностному лицу) делегировала его на время полномочий и плебейским магистратам.

Военные трибуны с консульской властью могли не только выяснять волю богов путем проведения птицегаданий, но, как сообщает нам Ливий, и совершать искупительные жертвы (*Liv. V. 17. 1*)³⁹³ Следовательно, сакральную их компетенцию, как составную часть полномочий магистратов *sum imperio* отрицать не приходится.

Еще одно доказательство принадлежности коллегии консулярных военных трибунов к высшим должностям, а их самих к обладателям империя, состоит в том, что они были магистратами-эпонимами. Таковыми они предстают перед нами, поскольку значатся в консульских фастах³⁹⁴, в таком качестве признавал их Т. Моммзен, когда незадолго до своей смерти обратился к анализу вновь найденного фрагмента капитолийских фаст³⁹⁵ Ф. Эдкок, отмечая неудобство иметь шесть (наиболее часто встречающееся в источниках число консулярных трибунов) эпонимов одного года, предлагал считать, что римляне разрешали эту трудность, называя год именем того, кто совершал обряд ритуального вбития гвоздя в храме Юпитера на иды сентября, то есть *praetor saxipus*³⁹⁶ По мнению данного автора, им мог быть один из консулов или консулярных трибунов. Р. Палмер, анализируя и корректируя информацию фаст (датируя, в частности, первое появление четырехчленной коллегии консулярных трибунов не 426 г., а 428 г. до н. э.), подчеркивал, что магистратами-эпонимами в V- первой половине IV вв. до н. э. были либо преторы-консулы, либо консулярные трибуны³⁹⁷ Нам представляется, что в период конституционной жизни консулярного трибуната в роли эпонимов выступали соответственно представители этой коллегии и консулата (который уже не был к этому времени первоначальной претурой). Предположение Ф. Эдкока об удобстве использования с этой целью одного

³⁹³ ...eumque adhibere tribuni militum Cornelius Postumiusque ad prodigii Albani procurationem ac deos rite placandos coepere... (...вместе с ним военные трибуны Корнелий и Постумий вследствие альбанского знамения начали по обряду умилостивлять богов...)

³⁹⁴ CIL. Vol. I. P. 17-20.

³⁹⁵ Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten... S. 117.

³⁹⁶ Adcock F. E. Op. cit. P. 12-13.

³⁹⁷ Palmer R. The Archaic Community... P. 234.

имени *praetor maximus* нас не убеждает. Ибо, когда в 363 г. до н. э. впервые назначили диктатора *clavi figendi causa*, памятуя о том, что по древнему закону этот обряд исполнял *praetor maximus* (Liv. VII. 3. 5), обычай, имевший место в первые годы после изгнания царей, был уже основательно забыт (Liv. VII. 3. 8). Видимо, в приблизительно столетний период второй половины V - первой половины IV вв. до н. э., то есть как раз во время существования консульского трибуната, об этом обряде не вспоминали, и не было должностного лица, его выполнявшего. По нашим рассуждениям, следовательно, нельзя им заменить в качестве одного магистрата-эпонима нескольких консульских трибунов.

Итак, опираясь на изложенное выше, мы признаем *tribuni militum consulari potestate* носителями империя. При этом в наборе аргументов не хватает еще одного, – а именно подтверждения источниками принятия для консульских трибунов *lex curiata de imperio*, посредством которого избранные в центуриатных комициях магистраты наделялись высшей властью. Куриатный закон об империи неоднократно был объектом специального анализа в исследовательской литературе³⁹⁸, поскольку представлял собой важное звено в делегировании общиной магистрату государственного руководства. Как правило, упоминаний об этом законе применительно к данным магистратам в античной традиции историки не находят, что, по-видимому, иногда не позволяет им решительно высказаться в пользу признания за консульскими военными трибунами совокупности прав, вытекавших из империя. Действительно, авторы политико-правовых сочинений поздней Республики, написанных, когда консульский трибунат давно стал достоянием далекого прошлого, при указаниях на норму *lex curiata de imperio* о нем не вспоминали. В историческом же повествовании наш главный информатор, Тит Ливий, излагая события периода существования должности военных трибунов с консульской властью, обычно не называет для них принятие куриатного закона, как он не называет его и для консулов. Видимо, для автора «*Ab urbe condita*» не имело смысла каждый раз, бесконечно повторяясь, обозначать все процедуры избрания и вступления в должность новых магистратов. Но, тем не менее, свидетельство, при том весьма определенное и красноречивое, о проведении для консульских трибунов куриатного закона об империи, у Ливия имеется. Оно содержится не в книгах, описывающих времена консульского трибуната, а в девятой книге его сочинения. Повествуя о диктатуре Луция Папирия Курсора 309 г. до н. э. и о принятии куриями закона о наделении его империей, Ливий замечает, что первой выпало голосовать

³⁹⁸ von Lübtow U. Die *lex curiata de imperio* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R. A. 1952. Bd. LXIX. S. 154-171; Nicholls I. J. The content of the *lex curiata* // *American Journal of the Philology*. 1967. Vol. LXXXVIII. P. 257-278; Develin R. *Lex curiata and the competence of magistrates* // *Mnemosyne*. 1977. Vol. XXX. Fasc. I. P. 49-65; Токмаков В. Н. Куриатные комиции... С. 121-130.

Фавцийской курии, с которой связаны были два бедствия для Рима, – падение его при галльском нашествии и Кавдинский мир (Liv. IX. 38. 15). Поскольку город был захвачен врагами в 390 г. до н. э. именно при консульских военных трибунах (Liv. V. 36. 12, 48. 8; VI. 1. 5), то, следовательно, Фавцийская курия голосовала тогда первой при принятии *lex curiata de imperio* для данных магистратов, а не каких-то иных. Этим аргументом можно поставить точку в системе доказательств для нас и без него очевидного факта, что *tribuni militum consulari potestate* были магистратами с империем.

В историографии существует еще один дискуссионный вопрос, связанный с наделением консульских трибунов империем (для исследователей, признающих у них его наличие), – проблема «дробления» империя между трибунами. Точнее сказать, вопросов все-таки два (которые иногда смешиваются, и авторы ведут заочную полемику, говоря о разном). Первый: все ли из назначенных в определенном году командиров структурных подразделений римского войска – военных трибунов – возводились в ранг консульских (путем голосования в центуриатных комициях и наделения империем в куриатных) или только какая-то их часть. Второй: все ли из получивших империй консульских трибунов в любой момент времени их должностного срока обладали им в равной мере. По первому из них имеются две противоположные точки зрения. Одна из них четко сформулирована Гаэтано Де Санктисом и заключается в том, что все военные трибуны одного года (а число их, по его мнению, было связано с количеством тысяч воинского набора) получали консульский империй³⁹⁹. Другая представлена С. Стэвели, который полагал, что не все *tribuni militum* наделались империем, а только часть их, которую определял сенат, в зависимости от общего их числа, но не более шести⁴⁰⁰. Количественный состав данной магистратуры и факторы, на него влиявшие, будут рассмотрены в отдельном параграфе, сейчас мы только отметим, что, на наш взгляд, изменение количества мест в коллегии консульских трибунов голосовалось в центуриатных комициях, а не принималось только сенатским постановлением (Liv. V. 1. 2). Обращаясь же ко второму из выделенных нами вопросов, о фактическом применении империя либо как равным образом распределенного между всеми консульскими трибунами, либо не подлежащего делению, скажем, что на него уже дал аргументированный ответ В. Н. Токмаков⁴⁰¹. Суть его сводится к тому, что дробления империя в Римской Республике не было; при функционировании консулата он переходил (чему подтверждением служит переход символов империя – ликторов с фасками) попеременно от одного консула к другому (ежемесячно, а на войне ежедневно по жребию или соглашению), в случаях же одновременного командования обоими консулами разными войсками на каждого распростра-

³⁹⁹ De Sanctis G. Op. cit. P. 54-56.

⁴⁰⁰ Staveley E. S. The Significance of the Consular... P. 32.

⁴⁰¹ Токмаков В. Н. Сакральные аспекты... С. 46-47.

ялся полный империй. Эти принципы В. Н. Токмаков применяет и к военным трибунам с консульской властью, с чем мы полностью согласны. Конечно же, все военные трибуны, получившие на комициях статус консульных, имели право обладать империем, но это не значит, что на практике у каждого был только его «кусочек», равный трети, четверти, шестой или восьмой части *summa imperium*. Механизм реализации империя в республиканское время предусматривал «разделение» его между высшими магистратами не в таком буквальном понимании, а в смысле очередности выполнения тяжелых обязанностей, которые из него вытекали.

Итак, мы приходим к выводу, что консульные военные трибуны были носителями *potestas* высших должностных лиц и имели «неусеченный» ни в военных, ни в гражданских полномочиях *imperium*, который осуществлялся нормальным для коллегиальной магистратуры порядком. Остается только в общем виде сопоставить их компетенцию с консульской, поскольку историография дает разнообразные результаты такого сравнения. Одна точка зрения, которой положил начало Эрнст Херцог, отстаивает ограниченность полномочий консульных трибунов по сравнению с консульскими⁴⁰² Он полагал, что, идя на уступку плебейм в виде создания магистратуры консульных трибунов, патриции на практике умалили их власть, предварительно позаботившись о том, чтобы в законе (которым вводилась новая структура в конституцию) вопросы полномочий затронуты не были. По мнению Э. Херцога, существовало «всеобщее представление об ограниченности власти консульных трибунов»⁴⁰³, которое выразилось, в частности, в сомнениях о возможности в 426 г. до н. э. провозглашения диктатора через одного из них. Иной подход предложил Теодор Моммзен, считая, что компетенция консульных трибунов была тождественна консульской, но положение их не было равным в отношении следовавших за отставкой почестей и привилегий⁴⁰⁴ Такая трактовка была принята многими исследователями с вариациями в пределах от формулировки: *potestas* и *imperium* консульские, но ранг ниже консульского⁴⁰⁵, до утверждения: *potestas* – консульская, *imperium* не ясно, а почести – не консульские⁴⁰⁶

Суммируя сказанное нами ранее, отметим, применительно к сравнению двух магистратур, что рассматриваем консульных трибунов как курульных магистратов, не сомневаясь в том, что при исполнении должностных обязанностей они имели инсигнии, символизировавшие не только реальную власть, но и уважение, воздаваемое им согражданами. Что касается призна-

⁴⁰² Herzog E. *Geschichte und System...* S. 735-738.

⁴⁰³ *Ibid.* S. 738.

⁴⁰⁴ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 172- 174.

⁴⁰⁵ Виллемс П. Указ. соч. С. 300.

⁴⁰⁶ Heurgon J. *The Rise of the Rome...* P. 175.

ваемого нами совпадения объема полномочий, то особенно показателен в этом отношении тот, игнорируемый большинством исследователей факт⁴⁰⁷, что, хотя в 443 г. до н. э. была создана должность цензоров, составление списка сенаторов, *senatus lectio*, до реорганизации системы магистратур по законам Лициния – Секстия выполнялось консулярными трибунами, так же, как в этот период оно осуществлялось консулами. Фест прямо указывает (*Fest.* 290 L), что консулярные трибуны выполняли эту процедуру наравне с консулами: *post exactos eos consules quoque et tribuni militum consulari potestate... legebant*. Тит Ливий сообщает, что цензоры в это время проводили перепись граждан (*Liv.* IV. 8. 3; IV. 22. 7), решали проблему долгов (*Liv.* VI. 27. 4; VI. 31. 2), но ни разу не отмечает проведение цензорами на протяжении существования консулярного трибуната *senatus lectio*, то есть его данные не противоречат свидетельству Феста. Поэтому мы согласны с Рональдом Ридли, что это право перешло к цензорам только в конце IV в. до н. э.⁴⁰⁸, а, следовательно, создание цензуры не было таким уж прямым следствием стремления патрициев изъять из ведения новой магистратуры, в которую был открыт доступ плебейам, формирование сената, как это нередко понимается в литературе⁴⁰⁹. Следовательно, при возникновении магистратуры консулярных военных трибунов, на уровне оформления ее конституционно-го статуса, не закладывались принципиальные ограничения их объема полномочий.

Мы начали анализ проблемы с того, что отметили констатацию именно консульской власти в употребляемом античной традицией названии должности консулярных трибунов. В каком смысле их компетенция была «консульской»? Наш ответ: в том смысле, что не было вопросов, входивших в консульскую компетенцию, которые бы были исключены из сферы деятельности консулярных военных трибунов. Даже то, что отрицалось или ставилось под сомнение в исследовательской литературе, например, право на триумф как составная часть военного империя или право на назначение городского префекта как проявление империя в гражданском управлении, по нашему мнению, не были особенностями, отличавшими консулярный трибунат от консулата. Иначе говоря, – объем их полномочий полностью совпадал. Но что же их различало, в чем заключалась та, смутно отраженная в источниках несхожесть, которой исследователи пытались подобрать термины «ранг» или «положение»? В нашей исторической модели мы определяем ее как различие характера магистратур: одна (консулат) была высшей ординарной, другая (консулярный трибунат) была высшей чрезвычайной. Высшая испол-

⁴⁰⁷ За исключением Г. Де Санктиса и Р. Ридли: De Sanctis G. Op. cit. P. 58; Ridley R. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 448.

⁴⁰⁸ Ridley R. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 448.

⁴⁰⁹ См., например: Schwegler A. Op. cit. S. 117; Staveley E. S. The Significance of the Consular... P. 30.

нительная власть в Римской Республике, и ординарная, и экстраординарная, имела одно и то же наполнение. Ее ограничения или расширения касались не компетенции магистратов, не собственно империя (который был не только «неделимым» между должностными лицами, но и «неусекаемым» в смысле частичного применения), а, либо срока полномочий, либо возможности опротестовать решение магистрата путем провокации или интерцессии. При этом коллегиальные магистраты (и обычные, и чрезвычайные) имели максимально годичный срок должности, но решения их были не свободны от обжалования в комициях и протеста со стороны коллег и плебейских трибунов. Именно к полномочиям высших коллегиальных магистратов, в первую очередь, применялось понятие «консульская власть», как в узком смысле совещательная. В широком же смысле, по нашим представлениям, понятие «консульская власть» в римском политико-правовом сознании времен Республики было синонимом понятия «высшая исполнительная власть». Поэтому его использование в названии *tribuni militum consulari potestate* не означало ординарного характера магистратуры, а свидетельствовало, с одной стороны, о ее коллегиальности, а с другой, – о верховенстве в государственном управлении. Объем полномочий военных трибунов с консульской властью мы, таким образом, определяем как *potestas par* по отношению друг к другу, как *potestas maior* по отношению к другим одновременно действовавшим магистратам, *potestas consularis* и *imperium summum* по отношению к римским гражданам.

Г Л А В А ІІІ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ КОЛЛЕГИИ КОНСУЛЯРНЫХ ТРИБУНОВ. ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью

Вопрос о количестве мест в магистратуре *tribuni militum consulari potestate* традиционно привлекает внимание исследователей, поскольку они неизбежно должны объяснять, во-первых, представленную в источниках динамику численности этих должностных лиц, и, во-вторых, несовпадение сведений такого рода по отдельным годам. Отражение в источниковой базе данного количественного показателя не позволяет на эмпирическом уровне, без теоретического осмысления, численно охарактеризовать коллегию консулярных трибунов. Потребность в концептуальном обосновании численного ее состава для нас особенно важна, поскольку количественная характеристика проливает дополнительный свет на сущностные черты магистратуры.

Информация о количестве лиц, избранных военными трибунами с консульской властью на тот или иной год, содержится, главным образом, у Тита Ливия, Диодора Сицилийского и в консульских фастах. Дополняют информационную картину сведения Дионисия Галикарнасского, Плутарха в биографии Камилла, Помпония в Дигестах, слова императора Клавдия в сенате, а также сообщения, сохраненные Иоанном Зонарой. При этом мы должны сразу оговориться, что в данном случае, гораздо более чем во многих других, ощутимо воздействие одного немаловажного обстоятельства, – опубликованные тексты античных авторов, которыми мы пользуемся, есть результат прочтения поздних списков, имеющих свои палеографические особенности, трудности понимания, сложности заполнения лакун, и, как следствие, неоднозначность реконструкции содержания. Это относится как к перечням имен консулярных трибунов, представленных в разных публикациях сочинений Диодора и Ливия, так и к информации о количестве этих магистратов, включенной в Дигесты. Сказанным определяется невозможность не только абсолютно точного установления численности коллегии консулярных трибунов многих лет, но и точного воссоздания сведений источников об этом. В таких условиях мы можем выявить изменения численности лишь на уровне основной тенденции, а не в виде подробного графика с фиксацией всех точек. Мы можем попытаться установить принципы и закономерности количественного формирования консулярного трибуната, но не имеем возможности дать определенный ответ о конкретной численности ряда коллегий.

Начнем с сообщений Ливия и Диодора, как наиболее подробных. Для первого случая функционирования магистратуры консулярных трибунов в 444 г. до н. э. они называют трех человек (*Liv. IV. 7. 1; Diod. XII. 32. 1*), хотя

3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью 123

расходятся в одном имени. Этой же цифрой «три» они определяют количество персон в коллегии 438 г. до н. э. (Liv. IV. 16. 7; Diod. XII. 38. 1), приводя одинаковые имена. Для 434 г. до н. э. Ливий называет по именам только консулов, говоря при этом и об имеющихся сообщениях в его первоисточниках также о консульских трибунах (Liv. IV. 23. 1-2), а Диодор опять-таки перечисляет трех военных трибунов с консульской властью (Diod. XII. 53. 1). На 433 и 432 гг. до н. э. сведения этих авторов совпадают и сводятся к утверждению о наличии трехместной коллегии (Liv. IV. 25. 2; 25. 5; Diod. XII. 58. 1; 60. 1). Таким образом, в составе магистратуры консульских военных трибунов при всех случаях ее применения до 426 г. до н. э. античная традиция называет трех должностных лиц.

С 426 г. до н. э. возникает в сочинениях древних историков при записях об избрании консульских трибунов число «четыре» (Liv. IV. 31. 1; Diod. XII. 80. 1). Ливий сохраняет его для двух следующих лет, 425 и 424 гг. до н. э. (Liv. IV. 35. 1; 35. 4), а Диодор только для 424 г. до н. э. (Diod. XII. 82. 1), называя для предыдущего, 425 г. до н. э. опять три имени (Diod. XII. 81. 2). Возвращение к трехместной коллегии, по Ливию, приходится на 422 г. до н. э. (Liv. IV. 42. 2), для которого у Диодора по этому поводу сведений нет. Два следующих случая использования консульского трибуната, в 420 и 419 гг. до н. э., отмеченные только у Ливия, в его изложении характеризуются наличием, соответственно, четырех и трех консульских трибунов (Liv. IV. 44. 1; 44. 13)⁴¹⁰ Далее, до 405 г. до н. э., у античных авторов идет чередование в разных вариациях трех- и четырехместных коллегий. В 418 г. до н. э., по сведениям и Ливия (Liv. IV. 45. 4), и Диодора (Diod. XIII. 2. 1), отличающимся только одним личным (praenomen) именем, было трое высших магистратов. В 417 г. до н. э., согласно обоим авторам, расходящимся, правда, в определении двух имен, имелось четверо носителей верховной исполнительной власти (Liv. IV. 47. 7; Diod. XIII. 7. 1). Для 416 г. до н. э. Ливий находит трехчленную коллегию (Liv. IV. 47. 8), а Диодор четырехчленную (Diod. XIII. 9. 1) при совпадении в его передаче трех, названных Ливием, имен. Годы 415, 414, 407 и 406 значатся у того и другого античного историка, при определенных расхождениях в списках имен, как отмеченные наличием четырех военных трибунов с консульской властью (Liv. IV. 49. 1; 49. 7; 57. 12; 58. 6; Diod. XIII. 34. 1; 38. 1; XIV. 3. 1; 12. 1). Находящийся в середине этого хронологического отрезка 408 г. до н. э. и латинский, и греческий автор считают годом трехместной коллегии консульских трибунов, перечень которых у них отличается одним именем.

⁴¹⁰ Р. Ридли для 419 г. до н. э. принимает, опираясь опять-таки на Ливия, не трех, а четырехместную коллегию. См.: Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 463.

Начиная с 405 г. до н. э. Ливий почти постоянно отмечает шесть консулярных трибунов⁴¹¹, за исключением 403 г. до н. э., под которым значится восьмиместная коллегия (Liv. V. 1. 2). От встречающегося в литературе XIX – начала XX века утверждения, что для 396, 387 и 385 гг. до н. э. Ливий определяет пять консулярных трибунов⁴¹², следует, вероятно, отказаться⁴¹³. Во всяком случае, современные публикации текста *Ab urbe condita* содержат шесть реконструируемых их имен для данных лет, что принимается историографией⁴¹⁴.

Диодор, в свою очередь, также часто сообщает для периода от 405 г. до н. э. о шестичленной высшей магистратуре⁴¹⁵, но нередко называет и иное количество должностных мест консулярных трибунов. Так, для 394 г. до н. э. мы находим у него утверждение о трех магистратах, но только два их имени (Diod. XIV. 97. 1); такое же их количество – трое – засвидетельствовано у него и для 368 г. до н. э. (Diod. XV. 18. 1). Цифрой «четыре» при четырех именах Диодор обозначает количественный состав коллегий 391, 386, 385, 384, 383, 382, 378, 376 и 370 гг. до н. э. (Diod. XIV. 107. 1; XV. 15. 1; XV. 25. 1; XV. 28. 1; XV. 36. 1; XV. 38. 1; XV. 41. 1; XV. 57. 1; XV. 71. 1; XV. 76. 1). Из перечисленных лет 376 г. до н. э. не отмечен Ливием среди имевших консулярный трибунат. Для 369 г. до н. э. Диодор называет конкретные имена пяти персон, но не приводит цифры общего количества членов коллегии (Diod. XV. 77. 1). Под 400 г. до н. э. у него содержится упоминание о числе «шесть», как определяющем количество высших магистратов, но отмечены только четыре имени (Diod. XIV. 47. 1). Три года, 389, 380 и 379 гг. до н. э., характеризуются у Диодора наличием восьмиместных коллегий консулярных военных трибунов (Diod. XV. 22. 1; XV. 50. 1; XV. 51. 1), однако в первом случае названы по именам только семь человек, тогда как в двух других все восемь.

За хронологические отрезки с 422 г. до н. э. по 414 г. до н. э., с 408 г. до н. э. по 390 гг. до н. э., с 370 по 367 гг. до н. э., а также для 380 г. до н. э. мы имеем еще сведения о количественном составе магистратуры консульских

⁴¹¹ Liv. IV. 61. 1; IV. 61. 4; V. 8. 1; V. 10. 1; V. 12. 9-10; V. 13. 3; V. 14. 5; V. 16. 1; V. 18. 2; V. 24. 1; V. 26. 1-2; V. 32. 1; V. 36. 12; VI. 1. 8; VI. 4. 7; VI. 5. 7; VI. 6. 3; VI. 11. 1; VI. 18. 1; VI. 21. 1; VI. 22. 1; VI. 22. 5; VI. 27. 2; VI. 30. 1; VI. 31. 1; VI. 32. 3; VI. 36. 3; VI. 38. 2; VI. 42. 3.

⁴¹² Mommsen Th. Römische Staatsrecht... S. 167; Beloch K. J. Op. cit. S. 255.

⁴¹³ А. Друммонд, правда, для 387 г. до н. э. принимает расхождения в текстах Ливия и Диодора, находя у Ливия только пять имен. См.: Drummond A. Consular Tribunes... P. 65.

⁴¹⁴ Pinsent J. Op. cit. P. 29; Ridley R. T. The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy... P. 464-465.

⁴¹⁵ Diod. XIV. 19. 1; XIV. 35. 1; XIV. 38. 1; XIV. 44. 1; XIV. 47. 1; XIV. 54. 1; XIV. 82. 1; XIV. 85. 1; XIV. 90. 1; XIV. 94. 1; XIV. 110. 1; XV. 20. 1; XV. 32. 1; XV. 24. 1; XV. 48. 1; XV. 61. 1.

3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью 125

военных трибунов, сохранившиеся в капитолийских фастах⁴¹⁶ Информация этого эпиграфического источника на 422 и 420 гг. до н. э. о количественном и персональном составе магистратуры консульских трибунов совпадает с данными Ливия (у Диодора сведения о консульском трибунате этих лет отсутствуют). Для 419 г. до н. э. фасты называют не троих как Ливий, а четверых военных трибунов с консульской властью, воспроизводя список Ливия и добавляя еще одно имя (у Диодора опять-таки данных нет). 418 г. дает соответствие всех трех имен капитолийских фаст трем именам, приведенным Ливием, расходясь в одном личном имени со списком Диодора. Для 417 г. до н. э. фасты согласуются с Ливием и Диодором в числе консульских трибунов (четыре), но список их имен, совпадая с диодоровым, отличается от ливиева двумя именами. Под 416 г. до н. э. отмечены в фастах, также как это сделано Диодором, четыре консульских трибуна, совпадающие с его текстом и в персоналиях, в противовес трем членам коллегии у Ливия. 415 и 414 гг. до н. э. обозначены в фастах четырехместной магистратурой (как у Ливия и Диодора). Годы 408–404, а также 402–395, 390 по капитолийским фастам характеризуются той же численностью консульских трибунов, что и у античных историков (которые на этих отрезках времени по данному вопросу не противоречат друг другу: соответственно 408 г. до н. э. – три, 407 и 406 гг. до н. э. – четыре, остальные годы из перечисленных – шесть). 403 г. до н. э., в котором, как мы видели, у Ливия действуют восемь консульских военных трибунов, в фастах отмечен шестичленной (как у Диодора) коллегией, а двое оставшихся от ливиева списка значатся как цензоры. В 391 г. до н. э. количество консульских трибунов (шесть), приводимое в фастах, соответствует Ливию, а не Диодору, точно также, как оно совпадает с ливиевым для 370, 369, 368 и 367 гг. до н. э. (за последний год у Диодора данные отсутствуют). Главное несоответствие капитолийских фаст сведениям римского и греческого историков по вопросу о численности должностных лиц в коллегии консульских трибунов связано с 380 г. до н. э., для которого в найденном в 1899 г. на форуме фрагменте фаст запечатлены девять имен (максимальное число, нигде более в источниках не встречающееся), тогда как у Диодора на этот год их восемь, а у Ливия – шесть.

Итак, при перечислении состава коллегий какого-либо года или при засвидетельствовании числа входящих в них магистратов наши источники называют от трех до девяти членов коллегии. При этом цифрами 3, 4, 6, 8 можно обозначить упомянутое в источниках общее число членов коллегии, цифрами 5, 7 и 9 – только итоги подсчетов названных в текстах имен (первые

⁴¹⁶ CIL. Vol. 1. P. 17-20; Hülsen Ch. Neue Inschriften vom Forum Romanum... S. 248; Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten... S. 116.

две по спискам Диодора, третья – консульских фаст). Очевидным образом прослеживается чередование трех- и четырехместных коллегий в период до 405 г. до н. э. После этого года наиболее часто, особенно у Ливия, количество консульских трибунов определяется цифрой 6. Вообще же, Ливий позволяет нам почерпнуть у него сведения о численном составе сорока девяти коллегий военных трибунов с консульской властью. Они распределяются так: девять коллегий по три человека, девять по четыре, тридцать по шесть и одна из восьми членов⁴¹⁷ Ливий не склонен каждый раз называть сначала число трибунов, а затем перечислять их имена. Он поступает так сравнительно редко (ограничиваясь только списком лиц), но, когда прибегает к такой манере изложения, это число не расходится с количеством упомянутых имен, тогда как у Диодора мы наблюдаем обратное. За период от 425 до 368 Диодор обычно приводит меньше имен, чем Ливий или фасты. К тому же, до 395 г. до н. э. Диодор дает число консульских трибунов большее, чем сам называет имен, но это число, как правило, соответствует содержащемуся в тексте Ливия или консульских фастах. После же 395 г. до н. э. Диодор называет в коллегиях консульских трибунов столько имен, сколько он определяет их членов, но это число уже не соответствует информации других источников. Из-за отмеченной специфики сведения Диодора не поддаются статистической обработке, то есть, мы не можем определенно сказать, сколько он называет коллегий той или иной численности. Г. Мартынов считал, что недостающие у Диодора имена консульских трибунов есть плод позднейшей переработки фаст и приходил к выводу о недостоверности списков Ливия⁴¹⁸ Герхард Перль сделал наблюдение, что почти для половины коллегий консульских трибунов сведения Диодора соответствуют информации прочей античной традиции, а расхождения с ней объяснял не ошибками автора и не состоянием сохранившихся рукописей его труда, а наличием соответствующих сведений в его первоисточниках⁴¹⁹ Не отрицая вероятности существования особого варианта фаст, которым пользовался Диодор, отметим, что, во-первых, он, по всей видимости, восходит к общему с фастами Ливия первоисточнику, а, во-вторых, часть расхождений следует все же считать результатом небрежности Диодора или ошибок переписчиков его труда⁴²⁰

⁴¹⁷ По подсчетам Дж. Пинсента и таблице Р. Ридли получается восемь коллегий по три человека и десять по четыре, поскольку они для 419 г. до н. э. учитывают четырехчленную коллегию, видимо, корректируя данные Ливия консульскими фастами; по публикациям же текста Ливия следует вести речь о трехместной магистратуре этого года.

⁴¹⁸ Мартынов Г. О начале римской летописи // Ученые записки императорского Московского университета. Отдел историко-филолог. 1904. Вып. 32. С. 17.

⁴¹⁹ Perl G. Kritische Untersuchungen zu Diodors Römischer Jahrzahlung. Berlin, 1957. S. 85-86.

⁴²⁰ Drummond A. Consular Tribunes... P. 57-72.

3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью 127

Итак, основные источники, систематично и в хронологической последовательности осведомляющие нас о количестве *tribuni militum consulari potestate*, не создают целостного впечатления для решения данной проблемы вследствие противоречивости данных и неявной логики отраженных изменений численности. Поэтому их изучение породило в историографии различные точки зрения и трактовки.

Распространенная оценка историками сведений нарративных источников заключается в утверждении, что коллегии из трех, четырех и шести членов зафиксированы в них определенно, а коллегии из пяти и восьми магистратов – вызывающим сомнения образом⁴²¹. При этом, Р. Бунзе считает, что 5, 8 и 9-ти местные коллегии следует признать неисторичными на том основании, что ни для одного из тех лет, под которыми они упомянуты, нет единодушной передачи источников числа высших магистратов⁴²². Проявление некоторой общности взглядов исследователей в изучаемом вопросе, – представление о прогрессивном увеличении количества мест в коллегии с течением времени⁴²³. Собственно, такую линию развития магистратуры в отношении ее численности предложил автор первой специальной статьи Оттокар Лоренц⁴²⁴. Не согласился с данным подходом Людвиг Ланге⁴²⁵, полагавший, что этот вывод есть результат не критического следования Ливию. Л. Ланге отстаивал мнение об исходной численности коллегии в шесть магистратов, которое он стремился подкрепить рассмотрением военной организации. Это дискуссионное обсуждение вопроса обозначило две основные точки зрения, сформулированные в историографии к середине XIX в. и сохраняющиеся в ней на протяжении полутора столетий. Незадолго до названной дискуссии взгляд, обосновывавший изначальную норму в виде шестичленной коллегии высказал Бартольд Нибуhr⁴²⁶, предложивший логическую цепочку разделения децемвирата на консулярный трибунал, цензуру и квестуру (в совокупности составлявшие также десять должностных лиц). Затем на практике, по его представлениям, могло быть понижение числа военных трибунов с консульской властью, но повышение сверх шести не могло иметь места. В противо-

⁴²¹ Heurgon J. *The Rise of the Rome...* P. 174; Drummond A. *Consular Tribunes...* P. 57. А. Зиновьев полагал, что обычно в коллегию избиралось 3, 4 или 6 человек, а если 8, то двое из них должны были производить ценз: Зиновьев А. *Римские древности. Описание общественной и частной жизни древних римлян.* М., 1884. С. 81.

⁴²² Bunse R. *Op. cit.* S. 85.

⁴²³ Cornelius F. *Untersuchungen...* S. 60; Ranouil P.-Ch. *Recherches sur le Patriciat (509-366 avant J.-C.).* Paris, 1975. P. 20; Ogilvie R. M. *A Commentary on Livy...* P. 539.

⁴²⁴ Lorenz O. *Op. cit.* S. 3-28.

⁴²⁵ Lange L. *Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen...* S. 236-242.

⁴²⁶ Niebuhr B. *Römische Geschichte...* S. 571-573.

положность Б. Нибуру отстаивал мнение о начальном трехчленном составе магистратуры А. Шwegлер⁴²⁷

Подробное обоснование гипотезы о нормальной и максимально возможной численности коллегии консулярных трибунов в шесть человек дал Теодор Моммзен⁴²⁸. Максимальная численность, по его трактовке, не всегда достигалась (при отсутствии права кооптации и возможности избрания суффиктов), но предел в шесть лиц был обусловлен количеством командиров (*tribuni militum*) в римской армии. Т. Моммзен, также как и Б. Нибур, отрицал существование восьмиместных коллегий, объясняя их появление в источниках соединением имен шести консулярных трибунов и двух цензоров (что усмотрел еще Якоб Перизоний, голландский ученый рубежа XVII-XVIII вв.⁴²⁹). К детальному анализу этого вопроса Т. Моммзен вынужден был вернуться в последние месяцы жизни в связи с находкой фрагмента капитолийских фаст за 380 г. до н. э.⁴³⁰, которая, очевидным образом подрывая его концепцию, не заставила отказаться от прежних взглядов, но побудила к дополнительному их обоснованию. Опираясь на сведения о 403 г. до н. э., для которого Ливий сообщает о восьми консулярных трибунах, а консульские фасты о шести и двух цензорах (имена цензоров совпадают с двумя последними в ливиевом списке), Т. Моммзен распространил вывод о некорректном объединении в источниках двух различных коллегий на все случаи упоминания более чем шестиместной магистратуры, в том числе и на сведения вновь найденного фрагмента. Появление девятого места он объяснял следующим образом. Пять имен совпадают в трех списках (Ливия, Диодора, фаст) – Л. Валерий, П. Валерий Попликола, Сп. Сергий Фиденат, Л. Менений, Т. Папирий. Два других из первых семи в фастах совпадают: одно (Луций Эмилиус Мамерций) со списком Диодора, другое (Сер. Корнелий Малугинский) со списком Ливия. На этом основании он делал вывод о контаминации двух шестичленных списков, которая дала число семь, а под двумя последними именами капитолийского обломка (Л. Папирия Мугиллана и Сульпиция Петика) скрываются два цензора, которые у Ливия обозначены как Сульпиций Камерин и Сп. Постумий Регилльский. При этом Т. Моммзен полагал, что в первоначальных списках цензор Сульпиций был дополнен различными именами коллеги, поэтому у Ливия второе цензорское имя восходит к одному списку, а в консульских фастах – к другому. Сам умудренный исследователь понимал уязвимость своих построений, но отмечал, что надежного решения на имеющемся материале невозможно достигнуть⁴³¹

⁴²⁷ Schwegler A. Op. cit. S. 114.

⁴²⁸ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 166-168.

⁴²⁹ См. Niebuhr B. *Römische Geschichte...* S. 571; Münzer F. Op. cit. S. 134.

⁴³⁰ Mommsen Th. *Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten...* S. 116-124.

⁴³¹ Ibid. S. 118-119.

3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью 129

Теория Т. Моммзена (опиравшегося на до него возникшую идею) о контаминации списков и об интерполяции имен была воспринята многими исследователями⁴³², а детально развита Фридрихом Мюнцером⁴³³. Он обратил внимание на сведения о ряде лет, в которых нашел «фиктивные имена добавленных лиц». Например, рассматривая сведения Ливия и Диодора за 425 г. до н. э., Ф. Мюнцер отмечал, что греческий автор называет три имени, а Ливий сначала также эти три в обратной последовательности, а затем, добавляет четвертое – Гораций. Еще два Горация встречаются у него в шестиместных коллегиях консульских трибунов 386 и 378 г. до н. э. Упоминание всех Горациев Ф. Мюнцер считал фальсификацией, а расхождение у Диодора между называемым им числом магистратов и количеством указанных имен неслучайным: Диодор, на его взгляд, пропускал сомнительные имена, но не хотел сказать, что число консульских трибунов уменьшилось по сравнению с предыдущим годом. Также фальсификацией считал Ф. Мюнцер занесение Ливием в списки консульских трибунов 415, 405 и 369 г. до н. э. родового имени Квинкций, рассматривая его чуть ли не как нарицательное, как общее место формуляра. Отметим также (не повторяя хода его долгих рассуждений), что, проанализировав сведения о цензуре 380 г. до н. э., он пришел к следующим выводам. В источниках, на базе которых создавались фасты, фигурировали последовательно сменявшие друг друга две пары цензоров. Речь шла о том, что один из первой пары (Постумий) умер вскоре после вступления в должность, и редактор капитолийских фаст включил от их пары только оставшегося в живых его коллегу и полностью вторую цензорскую пару, что и дало в совокупности с шестью консульскими трибунами число девять. Обосновывая далее предположение о дублировании под 380 г. до н. э. сведений, относящихся к 366 г. до н. э., Ф. Мюнцер приходил к заключению, что фактически в 380 г. до н. э. была одна цензорская пара, состоявшая из Л. Эмилия и Папирия, соответственно консульских трибунов насчитывалось только шесть, вопреки списку консульских фаст.

В 70-е гг. XX в. исследования в рамках «теории интерполяции», хотя и с некоторыми новыми подходами, были продолжены Джоном Пинсентом⁴³⁴. В весьма обширной статье, написанной в просопографическом ключе, он стремился доказать (на разнообразных примерах) различия сведений фаст, лежавших в основе трудов Ливия и Диодора, а также многочисленность случаев интерполяции. Но, в отличие от предшественников, данный автор не

⁴³² См., например: Soltau W. Die Anfänge der Römischen Geschichtschreibung. Leipzig, 1909. S. 191-192.

⁴³³ Münzer F. Op. cit. S. 134-149.

⁴³⁴ Pinsent J. Op. cit. P. 1-83.

считал список Ливия более надежным, а версию Диодора упрощенной и сокращенной. Дж. Пинсент утверждал, что на Ливия основательно повлияли искажения, допущенные Лицинием Макром. Последнего он рассматривал самым вероятным автором теории, согласно которой коллегия консульских трибунов состояла из трех патрициев и трех плебеев⁴³⁵. Опровергая эту теорию, Дж. Пинсент подверг пристрастной проверке реальность плебейских имен, полагая, что большинство их было привнесено в описания ранней римской истории в те периоды, когда члены их родов играли заметную роль, – в эпоху Второй Пунической войны, Гракхов, Суллы, Цицерона и Цезаря.

Противоположную концепцию, которая отрицает ширококомасштабную и преднамеренную интерполяцию, особенно в списках, представленных Ливием и консульскими фастами, тщательно аргументировал А. Друммонд⁴³⁶. Этот исследователь сформулировал выводы о том, что и Диодор, и Ливий, опирались, в конечном счете, на общий список консульских трибунов, который Ливий воспроизвел точнее. Рассмотрев расхождения в свидетельствах античных авторов за 389, 387, 380 и 379 гг. до н. э., А. Друммонд отверг точку зрения, что применительно к этим годам цензоры были совмещены с консульскими трибунами как члены одной магистратуры. Он считал наиболее вероятным, что дополнительные имена в тексте Диодора являются вставными, но причина этого, на его взгляд, скорее небрежность, чем умышленная интерполяция. Восьмичленную коллегию Диодора 379 г. до н. э. нельзя, по его мнению, понимать как сочетание шести консульских трибунов и двух цензоров, так как одно дополнительное имя – Требоний – плебейское, а плебеи были допущены к цензуре практически только в 351 г. до н. э. Очень весомый, на наш взгляд, аргумент А. Друммонда против традиционного понимания в историографии смешения цензоров с консульскими трибунами состоял в том, что следует признать тогда на протяжении десяти лет, от 389 до 379 гг. до н. э. шесть цензорских пар⁴³⁷, что просто невероятно, учитывая пятилетний промежуток между избраниями их на должность (при сроке полномочий в полтора года цензоры избирались раз в пять лет). Меньшее же чем в других источниках количество имен консульских трибунов за ряд лет у Диодора он считал просто результатом их пропуска и попытался объяснить эти потери. Так, А. Друммонд находил, что там, где у Ливия или в капитолийских фастах два или более консульских трибунов в списке одного года имели одинаковые родовые имена, Диодор регулярно, начиная с 390 г. до н. э., включал имя только одного представителя рода. К числу изъятых таким образом в тексте Диодора имен А. Друммонд отнес: 406 г. – Гн. Корнелия,

⁴³⁵ Pinsent J. Op. cit. P. 40, 50.

⁴³⁶ Drummond A. Consular Tribunes... P. 57-72.

⁴³⁷ Ibid. P. 67.

3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью 131

405 г. – Кв. Квинкция, 404 г. – Гн. Корнелия, 402 г. – Кв. Сервилия, 398 г. – М. Валерия и Л. Фурия, 395 г. – П. Корнелия, 394 г. – Л. Фурия, 391 г. – Эмилия и Фурия, 390 г. – Н. Фабия (инициал N у данного родового имени приведен в консульских фастах – В. Д.) и Кв. Фабия.⁴³⁸ Кроме того, пропуски имен в тексте Диодора А. Друммонд определял и как «промах глаза кописта», когда от одного личного имени до такого же, но принадлежавшего представителю другого рода (или вообще до иного имени), переписчик пропускал текст. Например, в перечне P. Manlius, P. Licinius, L. Titinius, P. Maelius (400 г. до н. э.) выпали два имени в середине, а вместо Sp. Postumius, L. Pinarius появился аномальный Sp. Pinarius (432 г. до н. э.). А. Друммонд обратил внимание также на то, что в списке Диодора утрачивались обычно последние или (менее часто) первые имена.

Глубокий анализ проблемы, предпринятый А. Друммондом, привел его к мысли о возможности двух вариантов обобщающих рассуждений. Либо консулярный трибунал был гибким учреждением, численность которого могла быть изменена, и нет ничего невероятного в том, что существовали восьми и девятичленные коллегии (в качестве, как он писал, краткого эксперимента). Либо же «неправильно большие» коллегии есть результат некоторой путаницы в списках, вследствие повреждения их первоначальных текстов в ходе галльского завоевания, когда от них могло сохраниться по два-три имени, присоединенных потом к коллегии следующего года. Сам А. Друммонд склонялся ко второму варианту. Мы же рассматриваем в качестве вполне адекватного политическим реалиям первый вариант, поскольку он очень органично вписывается в общий контекст функционирования магистратуры *tribuni militum consulari potestate* и может быть подтвержден источниками.

Вернемся, поэтому, к нашей источниковой базе. Кроме суммированных нами выше данных о численности коллегии по годам источники содержат представления античных авторов о принципах количественного ее формирования. При этом речь идет либо просто о большем числе должностных лиц, чем в консульской магистратуре (что отмечено у Диона Кассия – XL. 45)⁴³⁹, либо о диапазоне, в котором оно изменялось (см. слова императора Клавдия в лионской надписи – I. L. S. 212⁴⁴⁰ и Помпония в Дигестах – Dig. I. 2. 2.

⁴³⁸ Drummond A. *Consular Tribunes...* P. 59.

⁴³⁹ ...χλιάρχους ἀντὶ τῶν ὑπάτων, ὅπως πλείους ἄρχοντες ὥσπερ ποτὲ ἀποδεικνύονται, καθίστασθαι ἐσθγοῦντο. (...вести военных трибунов вместо консулов, чтобы учредить более многочисленных должностных лиц, как некогда они провозглашались.)

⁴⁴⁰ ...quid commemorem in pluris distributum consulare imperium tribunosque militum consulari imperio appellatos, qui seni et saepe octoni crearentur? (...напоминать ли о консульском империи, разделенном между многими, и о провозглашенных военных трибунах с консульским империем, избиравшихся в количестве шесть, а часто и восемь?)

25⁴⁴¹). Диапазон этот обозначен в приведенных цитатах в одном случае (в речи императора Клавдия) от шести до восьми, в другом (в Дигестах), видимо, все-таки не двадцать, как в рукописи, а – «шесть плюс-минус несколько». Число «двадцать» значит в рукописи, но закономерно вызывает недоумение исследователей, изучавших консулярный трибунат. Поэтому в историографии неоднократно предлагалось считать это ошибкой переписчика и давались различные варианты ее исправления; наиболее предпочтительным из них нам представляется использованный Т. Моммзенем: переписчик принял римскую цифру VI за буквенное сокращение vi (viginti)⁴⁴². То есть, наиболее вероятно, Помпоний говорил о нестабильном числе военных трибунов с консульской властью, колебавшемся около шести. Сам факт представлений древних писателей о подвижном в принципиальном плане количестве консулярных трибунов, о нестабильности численного состава коллегий, более показателен, чем упоминания об избрании некоторого количества лиц в нее на тот или иной год.

При подобных обобщениях у античных авторов может содержаться и фиксация одного определенного числа, но это число указывается по-разному. Так, Ливий пишет о привычке патрициев занимать восемь мест консулярных трибунов (Liv. VI. 37. 6)⁴⁴³, из чего следует, что он считал восьмиместную коллегию обычной, во всяком случае часто применявшейся, хотя при описании по годам упомянул о ней только в виде исключения. Другое конкретное число, а именно, «шесть» называют иные античные авторы. По свидетельству Дионисия Галикарнасского, уже при введении должности установлено было избирать на нее в общей сложности шесть человек (Dionys. XI. 60)⁴⁴⁴. То же самое представление Диона Кассия об изначальной формуле комплектования магистратуры «три плюс три» сохранено Иоанном Зонарой (Zon. VII. 19)⁴⁴⁵. Плутарх в биографии Камилла

⁴⁴¹ ...factum est, ut tribuni militum crearentur partim ex plebe, partim ex patribus consulari potestate. Nique constituti sunt vario numero: interdum enim viginti fuerunt, interdum plures, nonnumquam pauciores. (...было установлено, чтобы избирались военные трибуны с консульской властью, частью из плебеев, частью из патрициев. Они вводились разной численностью: иногда ведь их было двадцать, иногда больше, иногда меньше.)

⁴⁴² Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten... S. 117.

⁴⁴³ ...qui octona loca tribunis militum creandis occupare soliti sint. (...кто при избрании военных трибунов имел обыкновение занимать восемь мест.)

⁴⁴⁴ ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχους ἀποδειχθῆναι, τρεῖς μὲν ἐκ τῶν πατρικίων, τρεῖς δ' ἐκ τῶν δημοτικῶν... (вместо консулов выбирать военных трибунов, троих из патрициев, троих из плебеев...)

⁴⁴⁵ ...τρεῖς ἀφ' ἑκατέρων χιλιάρχους ἀντὶ τῶν δύο ὑπάτων αἰρεῖσθαι συνέδοξε. (...согласились от каждой из двух сторон избирать трех военных трибунов вместо двух консулов.)

3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью 133

(Plut. Cam. I)⁴⁴⁶ также отметил это количество. Последнее утверждение, правда, может относиться к определенному периоду, а не иметь значения нормы для всей эпохи существования консульского трибуната. В любом случае, мы видим, что в представлениях античных авторов нет единообразия понимания в качестве нормы какого-то единого количества мест коллегии военных трибунов с консульской властью. Вероятнее всего, это означает отсутствие таковой в государственной практике.

Весьма любопытно и отношение Тита Ливия к изменениям численности магистратуры консульских военных трибунов. По его словам, уже на 438 г. до н. э. разрешалось выбирать шесть трибунов (Liv. IV. 16. 6) и, когда он указывает на первый случай избрания коллегии в таком количестве (Liv. IV. 61. 1), то оставляет этот факт без комментария. Точно также он не придает большого значения изменению числа магистратов в 426 г. до н. э., когда впервые выбрали четверых (Liv. IV. 31. 1). Нет в его тексте и мотивировок возвращения к трехместной коллегии 422 г. до н. э. (Liv. IV. 42. 2), как нет их при возобновлении четырехчленной магистратуры (Liv. IV. 44. 1). Только когда речь у него идет о формировании восьмиместной коллегии, он указывает причину принятия решения и его характер (Liv. V. 1. 2). Складывается впечатление, что Ливий не проявлял особого интереса к тому, сколько – три, четыре или шесть магистратов было избрано, полагая, вероятно, что уже со второго раза применения магистратуры можно было комплектовать ее из шести человек, но ничему не противоречило и меньшее число должностных лиц. В связи с этим вполне можно думать, что при голосовании на комициях, если не удавалось заполнить все места в коллегии, она считалась, тем не менее, дееспособной при условии избрании больше двух лиц (то есть более чем в консулате). Т. Моммзен в «Римском государственном праве», правда, полагал, что в случае неполного формирования коллегии должен был быть предписан какой-то законный способ кассации выборов⁴⁴⁷, но мы не видим в нем потребности. Судя по последней публикации Т. Моммзена на эту тему, сам он отказался от такой трактовки⁴⁴⁸. Другой же тезис Т. Моммзена, что следовало непременно избрать три, четыре или шесть магистратов, но не пять, так как ежемесячная передача фасок могла равномерно осуществляться в течение двенадцати месяцев года именно при таких вариантах, на первый взгляд, вполне приемлем. Однако, все же практика функционирования кол-

⁴⁴⁶ Τὸ γὰρ ἕξ ἄνδρας, ἀλλὰ μὴ δύο, τοῖς πρόγμασιν ἐφεστάναι, παρεμβεῖτο τοὺς βαρυνομένους τὴν ὀλιγαρχίαν. (Кто тяготился олигархией, мог утешиться тем, что шесть мужей, а не два стояли во главе государства.)

⁴⁴⁷ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... S. 167.

⁴⁴⁸ Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen... S. 116-124.

легиальных магистратур, в частности, децемвирата свидетельствует, что распределение «не поровну» высшей власти между должностными лицами на протяжении административного года существовало. Поэтому мы не считаем принципиально невозможной пятиместную коллегию. Тем более, как нас убеждает исследование А. Друммонда, сведения источников о восьмиместной коллегии не фиктивны, а для восьми магистратов ежемесячная передача империя также не приводила к равенству по времени обладания им. Учтем к тому же, что при совместном ведении военных действий носитель империя менялся ежедневно, а при раздельном – обладателем его был каждый командующий, поэтому фактически время надления империей должностных лиц в магистратуре, состоявшей более чем из двух человек, никогда не было одинаковым.

Итак, нам представляется, что численность коллегии консулярных военных трибунов не была стабильной в двойном смысле: во-первых, с течением времени менялось максимально возможное количество мест в ней, а, во-вторых, не всегда они могли быть полностью заняты. Что касается изменения предельной численности магистратов, то, по нашему мнению, оно проводилось на основе решения комиций. Во всяком случае, именно с комициями связывает Ливий постановление о переходе к восьмиместной магистратуре (Liv. V. 1. 1-2)⁴⁴⁹ Каждый же раз народные собрания голосовали только персональный состав коллегии, а не количество ее членов: однократное принятие законодательного акта по поводу допустимости шести, восьми или какого-либо иного числа высших должностных лиц, по всей видимости, было достаточным. Эрнст Херцог думал, что неизбежно сенат регулярно должен был определять численность магистратуры⁴⁵⁰ Возможно, конечно, что в сенатском постановлении о переходе в том или ином году к консулярному трибунату указывалось, в каком количестве (в пределах разрешенного решением комиций) должна быть укомплектована коллегия, но не исключено и отсутствие в нем количественной регламентации. Могло быть просто принято, что избираются в коллегия должностные лица в количестве не свыше утвержденного народным собранием максимума, а реальное число избранных зависело от хода голосования.

Не находя жестко определенного и неизменного на протяжении конституционной жизни магистратуры количества консулярных трибунов, зададимся вопросом о том, были ли детерминированы изменения их численности

⁴⁴⁹ *Comitia utriusque populi longe diversa ratione facta sunt. Romani auxere tribunorum militum consulari potestate numerum; octo, quot nunquam antea, creati...* (Комиции каждого из двух народов приняли совсем противоположные планы действий. Римляне, увеличив число военных трибунов с консульской властью до восьми, избрали их в таком количестве, как никогда раньше...)

⁴⁵⁰ Herzog E. *Geschichte und System...* S. 740.

3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью 135

военной организацией. Традиционно в антиковедении принимается существование тесной связи между количеством *tribuni militum* войска и численностью высших магистратов *tribuni militum consulari potestate*. При этом сторонники точки зрения об изначальной трехчленной коллегии соотносят это число либо с командирами войска трех гентильных триб⁴⁵¹, либо с тремя трибунами легиона⁴⁵². Приверженцы концепции о постоянной норме консульярных трибунов в шесть человек связывают это число как с разделением трех родов (Тициев, Рамнов и Луцеров) на *priores* и *posteriores*⁴⁵³, так и с шестью трибунами легионов⁴⁵⁴. Не отрицая генетической связи происхождения магистратуры с военной организацией, отметим следующее. Опираясь на развернутый анализ, проведенный в монографии В. Н. Токмакова, мы отвергаем непосредственное соответствие количества консульярных трибунов в любом их числе, трибунам легиона, ибо он не существовал как структурно оформленная воинская единица на всем протяжении применения их магистратуры⁴⁵⁵. Не принимаем мы также привязку числа этих носителей высшей исполнительной власти к количеству руководителей войск гентильных триб, поскольку, по обоснованию В. Н. Токмакова, пешие подразделения на их базе не могли формироваться⁴⁵⁶, а термин *tribuni militum* относится не к досервианским, а сервианским трибам⁴⁵⁷. К моменту введения консульярного трибуната в римскую конституцию трибуны как командиры армейских подразделений должны быть соотнесены с центуриатной военной организацией и не с манипулярной, а с фаланговой тактикой ведения боя. Это, в свою очередь, означает, что военные трибуны, проходившие процедуру персонального голосования в комициях для надления их консульскими полномочиями, были командирами подразделений фаланги. По вопросу о структуре римской фаланги этого времени, как отмечает В. Н. Токмаков, определенных сведений нет, можно только предполагать наличие четырех, шести рядов, или иного их количества⁴⁵⁸. Поскольку это гипотетичное количество рядов

⁴⁵¹ Staveley E. S. *The Significance of the Consular Tribunate...* P. 32; Sealey R. *Op. cit.* P. 526.

⁴⁵² Lorenz O. *Op. cit.* S. 9; Abbot. F. F. *A history and description of Roman political institutions.* New-York, 1963. P. 184; Volkmann H. *Grundzuge der römischen Geschichte.* Darmstadt, 1982. S. 27. Hölkeskamp K.-J. *Die Entstehung der Nobilität.* Stuttgart, 1987. S. 152.

⁴⁵³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 168.

⁴⁵⁴ Lange L. *Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen...* S. 238-242; Herzog E. *Geschichte und System...* S. 740.

⁴⁵⁵ Токмаков В. Н. *Военная организация...* С. 204-206.

⁴⁵⁶ Там же. С. 55-57.

⁴⁵⁷ Там же. С. 59.

⁴⁵⁸ Там же. С. 215.

фаланги некоторым образом соответствует числу консулярных военных трибунов разных лет и, к тому же, не является единственно возможным (как и в случае с изучаемыми магистратами), то не исключено, что численность консулярных трибунов напрямую зависела от количества командиров рядов фаланги. Однако доказать это невозможно, так как нам абсолютно не известно, менялось ли и, если менялось, то каким образом, число рядов фаланги. Поэтому теоретически вполне можно допустить и иной вариант, когда непосредственной зависимости двух этих величин не было. Иначе говоря, магистратура консулярных трибунов, будучи по рождению связана с военной организацией, могла жить самостоятельной политической жизнью и формироваться не только из числа лиц, в данный момент исполнявших обязанности *tribuni militum*, но и из других государственных деятелей. Впрочем, мы уже замечали, что в Риме все политики непреложно были в эту эпоху полководцами, поэтому в своей предшествовавшей карьере непременно когда-либо были командирами рядов фаланги. Следовательно, в таком случае, можно сказать, что консулярный трибуна́т комплектовался из действующих и бывших военных трибунов⁴⁵⁹, а его численность, соответственно, не была детерминирована количеством командиров в структуре фаланги. Она, к тому же, могла не быть тождественна этому количеству еще и по той причине, что не все *tribuni militum*, находившиеся в войске в период избирательной кампании консулярных трибунов, непременно наделялись статусом последних. Мы не знаем точно, все ли военные трибуны получали право быть избранными в консулярный трибуна́т: мнения в историографии при отсутствии свидетельств источников разделились противоположным образом⁴⁶⁰. Но, даже если исходить из концепции Газтано Де Санктиса о том, что голосование в комициях при наделении полномочиями высшей власти проводилось по всем, имевшимся в войске трибунам, то это не означает непреложный успех всех баллотировавшихся кандидатур. Избирательная кампания в Римской Республике имела свои правила политической игры, возможность воздействия на ее исход со стороны председателя комиций и т. д.

Приведенные рассуждения показывают, что, если даже была норма ответственности количества консулярных трибунов числу войсковых трибунов, то на практике ей неукоснительно следовать было затруднительно, ибо превращение назначенного в армии военного трибуна в трибуна консулярного

⁴⁵⁹ То, что баллотироваться в консулярный трибуна́т могли не только лица, на тот момент являвшиеся военными трибунами в армии, косвенно подтверждают факты избрания на следующий год консулярных трибунов предыдущего года (*Liv.* IV. 56. 2, 12; V. 14. 5; V. 16. 1; VI. 18. 1; VI. 21. 1; VI. 22. 1; VI. 27. 2), поскольку, по всей видимости, консулярные трибуны имели в своем подчинении в качестве командиров рядов фаланги других лиц.

⁴⁶⁰ См.: De Sanctis G. *Op. cit.* P. 54-56; Staveley E. S. *The Significance of the Consular Tribunate...* P. 32.

3.1. Численность коллегии военных трибунов с консульской властью 137

обуславливалось избирательной кампанией. Поэтому, на наш взгляд, строгого равенства числа *tribuni militum consulari potestate* количеству имевшихся на момент выборов в нее военных трибунов (командиров подразделений фаланги) в реальной жизни не было.

Таким образом, свидетельства источников (при всей неоднозначности заложенной в них информации и сложностях ее обработки), а также достижения историографии в их анализе, дают нам основания сделать вывод, что магистратура консульских военных трибунов не имела жестких, раз и навсегда установленных количественных рамок. Она не только численно изменялась с течением времени, но и могла быть заполнена меньшим количеством магистратов, чем это в данный момент разрешалось. Строгой привязки численности консульского трибуната к количеству войсковых трибунов в реальной государственной практике быть не могло, хотя при возникновении магистратуры оно, по-видимому, определило исходный максимум магистратских мест. Гипотеза, имеющая очень широкое распространение в историографии (связываемая обычно с именем Т. Моммзена, хотя она возникла до него, но именно им была наиболее развернуто изложена) о том, что все коллегии консульских трибунов свыше шести человек есть результат присоединения в источниках к списку ее членов имен цензоров, не поддерживается нами, так как найденные А. Друммондом серьезные контрдоводы убеждают нас в ее несостоятельности. Мы считаем вполне возможным существование восьми и девятичленных коллегий, зафиксированных в источниках, что, на наш взгляд, не противоречит никаким политико-правовым установлениям ранней Республики. Количественная гибкость магистратуры военных трибунов с консульской властью, к констатации которой мы приходим, дает дополнительные основания говорить о ее неординарности. Именно в чрезвычайных обстоятельствах возможность «численного маневра», присущая консульскому трибунату, могла принести ощутимую общественную пользу.

3.2. Сословное представительство в магистратуре консульских трибунов

Борьба за политическое равноправие сословий в V – первой половине IV вв. до н. э. имела важнейшей составной частью стремление плебеев получить доступ в высшие магистратуры. Хорошо известно, что достигалось это постепенно, и одним из этапов реализации этого требования стало участие плебейских лидеров в консульском трибунале. Подавляющее большинство исследователей (независимо от того, считают ли они сословную борьбу причиной возникновения данной магистратуры) так или иначе признают этот факт. Особняком стоит только мнение Аурелио Бернарди, который усматривал в создании должности консульских военных трибунов отнюдь не успех плебеев, а укреплении патрициатом своих позиций в органах власти⁴⁶¹ В иной системе координат рассматривает вопрос Роберт Бунзе, пытающийся доказать, что плебеи в принципе не могли в 444-367 гг. до н. э. занимать высшие магистратуры. Его аргументация основывается, главным образом, на том, что плебеи в это время не имели права ауспий, подтверждением чему, на его взгляд, служат *interregnum* и отсутствие плебеев среди диктаторов этого времени⁴⁶² Однако то, что в период междуцарствия *patres* имели монополию на высшую власть, никоим образом не доказывает невозможность для плебея, избранного магистратом, быть облеченным империем и ауспичиями, делегированными от *patres* на куриатных комициях. Ведь и после 367 г. институт междуцарствия сохранялся, а плебеи, тем не менее, избирались в консулат. Точно также более поздний допуск плебеев к должности диктатора ничего не объясняет в достижении ими других высших магистратур. Порочный круг рассуждений, заложником которого оказывается данный автор, включает в себя исходное утверждение, что кроме трех преторов других коллегий магистратов с империем на данном хронологическом отрезке не было; затем следует отрицание плебейского участия в консульском трибунале, которое призвано доказать неисторичность такой магистратуры, а этим, в свою очередь, опять-таки подкрепляется изначальный тезис, и без того аксиоматично формулируемый Р. Бунзе. Ни подобная логика, ни подобная аргументация не находят у нас поддержки.

Преобладающее в историографии признание компромиссного характера решения о создании магистратуры консульских трибунов не снимает вопросов о масштабах участия плебеев в ней (количестве коллегий, имевших плебейское представительство и числе плебеев, избравшихся в нее, как в отдельные годы, так и в совокупности), о датировке их первого избрания, наличии или отсутствии нормы сословного паритета, факторах, влиявших на состав коллегий и т. д. Без ответа на эти вопросы историческая реконструкция консульского трибунала не может быть полной, ибо они затрагивают

⁴⁶¹ Bernardi A. *Dagli ausiliari...* P. 39-40.

⁴⁶² Bunse R. *Op. cit.* S. 134-152.

главные черты этого властного органа и позволяют рассмотреть его в социальном контексте, а не только с политико-правовой точки зрения. Ответы на эти вопросы способствуют также выяснению причин появления консульского трибунала, механизма его функционирования, то есть в значительной мере помогают интегрировать наблюдения и выводы об отдельных его сторонах в целостную характеристику.

Непосредственные упоминания о плебейском представительстве в консульском трибунале в том или ином году содержит, в основном, труд Тита Ливия. Другие древние авторы (Дионисий Галикарнасский, Помпоний, Зонара) ведут речь о плебейском участии в магистратуре, главным образом, не в конкретном, а принципиальном плане. По сочинению Ливия, а также тексту Диодора и консульским фастам историки могут выявить плебейские имена членов коллегий консульских трибунов. На такой источниковой основе и воссоздается картина сословного состава данной магистратуры.

Согласно Ливию, впервые плебей был избран в консульский трибунал только в 400 г. до н. э. (Liv. V. 12. 9). При этом в описании периода от введения этой магистратуры до данного года римский историк подчеркивает отсутствие в ней хотя бы одного плебея (Liv. IV. 25. 10). Затем, по его сообщениям, плебеи стали членами этой коллегии лишь в 399, 396 и 379 гг. до н. э. (Liv. V. 13. 3; V. 18. 1; VI. 30. 1). То есть, получается, что первые сорок с лишним лет существования консульского трибунала (двадцать четыре известных случая его применения в эти годы) магистратура оставалась недоступной плебеям, хотя, по основной версии Ливия, была создана именно как уступка им. Ливий сам подчеркивает это несоответствие, повторяя обусловленность возникновения консульского трибунала сословной борьбой и, вместе с тем, настаивая на длительной патрицианской монополии в нем: «Или, может быть, забыли, что, с того времени, как постановили избирать военных трибунов вместо консулов, чтобы и плебеям была доступна самая почетная должность, в течение сорока четырех лет никто из плебеев не был избран военным трибуном?» (Liv. VI. 37. 5)⁴⁶³ Такая алогичность трактовки требует основательной проверки сообщений Ливия, хотя некоторые исследователи предпочитают некритично повторять его слова о том, что до начала IV в. до н. э. плебеи реального участия в консульском трибунале не принимали⁴⁶⁴

⁴⁶³ An iam memoria exisse, cum tribunus militum idcirco potius quam consules creari placuisset ut et plebeis pateret summus honos, quattuor et quadraginta annis neminem ex plebe tribunum militum creatum esse?

⁴⁶⁴ Altheim F. Epochen der Römischen Geschichte... S. 152; Cornelius F. Untersuchungen... S. 59; Cassola F. I gruppi politici Romani nel III secolo a C. Trieste, 1962. P. 454; Volkmann H. Grundzuge der Römischen Geschichte... S. 27; Bellen H. Grundzuge der Römischen Geschichte... S. 28. Из представления об отсутствии плебеев в консульском трибунале до 400 г. до н. э. вытекает и распространенное мнение, что только с этого года плебеи фактически получили доступ в сенат. См.: Водовозова Т. В. К вопросу о представительном характере и судебной функции сената (VI-

Так, в одной из самых последних статей М. В. Белкин утверждает, что избрание в 400 г. до н. э. Лициния Кальва было «первым успехом пробуждавшейся политической активности плебеев»⁴⁶⁵

Результат же проверки информации Ливия о неучастии плебеев в консульском трибунате в течении четырех десятилетий после его возникновения уже при внимательном рассмотрении первого случая применения этой магистратуры (444 г. до н. э.) вносит серьезные коррективы. Среди имен консульских трибунов этого года назван Луций Атилий (L. Atilius – Liv. IV. 7. 1⁴⁶⁶). То, что он был плебеем, историография признает, начиная с XIX века⁴⁶⁷; сомнения в этом единичны⁴⁶⁸. Однако есть попытки рассматривать указания на Атилия в консульском трибунате 444 г. до н. э. в качестве интерполяции. Так, Роберт Вернер считал, что имена членов коллегии 444 г. до н. э. интерполированы Лицинием Макром⁴⁶⁹. При этом он относил к плебейским еще одно имя из перечня Ливия консульских трибунов этого года, – Авла Семпрония Атрatina (A. Sempronius Atratinus). Однако, род Семпрониев, впоследствии знаменитый своими плебейскими трибунами, имел не только плебейскую, но и патрицианскую ветвь. Во всяком случае, Семпронии Атратины, из числа которых вышли известные высшие магистраты V-IV вв. до н. э., имели патрицианское происхождение, что обычно не оспаривается в историографии. В целом же, Р. Вернер относил первое участие плебеев в консульском трибунате только к 396 г. до н. э.⁴⁷⁰ Активно поддерживают теорию интерполяции плебейских имен, в том числе и имени Atilius, Джон Пинсент и Роберт Бунзе⁴⁷¹. Первый полагает, что заслуги Атилиев были более поздними: магистратуры с империем (консулата) они достигли только в 294 г. до н. э., по отношению же к военному трибунату роль их заключалась в законодательном предложении 311 г. до н. э. плебейского трибуна Луция Атилия об избрании в комициях всех трибунов легионов, а не

IV вв. до н. э.) // *IVS ANTIQVVM. Древнее право*. М., 1997. № 2. С. 45; Белкин М. В. Эволюция римского сената в V-III вв. до н. э.) // *Античное общество. Проблемы политической истории*. Спб., 1997. С. 94.

⁴⁶⁵ Белкин М. В. Законы Лициния-Секстия и их влияние на сенат // *Древние и средневековые цивилизации и варварский мир*. Ставрополь, 1999. С. 58.

⁴⁶⁶ Anno trecentesimo decimo quam urbs Roma condita erat primum tribuni militum pro consulibus magistratum ineunt, A. Sempronius Atratinus, L. Atilius, T. Cloelius... (На триста десятый год от основания Рима первый раз стали магистратами вместо консулов военные трибуны: А. Семпроний Атратин, Л. Атилий, Т. Клулий...)

⁴⁶⁷ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*... S. 171.; Зенгер Г. Э. К вопросу о patres // *Варшавские университетские известия*. 1890. № 4. С. 27; Ogilvie R. M. *A Commentary on Livy*... P. 540; Ridley R. T. *The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy*... P. 450.

⁴⁶⁸ Broughton T. R. S. / Patterson M. L. *Op. cit.* P. 52-53.

⁴⁶⁹ Werner R. *Der Beginn*... S. 286-287.

⁴⁷⁰ *Ibid.* S. 293.

⁴⁷¹ Pinsent J. *Op. cit.* P. 32; Bunse R. *Op. cit.* S. 102-104;

части их, как прежде⁴⁷² Это, на взгляд Дж. Пинсента, и позволило Атилиям претендовать на место в истории в качестве первого плебейского консулярного военного трибуна, что и было сделано при помощи анналиста Постумия Альбина. Гипотеза об интерполяции имени *Atilius* в список консулярных трибунов 444 г. до н. э. представляется нам надуманной и лишенной серьезных доказательств, тем более, что его имя подтверждает Диодор (*Diod. XII. 32. 1*). Что же касается признания Атилия плебеем, то почвы для сомнений здесь нет. Действительно, Атилии были плебейскими трибунами (*Liv. IX. 30. 3; XXVI. 33. 12*), тогда как носителями империя до 444 г. до н. э. нигде не отмечены. К тому же, Ливий определенно называет Луция Атилия (по-видимому, родственника консулярного трибуна 444 г. до н. э.) в числе именно плебейских военных трибунов с консульской властью, избранных на 399 г. до н. э. (*Liv. V. 13. 3*)⁴⁷³

Следующий государственный деятель плебейского происхождения обнаруживается в консулярном трибунате 422 г. до н. э. Это Квинт Антоний Меренда (*Q. Antonius Merenda*), имя которого доносят до нас в этом качестве консульские фасты⁴⁷⁴ и Ливий (*Liv. IV. 42. 2*)⁴⁷⁵. В исследовательской литературе небезосновательно предполагается, что он был сыном децемвира Тита Антония Меренды (*CIL. Vol. 1. P. 16; Liv. III. 35. 11*)⁴⁷⁶. В период классической Республики Антонии будут считаться знатным плебейским родом, основа славы которого и была заложены в V. в. до н. э. Р. Вернер, правда, бездоказательно считал имя Антония Меренды интерполированным⁴⁷⁷, а Дж. Пинсент, развивая эту идею, полагал, что ранние Антонии – «изобретение» Кальпурния Пизона, на материале которого трудился Лициний Макр, цитируемый Ливием⁴⁷⁸. С позиций теории интерполяции относится к упоминанию имени Антоний для 422 г. до н. э. и Р. Бунзе⁴⁷⁹. Однако многие антико-

⁴⁷² Pinsent J. Op. cit. P. 32.

⁴⁷³ *Unus M. Veturius ex patriciis candidatis locum tenuit: plebeios alios tribunos militum consulari potestate omnes fere centuriae dixere, M. Pomponium Cn. Duillium Voleronem Publilium Cn. Genucium L. Atilium.*

(Один М. Ветурий из патрицианских кандидатов сохранил место: почти все центурии избрали военными трибунами с консульской властью других лиц, плебеев - М. Помпония, Гн. Дуиллия, Волерона Публилия, Гн. Генуция и Л. Атилия.)

⁴⁷⁴ *CIL. Vol. 1. P. 17.*

⁴⁷⁵ *Senatus... tribunos militum consulari potestate creari iussit. Creati sunt L. Manlius Capitolinus Q. Antonius Merenda L. Papirius Mugillanus.*

(Сенат... приказал избрать военных трибунов с консульской властью. Избраны были: Л. Манлий Капитолин, Кв. Антоний Меренда, Л. Папирий Мугиллан.)

⁴⁷⁶ См.: Pinsent J. Op. cit. P. 42.

⁴⁷⁷ Werner R. *Der Beginn...* S. 288.

⁴⁷⁸ Pinsent J. Op. cit. P. 42-43.

⁴⁷⁹ Bunse R. Op. cit. S. 102-104.

веды не сомневаются, как в историчности Кв. Антония Меренды, так и в его плебейском происхождении⁴⁸⁰, вполне нас в этом убеждая.

Жак Эргон за период от 444 до 400 г. до н. э. находил еще два плебея в коллегиях консульных трибунов, это Агриппа Менений (Agrippa Menenius) в консульском трибунате 419 и 417 гг. до н. э. (Liv. IV. 44. 19; IV. 47. 7; CIL. Vol. 1. P. 17) и Спурий Рутилий (Sp. Rutilius) в трибунате 417 г. до н. э. (Liv. IV. 47. 7)⁴⁸¹ Однако, первое имя не может быть безоговорочно отнесено к плебейским, так как с конца VI в до н. э. обладатели этого имени встречаются в высшей магистратуре (Liv. II. 16. 7; III. 32. 5), вместе с тем, в период ранней Республики Менении известны и как плебейские трибуны (Liv. IV. 53.; 2; VI. 19. 5; VII. 16. 1). Что касается Рутилия, то носители этого имени имели плебейский трибунат и не занимали, насколько мы можем судить, до законов Лициния - Секстия консульскую магистратуру. Но это имя консульного трибуна 417 г. до н. э. упомянуто только Ливием, тогда как консульские фасты и Диодор его не приводят, не расходясь с Ливием в количестве магистратов этого года. Сказанное привносит некоторые сомнения в плебейском происхождении консульного трибуна Менения и в реальном занятии интересующей нас магистратуры Рутилием в 417 г. до н. э. Поэтому будем рассматривать состав этих двух коллегий как предполагаемый, но не строго доказанный, патрицианско-плебейский.

Таким образом, до 400 г. до н. э. вполне определенно прослеживаются две коллегии консульных трибунов, в которых было по одному плебею, и еще две более проблематичных в этом отношении, в совокупности, предположительно, с тремя должностными местами, занятыми плебеями. Причем, первое участие плебейского представителя следует отнести к самому началу функционирования этой магистратуры, что подтверждает обусловленность ее возникновения сословными конфликтами, а также служит дополнительным аргументом в пользу констатации изначальной уступки со стороны патрициев. Следовательно, информация Ливия о том, что до 400 г. до н. э. ни одно из мест в консульном трибунате не принадлежало плебеям, неверна. С чем связать ее искажение, — с заблуждением или фальсификацией? Если мы имеем второе, то преднамеренную подтасовку фактов, по всей вероятности, нужно отнести, как это делают исследователи, начиная с Теодора Моммзена, к Лицинию Макру, который в угоду прославления своего рода счел необходимым отдать пальму первенства плебейского участия в консульном трибунате Публию Лицинию Кальву (Liv. V. 12. 9)⁴⁸². Мы, однако, не можем

⁴⁸⁰ Зенгер Г. Э. К вопросу о patres... С. 27; Jones H. Stuart. Op. cit. P. 520; Staveley E. S. The Significance of the Consular Tribunate... P. 34; Ogilvie R. M. A Commentary on Livy... P. 540; Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 450.

⁴⁸¹ Heurgon J. The Rise of the Rome... P. 174.

⁴⁸² Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. S. 171; Heurgon J. The Rise of the Rome... P. 174.

поддержать развитие этого взгляда некоторыми исследователями, в частности, Р. Огилви, в том направлении, что Лициний Макр, дабы представить красивую историю не только своего рода, но и плебса в целом, придумал социально-политическую причину возникновения консульного трибуната, связав его появление с противостоянием сословий⁴⁸³. Избрание плебейского консульного трибуна уже в 444 г. до н. э., к тому же не акцентированное Лицинием Макром, противоречит такой трактовке.

После 400 г. до н. э., опять-таки, можно найти у Ливия коллегия *tribuni militum consulari potestate* с представителем плебейского рода, что осталось не принятым во внимание самим автором *Ab urbe condita*. Определенно можно говорить о консульском трибунате 383 г. до н. э., в котором значится Марк Требоний (М. Trebonius – Liv. VI. 21. 1)⁴⁸⁴. В V в. до н. э. Требонии известны как плебейские трибуны (Liv. III. 65. 3; V. 11. 1); плебейский статус Марка Требония признается в литературе⁴⁸⁵.

У Ливия упомянут еще Луций Аквиллий Корв (L. Aquilius Corvus Liv. VI. 4. 7)⁴⁸⁶, военный трибун с консульской властью 388 г. до н. э., которого к плебеям относит Р. Ридли⁴⁸⁷ и не причисляет к патрициям Т. Броутон⁴⁸⁸. Нас смущает только то обстоятельство, что еще один носитель этого родового имени, Гай Аквиллий, назван у Ливия консулом 487 г. до н. э. (Liv. II. 40. 14), что для плебея, вопреки мнению Р. Ридли, нам кажется нереальным. Нельзя исключить, конечно, наличие патрицианской и плебейской ветвей одного рода, но это требует отдельных разысканий и заставляет нас рассматривать плебейский статус Луция Аквиллия под вопросом, как возможный.

Коллегия 387 г. в списке Ливия содержит имя, обращающее на себя внимание, – Лициний Менений (Licinius Menenius – Liv. VI. 5. 7.)⁴⁸⁹, ибо это

⁴⁸³ Ogilvie R. M. *A Commentary on Livy...* P. 539-540.

⁴⁸⁴ ...anno insequente multiplex bellum excepit, L. Valerio quartum A. Manlio tertium Ser. Sulpicio tertium L. Lucretio L. Aemilio tertium M. Trebonio tribunis militum consulari potestate. (...в следующем году постигла многосторонняя война при военных трибунах с консульской властью: Л. Валерии в четвертый раз, А. Манлии в третий раз, Сер. Сульпиции, в третий раз, Л. Лукреции в третий раз, М. Требонии.)

⁴⁸⁵ Broughton T. R. S. / Patterson M. L. *Op. cit.* P. 103; Ridley R. T. *The «Consular Tribune»*: The Testimony of Livy... P. 450; Staveley E. S. *The Significance of the Consular Tribune...* P. 34.

⁴⁸⁶ Exitu anni comitia tribunorum militum consulari potestate habita. Creati T. Quinctius Cincinnatus Q. Seruilius Fidenas quintum L. Iulius Iulus L. Aquilius Corvus L. Lucretius Tricipitinus Ser. Sulpicius Rufus. (На исходе года в комициях были избраны военные трибуны с консульской властью: Т. Квинций Цинциннат, Кв. Сервилий Фиденат в пятый раз, Л. Юлий Юл, Л. Аквиллий Корв, Л. Лукреций Триципитин, Сер. Сульпиций Руф.)

⁴⁸⁷ Ridley R. T. *The «Consular Tribune»*: The Testimony of Livy... P. 450

⁴⁸⁸ Broughton T. R. S. / Patterson M. L. *Op. cit.* P. 103

⁴⁸⁹ ...hic demum tribunorum militum consulari potestate comitia habuit. L. Papium Cn. Sergium L. Aemilium iterum Licinium Menenium L. Valerium Publi-

сочетание двух родовых имен – плебейского *nomen Licinius* (Лициний) и родового имени Менений (*Menenius*), которое могло принадлежать как патрициям, так и плебеям. В публикациях переводов данного пассажа на новые языки обычно вместо родового имени *Licinius* дается личное имя *Lucius*, в соответствующей транскрипции – Луций – для русского языка⁴⁹⁰ У Диодора (*Diod. XV. 24. 1*)⁴⁹¹ в его списке шести имен консулярных трибунов этого года нет ни Лициния, ни Менения, но *praepotes* Луций (в греческом написании Λεύκιος) встречается четыре раза. О роде Менениев мы уже говорили выше, отметив, что он включал как консулов, так и плебейских трибунов. По-видимому, можно предположить, что была ветвь Лициниев-Менениев, относившаяся к плебейским семьям. Мы, в любом случае, не согласны с чтением вместо Лициний Луций, поскольку тот же самый человек фигурирует у Ливия как военный трибун с консульской властью еще дважды, – в 380 и 378 гг. до н. э. и оба раза как Лициний. Причем, для 380 г. до н. э. его имя содержится не только у Ливия (*Liv. VI. 27. 2*)⁴⁹², но и в сохранившемся фрагменте консульских фаст, где оно начертано как *LICINVS*⁴⁹³, что, на наш взгляд, отвергает исправления в тексте Ливия *Licinius* на *Lucius*. Поскольку этот государственный деятель был все-таки Лицинием, то мы предлагаем включать коллегии консулярных трибунов, где он исполнял должность, в число предположительно имевших плебейское представительство.

Один год из этих трех лет, когда в коллегию входил Лициний Менений, а именно, 380 г. до н. э., у Диодора содержит в составе консульского трибуната еще имя Гай Теренций – *Diod. XV. 50. 1*⁴⁹⁴, которого нет у Ливия (*Liv.*

colam tertium creat... (...именно этот провел комиции, на которых были избраны военные трибуны с консульской властью: Л. Папирий, Гн. Сергей, Л. Эмилиий во второй раз, Лициний Менений, Л. Валерий Публикола в третий раз...)

⁴⁹⁰ См. перевод Н. Н. Казанского: Ливий Тит. Римская история от основания города. Т. I. М., 1989. С. 287.

⁴⁹¹ ... Ῥωμαῖοι χιλιάρχους ἕξ ἀντὶ τῶν ὑπάτων κατέστησαν, Λεύκιον Παπίριον, Γάιον Σερούλιον, Λεύκιον Κοῖνκτιον, Λεύκιον Κορνήλιον, Λεύκιον Οὐαλέριον Ἀῦλον Μάλλιον. (...Римляне избрали шесть военных трибунов вместо консулов: Луция Папририя, Гая Сервилия, Луция Квинкция, Луция Корнелия, Луция Валерия, Авла Манлия.)

⁴⁹² ...tribunis militaribus in insequentem annum L. et P. Valeris /Lucio quintum, Publio tertium/[et] C. Sergio tertium Licinio Menenio iterum P. Papirio Ser. Cornelio Maluginense. (...военных трибунов следующего года: Л. и П. Валериев – Луция в пятый, Публия в третий, – и Г. Сергия в третий раз, Лициния Менения во второй, П. Папририя, Сер. Корнелия Малугинского.)

⁴⁹³ Hülsem Ch. Neue Inschriften vom Forum Romanum... S. 248.

⁴⁹⁴ ... Ῥωμαῖοι μὲν ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχους κατέστησαν ὀκτώ, Λεύκιον Οὐαλέριον καὶ Πόπλιον, ἔτι δὲ Γάιον Τερέντιον καὶ Λεύκιον Μενήνιον, πρὸς δὲ τοῦτους Γάιον Σολλίκιον καὶ Τίτον Παπίριον καὶ Λεύκιον Αἰμίλιον... (...Римляне вместо консулов избрали восемь военных трибунов: Луция и Публия Валериев, еще Гая Теренция, Луция Менения, кроме того Гая Сульпиция, Тита Папририя и Луция Эмилиа...)

VI. 27. 2) и в капитолийских фастах⁴⁹⁵ Известно, что из рода Теренциев происходил плебейский эдил (Liv. XXXI. 50. 3), что подтверждает плебейскую принадлежность рода. Правда, Т. Моммзен, считая, что о Теренциях в эту эпоху ничего не известно, предлагал рассматривать это имя как ошибочно записанное вместо имени Сергий⁴⁹⁶ Вопрос о достоверности этого имени в списке консульского трибуната остается поэтому открытым. То, что имя не проходит у Ливия и по капитолийским фастам для этого года заставляет сомневаться в его адекватности, не исключает возможность считать его вставкой в текст Диодора «по небрежности»⁴⁹⁷, но окончательно не решает проблему. Поэтому определим участие плебея Теренция в этой коллегии под вопросом. Таким образом, в консульском трибунате 380 г. до н. э. по разным источникам можно предположить участие двух плебейских представителей.

Стюарт Стэвели к числу консульских трибунов, включавших плебея, но не отмеченных Ливием в таком качестве, присоединяет коллегию 378 г. до н. э.⁴⁹⁸ Тит Ливий называет для этого года ряд имен (Liv. VI. 31. 1)⁴⁹⁹, которые выглядят в публикациях текста на языке оригинала так: Sp. Furius, Q. Servilius, Licinius Menenius, P. Cloelius, M. Horatius, L. Geganius. Здесь, опять-таки, засвидетельствован Лициний Менений, что, возможно, и дало С. Стэвели основание для отнесения коллегии этого года к числу имевших плебейских членов (сам С. Стэвели никак не мотивирует свой перечень таковых лет). У Диодора (Diod. XV. 57. 1)⁵⁰⁰ повторяются родовые имена Сервилий, Фурий и Клелий, а также присутствует то ли Луций, то ли Лициний (в зависимости от варианта реконструкции текста), что укрепляет нас в предположении о членстве в коллегии плебея Лициния. Подчеркнем попутно, что, так же, как и при определении численности коллегий консульских трибунов, затрудняют подсчеты особенности дошедших до нас рукописей и, как следствие, различные пути воссоздания исходных текстов.

⁴⁹⁵ Hülsen Ch. Neue Inschriften vom Forum Romanum... S. 248.

⁴⁹⁶ Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten... S. 119. Эту точку зрения разделял Герхард Перль: Perl G. Kritische Untersuchungen zu Diodors Römischer Jahrzahlung. Berlin, 1957. S. 59.

⁴⁹⁷ Drummond A. Consular Tribunes... P. 71- 72.

⁴⁹⁸ Staveley E. S. The Significance of the Consular Tribunate... P. 34.

⁴⁹⁹ Insequentis anni principia statim seditione ingenti arsere tribunis militum consulari potestate Sp. Furio Q. Servilio iterum Licinio Menenio tertium P. Cloelio M. Horatio L. Geganio. (Тотчас с наступлением следующего года вспыхнул сильный мятеж при военных трибунах с консульской властью Сп. Фурии, Кв. Сервилия, избранном повторно, Лициния Менения, избранном в третий раз, П. Клелия, М. Горация, Л. Гегания.)

⁵⁰⁰ ἐν Ῥώμῃ δὲ ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχοι κατεστάθησαν τέτταρες, Κόιντος Σερούλιος καὶ Λεύκιος Φούριος, ἐπὶ δὲ Γάιος [Λεύκιος] Λικίνιος καὶ Πόβλιος Κοίλιος. (... в Риме вместо консулов были избраны четыре военных трибуна: Квинт Сервилий и Луций Фурий, еще Гай [Луций] Лициний и Публий Клелий.)

Вероятно, тот же самый человек, Лициний Менений, был консулярным трибуном и в 376 г. до н. э. У Ливия о коллегии этого года сведений нет, имена магистратов называет нам только Диодор (Diod. XV. 71. 1)⁵⁰¹, в публикациях текста которого значится Λεύκιος Μενήνιος, то есть Луций Менений. Однако хронологическая близость трех консулярных трибунов именно Лициния Менения (387, 380, 378 гг до н. э.) и данного консулярного трибуна 376 г. до н. э. Менения, названного Луцием, а также отсутствие других упоминаний в источниках о Л. Менении (которой был бы в 80-70-е гг. IV вв. до н. э. политиком такого же ранга, как и Лициний Менений) заставляет нас рассматривать указание на Л. Менения у Диодора как относящееся к Лицинию Менению. Таким образом, не исключено, что коллегия 376 г. до н. э. также имела плебейского представителя.

Обратимся теперь к анализу состава магистратуры *tribuni militum consulari potestate* за те годы, которые у Ливия специально отмечены плебейским представительством. На 400 г. до н. э. римский историк фиксирует избрание только одного плебея, Публия Лициния Кальва (Liv. V. 12. 9)⁵⁰², но дает перечисление имен, в которых еще три должны быть отнесены к плебейским: Луций Титиний, Публий Мелий, Луций Публилий Вольск (L. Titinius, P. Maelius, L. Publilius). Титинии, Мелии, Публилии очень хорошо известны как плебейские трибуны V-IV вв. до н. э. У. Петер, в частности, обращает внимание на то, что Луций Публилий ошибочно назван в традиции патрицием, откуда это мнение проникло и в историографию⁵⁰³. Поскольку получается, что Ливий противоречит сам себе, то это требует объяснения, которое возможно в различных вариантах. Дж. Пинсент предполагал наличие двух отличавшихся первоисточников Ливия, по одному из которых была трехчленная коллегия с одним плебеем, Лицинием Кальвом, а по другому – шестичленная с одним плебеем, но три патрицианских имени были заменены на плебейские.⁵⁰⁴ Однако в консульских фастах имеются те же имена

⁵⁰¹ ἐν Ῥώμῃ χιλίαρχοι κατεστάθησαν ἀντὶ τῶν ὑπάτων τέτταρες, Λεύκιος Παπίριος, Λεύκιος Μενήνιος, Σερούιος Κορνήλιος, Σερούιος Σολπίκιος, (...в Риме военными трибунами вместо консулов были избраны четверо: Луций Папирий, Луций Менений, Сервий Корнелий, Сервий Сульпиций.)

⁵⁰² ...non tamen ultra processum est quam ut unus ex plebe, usurpandi iuris causa, P. Licinius Calvus tribunus militum consulari potestate crearetur: ceteri patricii creati, P. Manilius L. Titinius P. Maelius L. Furius Medullinus L. Publilius Volscus. (...но, однако, затем, при дальнейшем ходе событий, только один из плебеев был избран военным трибуном с консульской властью, на основе применения узаконения, П. Лициний Кальв; остальными были избраны патриции: П. Манлий, Л. Титиний, П. Мелий, Л. Фурий Медуллин, Л. Публилий Вольск.)

⁵⁰³ Петер У. О выделении плебейской верхушки в Риме (до 367 г. до н. э.) // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 35.

⁵⁰⁴ Pinsent J. Op. cit. P. 38.

плебеев среди консульских трибунов: L. Titinius Pansa, P. Maelius Capitolinus, L. Publilius Vulscus⁵⁰⁵, а Публий Мелий и Луций Публилий фигурируют также и у Диодора в числе четырех названных им имен шестиместной коллегии (Diod. XIV. 47. 1)⁵⁰⁶, что, на наш взгляд, противоречит утверждению Дж. Пинсента об интерполяции, ибо тогда она должна быть осуществлена в разные первоисточники (а таковыми Дж. Пинсент их считает для этих текстов) единообразным способом. Предположения Дж. Пинсента высказаны как развитие теории К. Ю. Белоха об интерполяции всех плебейских имен в коллегиях 400, 399, 396 и 379 гг. до н. э. из списков плебейских трибунов⁵⁰⁷, которая основана на гиперкритике античной традиции и игнорирует тот простой факт, что представители одного рода (и даже те же самые лица) могли занимать различные должности в близких годах. К тому же, К. Ю. Белох в качестве исходной основы для интерполяции имен консульских трибунов небольшого хронологического отрезка предлагал считать списки плебейских трибунов за очень большой промежуток времени, 494-311 гг. до н. э., что вело к совершенно произвольным утверждениям. Как отмечал Ж. Эргон, выводы К. Ю. Белоха об интерполяции плебейских имен были слишком поспешными и находят все меньше поддержки⁵⁰⁸

Для коллегии 399 г. у Ливия согласовано утверждение о пяти плебейх из шести консульских трибунов с указанием на плебейские имена Марка Помпония, Гнея Дуилия, Волерона Публилия, Гнея Генуция и Луция Атилия (M. Pomponius, C. Duilius, Volero Publilius, Cn. Genucius, L. Atilius) – Liv. V. 13.3. Имена эти соответствуют консульским фастам, в которых названы M. Pomponius Rufus, C. Duilius Longus, Voler. Publilius Philo, Cn. Genucius Augurinus, L. Atilius Priscus⁵⁰⁹, а четыре из них (может быть, и все пять, если читать не Валерий Попликола, а Волерон Публилий) – также Диодору (Diod. XV. 54. 1)⁵¹⁰ Из этих родовых имен только Генуций может вызывать сомнения в плебейском происхождении, но еще Т. Моммзеном доказывался плебейский

⁵⁰⁵ CIL. Vol. 1. P. 18.

⁵⁰⁶ ...ἐν δὲ τῇ Ῥώμῃ τὴν ὑπάτων ἀρχὴν διώκουν χιλίαρχοι ἕξ, Πόπλιος Μάλλιος, Πούπλιος Μαίλιος, Σπύριος Φούριος, Λεύκιος Πούπλιος. (...в Риме консульской власти добились шесть военных трибунов: Публий Маулий, Публий Мелий, Спурий Фурий, Луций Публилий.)

⁵⁰⁷ Beloch K. J. Op. cit. S. 251.

⁵⁰⁸ Heurgon J. The Rise of the Rome... P. 174.

⁵⁰⁹ CIL. Vol. 1. P. 18.

⁵¹⁰ ...ἐν Ῥώμῃ δ' ἀντὶ τῶν ὑπάτων ἐγένοντο χιλίαρχοι ἕξ, Γναίος Γενούκιος [καὶ] Λεύκιος Ἀτίλιος, Μάρκος Πομπώνιος, Γάιος Δυίλιος, Μάρκος Οὐετούριος, Οὐαλέριος Ποπλίλιος. (...в Риме вместо консулов находились шесть военных трибунов: Гней Генуций, Луций Атилий, Марк Помпоний, Гай Дуилий, Марк Ветурий, Валерий Попликола.)

статус его носителя⁵¹¹, а наличие плебейских трибунов V-IV вв. до н. э. с таким именем подтверждает это. Карл Нойманн полагал, что 399 г. до н. э. следует назвать «эпохальным годом сословной борьбы», поскольку в этот год, по его мнению, плебеи впервые осуществляли высшее командование в ходе военных действий⁵¹²; мы же связываем первый такой случай еще с децемвиратом, да и при консульских трибунах это повторилось ранее 399 г. до н. э.

Консульский трибунат 396 г. до н. э. в изложении Ливия, Диодора и в фастах представлен почти одинаково, если следовать реконструкции в тексте Ливия шести имен, включая Мелия (различия будут, в таком случае, только в *praenomen* или в отсутствии *cognomen*), плебейскими родовыми именами Titinius, Licinius, Maelius, Genutius, Atilius (CIL. Vol. 1. P. 18⁵¹³; Liv. V. 18. 1-2⁵¹⁴; Diod. XIV. 90. 1⁵¹⁵). Если отказаться от версии Дж. Пинсента о дублировании в этом случае коллегии 400 г. до н. э. с добавлением двух имен магистратов 399 г. до н. э.⁵¹⁶, которая представляется нам слишком искусственной, то следует признать историчность коллегии с пятью плебеями и одним (Q. Manlius) патрицием.

Магистратура *tribuni militum consulari potestate* 379 г. до н. э., по Ливию, включала трех патрициев (P. Manlius, C. Manlius, L. Iulius) и трех плебеев (C.

⁵¹¹ Mommsen Th. *Römische Forschungen*. Bd. 1-2. Berlin, 1864-1879. S. 66; Idem. *Römisches Staatsrecht*... S. 171.

⁵¹² Neumann K. J. *Die hellenistische Staaten und die Römische Republik // Weltgeschichte. Die Entstehung der Menschheit in Staat und Gesellschaft, in Kultur und Geistesleben*. Berlin, 1910. Bd. I. S. 383.

⁵¹³ L. Titinius Pansa Sacus, P. Licinius Calvus Esquilinus, P. Maelius Capitolinus, Q. Manlius Vulso Capitolinus, Cn. Genucius Augurinus, L. Atilius Priscus.

⁵¹⁴ *Haud inuitis patribus P. Licinium Caluum praerogativa tribunum militum non petentem creant, moderationis expertae in priore magistratu uirum, ceterum iam tum exactae aetatis; omnesque deinceps ex collegio eiusdem anni refici apparebat, L. Titinium P. Maenium Cn. Genucium L. Atilium.* (Первые «подающие голоса» избирают военным трибуном не против воли патрициев П. Лициния Кальва, не домогавшегося этого; умеренность сего мужа была испытана в первой магистратуре, впрочем, тогда уже он был стар годами, да вскоре стало очевидно, что все из коллегии прошлого года будут опять избраны, - Л. Титиний, П. Мений, Гн. Генуций, Л. Атилий.) Современные реконструкции этого перечня имен в тексте Ливия предлагают также имя Maelius, поэтому в историографии второй половины XX в., в отличие от трудов времен Т. Моммзена и К. Ю. Белоха, оно обычно учитывается. См.: Pinsent J. Op. cit. P. 29; Ridley R. T. *The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy*... P. 464.

⁵¹⁵ *Ἐν Ῥώμῃ δὲ τὴν ὑπατικὴν ἀρχὴν διόκουον χιλιάρχοι ἕξ, Λεύκιος Τιτίμιος, Πόπλιος Λικίνιος, Πόπλιος Μελαίος, Κόιντος Μάλλιος, Γναίος Γενούκιος, Λεύκιος Ἀτίλιος* (В Риме консульской власти добились шесть военных трибунов: Луций Титиний, Публий Лициний, Публий Мелий, а также Манлий, Гней Генуций, Луций Атилий.)

⁵¹⁶ Pinsent J. Op. cit. P. 38.

Sextilius, M. Albinus, L. Antistius) – Liv. VI. 30. 2⁵¹⁷. Диодор, несмотря на то, что ведет речь о восьми консулярных трибунах этого года, три этих родовых имени, по всей видимости, повторяет, – если понимать под Лабинием Альбиния (Diod. XV. 51. 1)⁵¹⁸, – называя к тому же еще имена П. Требония и Г. Эренуция (имя часто рассматривается исследователями как искаженное Генуций⁵¹⁹), также, по всей видимости, плебейские; консульские фасты за этот год не сохранились. Дж. Пинсент, непоколебимо находясь в русле теории интерполяции плебейских имен, относит общественную деятельность представителей плебейских родов, указанных Ливием для этого года, к периодам Суллы и Циперона, возлагая ответственность за их появление в описаниях столь раннего времени на Лициния Макра⁵²⁰. Мы же, как и основная часть исследователей (И. Бляйкен, например, призывал сдержанно воспринимать результаты исследования Дж. Пинсента, «основывающиеся на методически не всегда надежном фундаменте»⁵²¹), склонны доверять сообщению римского историка о плебейском представительстве в этой коллегии. Что касается дополнительных плебейских имен, присутствующих только у Диодора, то их следует отнести к разряду проблематичных.

Таким образом, проведенный анализ плебейских имен в имеющихся источниках, дает нам основание считать, что в семи коллегиях, с весьма высокой степенью вероятности, было плебейское представительство. Это консулярный трибунал 444, 442, 400, 399, 396, 383, 379 гг. до н. э. В этих коллегиях в общей сложности 17 мест можно рассматривать как отведенные плебейам наверняка, плюс еще два места как возможно им предоставленные. Еще семь коллегий можно, с явно меньшей степенью надежности, но все же предположительно тоже считать патрицианско-плебейскими. Это коллегии

⁵¹⁷ Comitia inde habita tribunorum militum consulari potestate, quibus aequatus patriciorum plebeiorumque numerus. Ex patribus creati P. et C. Manlii cum L. Iulio; plebes C. Sextilium M. Albinium L. Antistium dedit. Manliis... (Затем на комициях были избраны военные трибуны с консульской властью, среди которых были в равном числе патриции и плебей. Из патрициев избраны были П. и Г. Манлии с Л. Юлием, из плебеев – Г. Секстилий, М. Альбиний и Л. Антистий...)

⁵¹⁸ ... Ρωμαῖοι κατέστησαν ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχους ὀκτώ, Πόπλιον Μάνιον καὶ Γάιον, Ἐρενούκιον καὶ Γάιον Σέστον καὶ Τιβέριον Ἰούλιον, ἔτι δὲ Λεύκιον Λαβίνιον καὶ Πόπλιον Τριβόνιον καὶ Γάιον Μάλλιον, πρὸς δὲ τοῦτοις Λεύκιον Ἀνοέστιον. (Римляне избрали вместо консулов восемь военных трибунов: Публия и Гая Манлий, Гая Эренуция, Гая Секстилия, Тиберия Юлия, еще Луция Лабиния, Публия Требония и Гая Манлия, а к ним еще Луция Антистия.) Ко всем сложностям реконструкции текста здесь еще добавляется трудность понимания воспроизведения римских имен на греческом языке, в частности, имени Манлий. Вероятно, что под Лабинием скрывается Альбиний.

⁵¹⁹ См.: Beloch K. J. Op. cit. S. 252.; Drummond A. Consular Tribunes... P. 67.

⁵¹⁹ Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 450.

⁵²⁰ Pinsent J. Op. cit. P. 39-40.

⁵²¹ Bleicken J. Geschichte der römischen Republik. 4. Auf. München, 1992. S. 110.

консулярных трибунов 419, 417, 388, 387, 380, 378 и 376 г. до н. э., в которых не исключена вероятность занятия девяти должностных мест плебейскими представителями. Иначе говоря, по нашим подсчетам получается, что максимально возможное число коллегий данных магистратов с плебейским представительством, если учесть даже все гипотетические, – четырнадцать, с предельным количеством плебеев в числе консулярных трибунов – двадцать восемь (при этом, разумеется, подсчитываются не конкретные лица, а должностные места; физических лиц, их занимавших, было меньше, так как некоторые персоны, как мы видели, исполняли магистратские обязанности неоднократно). Весьма приблизительный подсчет общего количества мест в коллегиях консулярных трибунов за все время их существования, который можно провести по данным Ливия, показывает, что это число должно быть порядка 250. Следовательно, плебеев из них досталось, в лучшем случае, немногим более десятой части. Вместе с тем, четырнадцать коллегий из пятидесяти одной, сформированной за время конституционной жизни консулярного трибуната, это больше четверти общего числа, что, в сущности, не так уж и мало. Если ограничиться семью наиболее точно установленными коллегиями с консулярными трибунами–плебеями, то они составят седьмую часть их количества, что все же позволяет говорить о периодическом участии политических лидеров плебейского происхождения в этой магистратуре, тем более что оно имело место практически на всем хронологическом отрезке ее использования. Признавая всю условность наших подсчетов, объясняемую состоянием источниковой базы, мы, тем не менее, полагаем, что примерную картину, может быть, конечно, не в той степени приближения, как хотелось бы, они все-таки дают.

Патриции явно преобладали в консульском трибунале. Ф. Эдкок задавался вопросом, как они могли занимать так много мест в нем, сколько же им надо было выдвинуть из своей среды государственных мужей? Сам Ф. Эдкок нашел и ответ на этот вопрос, – римляне широко использовали многократные избрания. Так, по его подсчетам, более 160 мест консулярных военных трибунов в тридцатилетний период от 405 до 376 г. до н. э. занимали менее 80 человек⁵²². У римлян большим уважением пользовался опыт политического и, особенно, военного руководства, они стремились облекать доверием испытанных и проверенных людей.

Итак, мы можем утверждать, что прослеживается преобладание патрициев в коллегии *tribuni militum consulari potestate*, но никак не монополия их в ней. Причем, этой монополии не было, вопреки распространенному, с подачи Ливия, мнению, и в первые десятилетия существования магистратуры. Высказывание Э. Ференци о том, что необходимо было пройти периоду

⁵²² Adcock F. E. Op. cit. P. 12.

жизни целого поколения, чтобы полученное право участия в консулярном трибунате оказалось реализованным⁵²³, лишено оснований.

Констатация изначального плебейского представительства в магистратуре консулярных трибунов требует ответа на вопрос о наличии или отсутствии его нормы. Обращение к текстам античных авторов показывает, что Ливий говорит не о паритете сословного представительства, а о том, что допустили избрание военных трибунов с консульской властью «смешанно», «без разбора» (*promiscue*) из патрициев и плебеев (*Liv. IV. 6. 8*)⁵²⁴ Помпоний в *Дигестах* также не фиксирует пропорцию избрания консульских трибунов, свидетельствуя лишь о том, что было разрешено избирать их «частью», «отчасти» (*partim*) из плебеев, и также от патрициев (*Dig. I. 2. 2. 25*)⁵²⁵ В отличие от названных авторов Дионисий Галикарнасский точно определяет распределение мест в магистратуре между сословиями – по три – *τρεῖς μὲν ἐκ τῶν πατρικίων, τρεῖς δ' ἐκ τῶν δημοτικῶν*, причем рассматривает такое установление изначальным (*Dionys. XI. 60*)⁵²⁶ О той же самой квоте сословного участия в консулярном трибунате – *τρεῖς ἀφ' ἑκατέρων* – писал Дион Кассий, утверждения которого об этом передает нам Иоанн Зонара (*Zon. VII. 19*)⁵²⁷ Таким образом, получается, что латинские авторы не называют паритетную норму сословного представительства, она отмечена только у греческих писателей, заслуживающих в отношении знаний политико-правовых установлений ранней Римской Республики меньше доверия. Главная же причина нашего скептического восприятия их информации по этому поводу заключается в том, что из всех рассмотренных нами коллегий консулярных трибунов с вероятным, в той или иной степени, участием плебеев, только коллегия 379 г. до н. э. попадает под такую норму, да еще возможны, но проблематичны, два плебейских магистрата из четырех в коллегии 417 г. до н. э. В других же случаях о равном представительстве не может идти речи: прослеживаются от одного до пяти плебейских политиков в коллегиях консулярных военных трибунов разной общей численности, что никогда не составляет половины.

⁵²³ Ferenczy E. *From the Patrician State...* P. 36.

⁵²⁴ ...tribunos militum consulari potestate promiscue ex patribus ac plebe creati sinerent...

⁵²⁵ ...actum est ut tribuni militum crearentur partim ex plebe, partim ex patribus consulari potestate...

⁵²⁶ ...ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχους ἀποδειχθῆναι, τρεῖς μὲν ἐκ τῶν πατρικίων, τρεῖς δ' ἐκ τῶν δημοτικῶν... (...вместо консулов выбирать военных трибунов, троих из патрициев, троих из плебеев...)

⁵²⁷ ...τρεῖς ἀφ' ἑκατέρων χιλιάρχους ἀντὶ τῶν δύο ὑπάτων αἰρεῖσθαι συνέδοξε. (...согласились от каждой из двух сторон избирать трех военных трибунов вместо двух консулов.)

Поскольку в двух коллегиях *tribuni militum consulari potestate*, 399 и 396 г. до н. э., плебеев весьма надежно насчитывается пять из шести магистратов, то может закрасться подозрение, которое и фигурировало в литературе XIX в., что одно место непременно должно было быть отдано патрициям. Это подозрение усугублялось тем, что полностью патрицианские коллегии военных трибунов с консульской властью встречаются много раз, но примеров стопроцентного заполнения мест плебеями в этой магистратуре мы не знаем. Необходимость иметь хотя бы одного патриция в консульском трибунате связывалась с наличием права *auspicium* только у патрицианских магистратов, что, на наш взгляд, совершенно неверно (см. третий параграф второй главы). К тому же, нигде в источниках нет никакого намека на обязательное, правовым образом фиксированное, присутствие патрициев в консульском трибунате, а то, что не встречается полностью плебейских коллегий, еще Т. Моммзен объяснял малочисленностью плебейского представительства в них вообще⁵²⁸

Таким образом, мы не находим оснований для выводов ни о реализованной норме паритетного представительства сословий в консульском трибунате, ни о законодательной обязательности участия хотя бы одного патриция в каждой коллегии. Однако не можем не обратить внимание на точку зрения, присутствовавшую в немецком антиковедении XIX в., что по первоначальному плану предполагалось равное участие патрициев и плебеев в коллегии, а именно по три, как сообщают греческие авторы, но этот первоначальный план, считал Вильгельм Беккер⁵²⁹, был изменен (хотя он не мотивировал причины этого изменения). Развивая такой подход, Людвиг Ланге полагал, что поначалу патриции выставляли на выборах кандидатуры только для трех мест в консульском трибунате, предоставив баллотироваться на оставшиеся три плебейским лидерам⁵³⁰. Но, если патриции своих кандидатов проводили в магистратуру, то плебеи, на его взгляд, сделать этого не могли, и ранние коллегии поэтому имели в своем составе только трех патрицианских членов. Причем, по мысли Л. Ланге, патриции понимали это и не боялись плебейского успеха, и только когда опасность избрания плебеев в консульский трибунал стала реальной, патриции решили выставить кандидатуры для всех шести мест и сформировали впервые в 405 г. до н. э. шестиместную коллегию⁵³¹. Объяснения Л. Ланге не могут нас удовлетворить, поскольку мы находим плебейское представительство в консульском трибунате уже в первый год его деятельности, но заставляют задуматься о том, не было ли «хронического недозаполнения» коллегии за счет того, что именно

⁵²⁸ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*... S. 171-172.

⁵²⁹ Becker W. A. *Handbuch der römischen Alterthümer*. Leipzig, 1846. S. 139-140.

⁵³⁰ Lange L. *Römische Alterthümer*... S. 653.

⁵³¹ Lange L. *Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen*... S. 248.

отведенные плебеям места оставались незанятыми. На наш взгляд, магистратура консулярных трибунов могла функционировать при условии избрания в нее свыше двух должностных лиц, независимо от того какая максимальная численность допускалась в данный момент (с течением времени она менялась в сторону увеличения). Более того, мы думаем, что не так уж редко фактическое количество коллег в данной магистратуре было меньшим, чем предельное, принятое голосованием на комициях. Но это не означает, что регулярно оставались пустыми целевым образом предназначенные для плебеев места. Ибо, специальное выделение для плебеев половины магистратских мест при создании коллегии было невозможным по той причине, что изначально она комплектовалась посредством повышения ранга войсковых трибунов (путем избрания на центуриатных собраниях и вручения империя на куриатных), а никакой квоты плебейского представительства в чисто военном трибунате явно не было. К тому же, говоря о *lex de tribunis militum consulari potestate creandis* 445 г. до н. э. Ливий отмечает только допуск плебеев в эту магистратуру на его основе, но не равенство участия (Liv. IV. 35. 10-11). С течением времени, когда, как мы полагаем, исходная непосредственная связь между просто военным и консулярным трибунатом ослабла, фиксированная норма представительства могла быть установлена только через принятие специального закона об этом (как, например, впоследствии устанавливался принцип сословного участия в консулате по законам Лициния - Секстия), но никаких следов такого закона не прослеживается.

Итак, мы считаем, что не только на практике обычно не было фактического равенства между числом патрицианских и плебейских консулярных военных трибунов, но и, скорее всего, не было таковой правовой нормы. То есть речь идет не только о том, что паритет сословного представительства был в данной магистратуре не реализован в политическом ее применении, но и о том, что он не был законодательно установлен. Вдобавок, если легитимным образом соответствующий акт был бы принят, то и реальное участие плебеев в консулярном трибунате, по всей видимости, было бы иным.

Приведенные рассуждения позволяют нам дать свой ответ на постоянно поднимаемый в историографии вопрос: если консулярный трибунал был создан для удовлетворения стремления плебеев к высшей власти, то почему их в нем было так мало? Во-первых, все-таки участие плебейских политиков в консулярном трибунате обычно в литературе преуменьшается, оно не было, как показывает анализ источников, ничтожно малым и поздно осуществившимся, а, во-вторых, отсутствие правовым образом закрепленного принципа паритета снижало возможность плебейского представительства. Добавим к этому, что особенности процедуры проведения выборов, а именно право председательствующего в комициях снять кандидатуру или при подведении итогов голосования повлиять на его результат, также могли помешать плебеям регулярно участвовать в консулярном трибунате.

Другие соображения, призванные объяснить причины сравнительно нечастого избрания плебеев в консульский трибунал, до нас высказанные и историографии, сводятся к следующему. Плебеи не были достаточно организованы политически, чтобы воспользоваться предоставленной им возможностью, – считали некоторые авторы⁵³². Препятствия на пути к избранию плебеев в консульский трибунал отдельные исследователи видели в избирательных комициях, относя при этом процедуру выборов к разным народным собраниям. Так, Аурелио Бернардни, связывая избрание консульских трибунов с куриатными собраниями, считал, что сам этот факт лишал плебеев перспектив благоприятного исхода голосования⁵³³. Вера Кирби, определяя центуриатные комиции в качестве избирательного органа *tribuni militum consulari potestate*, объясняла немногочисленность плебейского представительства «в высшей степени тимократической природой» этих комиций⁵³⁴. Еще одна трактовка заметно меньшего участия плебеев, по сравнению с патрициями, в консульском военном трибунале сводится к утверждению, что для военных целей (которые при этом рассматриваются главными) патриции были наиболее подходящие кандидаты⁵³⁵.

По поводу этих точек зрения мы так определим свою позицию. Плебеев нельзя рассматривать как неорганизованную массу, не способную к сплоченным действиям, что показывает весь ход и исход борьбы за их уравнивание в правах с патрициатом. Конечно, Ливий несколько раз пишет об инертности массы избирателей-плебеев: они либо довольствовались иным учетом их интересов (*Liv. IV. VI. 11*), либо просто не проявляли активности, не находя достойных лидеров в своей среде (*Liv. IV. 35. 7-9; IV. 57. 11*) или даже были безучастны к избирательным баталиям из-за тяжелейшего экономического положения (*Liv. VI. 34. 1-4*). Эти факторы нельзя сбрасывать со счетов, однако опыт использования пассивного избирательного права плебеи к рассматриваемому времени, безусловно, имели. Плебейские успехи на выборах в магистратуру *tribuni militum consulari potestate* ряда лет, особенно 400, 399, 396 гг. подтверждают это, независимо от того, были ли они следствием серьезного недовольства экономическим положением плебейских масс, как считал Ф. Эдкок⁵³⁶, или обусловлены другими причинами. К тому же, если плебеи были удовлетворены предшествующим вхождением своих представителей в консульский трибунал, то могли проявить сплоченность и голосовать единодушно за своих кандидатов в следующую коллегию (*Liv. V. 13. 2-3*). Но, в целом, осуществить активное избирательное право им было, конечно,

⁵³² См.: Heurgon J. *The Rise of the Rome to 264 B C...* P. 174.

⁵³³ Bernardi A. *Dagli ausiliari...* P. 41.

⁵³⁴ Kirby V. *Op. cit.* P. 26.

⁵³⁵ Adcock F. E. *Op. cit.* P. 10.

⁵³⁶ *Ibid.* P. 12.

труднее, чем патрициям. И дело не в «тимократической природе» центуриатных собраний, ибо привилегии имущественного ценза практически не влияли на результат голосования⁵³⁷ (участие же куриатных комиций мы признаем только для вручения империя консулярным трибунам, но никак не их избрания). Разумеется, патриции, как часть электората и как сенаторы могли оказывать серьезное сопротивление плебейским притязаниям, например, путем сенатского постановления о неучастии в выборах в консулярный трибунат наиболее видных плебейских защитников (Liv. IV. 55. 5-7) или воздействием на настроения избирателей в ходе предвыборных дискуссий (Liv. IV. 56. 3). Главные же трудности для плебеев в реализации своего права быть избранными в консулярный трибунат при отсутствии закрепленного принципа паритета сословного представительства заключались, на наш взгляд, в том, что, в силу сложившейся традиции, римская община управлялась узким кругом патрицианских семей, довольно замкнутой элитой. Представители ее пользовались доверием, зарекомендовали себя как политики и полководцы, слава которых была не только их личной, но всего рода. Не случайно, добродетели, достоинства, заслуги и влияние патрицианских политических деятелей как фактор, обеспечивавший им поддержку всей массы избирателей обоих сословий, неоднократно называются Ливием применительно к выборам в консулярный трибунат (Liv. IV. 57 11-12; V. 14. 5; VI. 32. 3). Любой новый человек, по происхождению не связанный с прославившими себя на государственном поприще родами, воспринимался настороженно, – такова была важная черта социальной психологии римских граждан. В этом смысле точка зрения тех исследователей, которые считали, что патриции были более подходящими кандидатурами для военных целей, может быть принята с тем уточнением, что они рассматривались массой избирателей как более подходящие кандидатуры. Мы согласны с Р. Ридли, что опыт и репутация патрициев укрепляли их позиции в избирательной кампании, давали им больше возможностей, чтобы «произвести впечатление на электорат»⁵³⁸. При этом, доступ в правящую элиту был затруднен (из-за укоренившихся стереотипов) не только для плебеев, но и для патрициев, не входивших в избранный круг. Создание консулярного трибуната способствовало преодолению этого барьера, выдвижению на первый план новых родов, – в этом мы согласны с мнением В. Кирби⁵³⁹, не поддерживая ее точку зрения о том, что решающая причина его возникновения была в удовлетворении амбиций отрезанных от власти, но стремившихся к ней, патрицианских семей. Преобладавших до 444 г. до н. э. в магистратурах Валериев, Фабиев, Вергиниев, Ветуриев потеснили Корнелии, Фурии, Сервилии и Сергии. В числе руководи-

⁵³⁷ Токмаков В. Н. Военная организация... С. 130-131.

⁵³⁸ Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 453.

⁵³⁹ Kirby V. Op. cit. P. 24-29.

телей *civitas* оказались представители новых родов, опять-таки, главным образом, патрицианских (как считала В. Кирби, симпатизировавшие плебеям, что, правда, практически невозможно доказать), но среди причастных к высшей власти появились, пусть и немногочисленные, члены плебейских семей – Атилии, Антонины, Лицинии, Требонии, Мелии, Публилии и другие.

Дадим еще свой ответ на сакраментальный вопрос, поставленный Рафаэлем Сиби: что дал плебеям доступ в консулярный военный трибунал? Или они получили тем самым допуск к высшей должности, тогда патриции потеряли все, или, если этого не было, плебеи не получили ничего, – так заострял проблему этот исследователь⁵⁴⁰. Он решал ее, делая вывод, что участие в этой магистратуре не позволило плебеям быть причастным к верховной власти, поскольку консулярные военные трибуны, на его взгляд, не обладали империем. Мы же, не сомневаясь в наделении империем военных трибунов с консульской властью, утверждаем, что, став ими, плебеи эту причастность получили. Но этим наш ответ не ограничивается. Рассматривая *tribuni militum consulari potestate* как экстраординарную магистратуру, мы уточняем, что плебеи, в нашем представлении, добились доступа к высшей чрезвычайной власти, не имея пока такового к высшей ординарной. Они, тем самым, получили очень многое, но пока не все. Была ли политическая логика в предоставлении плебеям первоначально права участия в чрезвычайной структуре? На наш взгляд, безусловно. Также как когда-то процесс получения ими основных гражданских прав начался с права защищать общину, то есть быть участниками государственной жизни в критических для нее ситуациях, так и теперь, интересы сохранения *civitas* особенно настоятельно требовали от патрициев поделиться руководством, прежде всего, в сложных обстоятельствах; более ранний пример децемвирата подтверждает такую логику. Но, если участие в коллегии децемвиров означало эпизодический доступ к чрезвычайной власти, то возможность членства в консулярном трибунале свидетельствовала о праве систематически (в условиях частого применения этой магистратуры) выдвигать плебейских кандидатов, которые, однако, далеко не всегда могли быть избраны.

⁵⁴⁰ Sealey R. Op. cit. P. 521.

3.3. Использование консульского трибуната в социально-политической жизни *civitas*

В период конституционного существования консульского военного трибуната, на хронологическом отрезке в 78 лет (444-367 гг. до н. э.), политическая система Римской Республики включала в себя, по нашему убеждению, четыре высшие должности с империем: консулы (22 года общепризнанно отмечены их наличием, к которым мы добавляем еще как минимум 4⁵⁴¹), диктаторы (16 случаев применения магистратуры, зафиксированных для 15 лет), интеррекссы (примерно 10 интеррегнумов разной продолжительности, точное число интеррекссов определить нельзя) и сами военные трибуны с консульской властью (их коллегии отмечены источниками в 51 году). Консулат использовался как ординарная должность для осуществления высшей исполнительной власти в обычных обстоятельствах; цели назначения диктаторов и интеррекссов как чрезвычайных магистратов мы рассматривали в соответствующих исследованиях⁵⁴². Теперь обратимся к анализу применения в государственной практике консульского трибуната, что позволит нам не только определить непосредственные потребности гражданского коллектива в данной коллегии, но и глубже понять характер магистратуры *tribuni militum consulari potestate*.

Начнем с того, что вопрос об использовании магистратуры консульских военных трибунов часто был в Риме предметом общественных дискуссий. Тит Ливий вполне определенно рисует картину, согласно которой происходило столкновение сословных интересов по поводу осуществления высшей власти, – вручения ее консулам или консульским военным трибунам. Основными политическими силами в этом противоборстве выступали, с одной стороны, сенат, от которого зависело, вводить или нет консульский трибунат, а с другой стороны, плебейские трибуны, которые стремились оказать на сенаторов давление, не имея права наложить запрет на их действия. При этом, как мы уже отмечали (см. первый параграф главы II), самое мощное средство воздействия – сопротивление набору войска – плебейские трибуны, чаще всего, использовать не могли, ибо набор проводился после избрания высших магистратов. Плебейские вожди в случае неблагоприятного для них политического расклада противодействовали созыву комиций, затягивая выборы, но такая затяжка могла привести к интеррегнуму. Интеррегнум, – период патрицианской монополии на высшую власть, поэтому в историографии нередко такой результат противостояния сенаторов и плебейских трибунов по поводу консульского трибуната рассматривается как

⁵⁴¹ 444, 434, 432, 426 гг. до н. э. См. второй параграф главы II.

⁵⁴² Дементьева В. В. Магистратура диктатора... С. 39-58; Она же. Римское республиканское междоусобице... С. 43-52, 93-112.

победа первых⁵⁴³ Действительно, на период интеррегнума вся полнота власти оказывалась в руках *patres*, однако из десяти интеррегнумов этого времени семь или восемь закончились избранием коллегии консулярных трибунов и только два или три – консулов. Причем, в коллегии 396 г. до н. э., избранной под председательством интеррекса, было пять плебеев и один патриций (CIL. Vol. 1. P. 18; Liv. V. 18. 1-2; Diod. XIV. 90. 1); весьма вероятно наличие одного плебея в коллегии 387 г. до н. э. (Liv. VI. 5. 7), также пришедшей к власти после интеррегнума, а, если считать, что в 444 г. до н. э. интеррегнум имел место не после, а до консулярного трибуната, то следует избрание в эту коллегию плебея (Liv. IV. 7. 1) рассматривать также осуществленным под руководством интеррекса. Иначе говоря, подавляющее большинство междуцарствий изучаемого периода завершилось избранием не консулов, а военных трибунов с консульской властью, к тому же иногда и с участием плебейских представителей. Объяснить этот, казалось бы, странный факт можно тем, что, во-первых, компромиссы были необходимым условием самосохранения общины в ходе сословной борьбы, а во-вторых, сложность ситуаций, породивших интеррегнумы, требовала неординарного способа дальнейшего их разрешения, в том числе и применением особой магистратуры. Заметим, подчеркивая внутреннюю взаимосвязь обоих этих факторов, что при обострении положения взаимные уступки были особенно насущны, а консулярный трибуна́т являлся, безусловно, компромиссным политическим институтом.

Вероятно, плебейские трибуны, пытаясь нажимом на сенат добиться избрания консулярных трибунов, обычно не стремились довести дело до междуцарствия (хотя, не исключено, что и не видели в нем особой беды). То, что не всегда им удавалось склонить сенаторов к постановлению о вручении власти консулярным трибунам, подтверждают наши источники. Однако, всегда ли плебейские трибуны активно добивались этого? Обратимся к объяснению Ливием (который один из античных авторов может нам в этом помочь) причин избрания не консулярных трибунов, а консулов. В 444 г. до н. э. (отмеченном наличием и коллегии консулярных трибунов, и консульской пары), по словам римского историка, плебейские трибуны, хотя они поначалу предлагали консулярный трибуна́т, предпочли все же, опасаясь провала плебейских кандидатур на таких выборах, согласиться на избрание консулов (Liv. IV. 7. 8-9)⁵⁴⁴ К тому же, они считали, что, к какой бы высшей должно-

⁵⁴³ Adcock F. E. Op. cit. P. 11; Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy... P. 452.

⁵⁴⁴ *Interrex ac senatus, consulum comitia, tribuni plebis et plebs, tribunorum militum ut habeantur, tendunt. Vicere patres, quia et plebs, patriciis seu hunc seu illum delatura honorem, frustra certare supersedit, et principes plebis ea comitia malebant, quibus non haberetur ratio sua, quam quibus ut indigni praeterirentur.*

сти не прибегла община, доверить ее в данный момент следует патрициям. Во время избирательной кампании высших магистратов на 442 г. до н. э., по утверждению Ливия, о военных трибунах никаких предложений в сенат не поступало, поскольку авторитет консульской власти был подтвержден деятельностью на благо граждан обоих сословий консула предыдущего года Тита Квинкция Капитолина (Liv. IV. 10. 8-9)⁵⁴⁵. В 441 г. до н. э. плебейский трибун Петелий заставил сенат обсуждать вопрос о том, консулов или консульных трибунов избирать на 440 г. до н. э., но положительного для плебеев решения не добился, поскольку была спокойная внутриполитическая и внешнеполитическая обстановка (Liv. IV. 12. 1-5)⁵⁴⁶. Выборы консулов на 437 г. до н. э. Тит Ливий обуславливает согласием народа и его трибунов с тем, чтобы вручить высшее государственное управление испытанным людям (Liv. IV. 17. 7)⁵⁴⁷. Во всех этих случаях прослеживается отсутствие явного стремления плебейских лидеров добиться перехода к консульскому трибунату, и одновременно нет намека на то, что к консулату прибегали как к антиплебейской мере. Тогда как, по мотивировке Ливия, наоборот, при выборах на 431 г. до н. э. сенат постановил избрать консулов, чтобы сдерживать успехи

Tribuni quoque plebi certamen sine effectu in beneficio apud primores patrum reliquere. (Интеррекс и сенат добивались созыва консульских комиций, плебейские трибуны и плебей - выборов военных трибунов. Победить удалось патрициям, потому что плебей, намереваясь предоставить патрициям либо ту, либо другую должность, отказались от напрасного спора, и лидеры плебеев предпочли те комиции, к которым не имели бы отношения, тем, в которых их бы превзошли как недостойных. И трибуны плебеев оставили безрезультатную борьбу, благоволя знатым патрициям.)

⁵⁴⁵ ...tribunorum militarium nulla mentio his consulibus fuit... (...никаких предложений о военных трибунах при этих консулах не было...)

⁵⁴⁶ *Causa seditionum nequiquam a Poetelio quaesita, qui tribunus plebis iterum ea ipsa denuntiando factus... et cum magno certamine obtinisset ut consulerentur patres, consulum an tribunorum placeret comitia haberi, consules creati iussi sunt; ludibrioque erant minae tribuni denuntiantis se dilectum impediturum, cum quietis finitimis neque bello neque belli apparatu opus esset.* (Однако напрасно искал повода к раздорам Петелий, который опять был избран трибуном плебеев за эти самые требования... и когда упорной борьбой настоял, чтобы отцы совещались, проводить комиции по выборам консулов или, лучше, может быть, трибунов, те приказали избирать консулов; и насмешками были встречены угрозы трибуна затруднить набор, так как на границах был мир, и ни в войне, ни в подготовке к войне не было необходимости.)

⁵⁴⁷ *Itaque ad curam summae rerum quieta plebe tribunisque eius, nihil controuersiae fuit quin consules crearentur M. Geganius Macerinus tertium et L. Sergius Fidenas.* (Итак, в заботе о высшем государственном деле, при спокойствии плебса и его трибунов не было никакого спора о том, чтобы были избраны консулы М. Геганий Мацерин, в третий раз и Л. Сергий Фиденат).

плебейских трибунов (Liv. IV. 25. 14)⁵⁴⁸ Желанием предотвратить избрание плебеев в высшую магистратуру и боязнью масштабных мероприятий в пользу плебеев в случае функционирования консульского трибуната объясняет Ливий и принятие сенатского постановления (в удобный момент, при отсутствии в городе плебейских трибунов) об избрании консулов на 423 г. до н. э. (Liv. IV. 36. 1-3). В период избирания магистратов 413 г. до н. э. сенат также занял активную позицию, не желая выносить решение о выборах консульских трибунов, как отмечает Ливий, из-за опасений, что в их числе окажутся плебеи (Liv. IV. 50. 7)⁵⁴⁹ Спротивление плебейских вождей привело к междуцарствию, которое в данном случае закончилось все же приходом к власти консулов. Тот же мотив превентивных действий сената против избрания консульских трибунов звучит у Ливия применительно к выборам на 409 г. до н. э., на сей раз с конкретизацией, что сенаторы опасались плебейского трибуна Марка Менения, чья популярность, по их мнению, обеспечила бы ему место в коллегии *tribuni militum consulari potestate* (Liv. IV. 53. 13)⁵⁵⁰ Борьбой сената с плебейскими трибунами (вынесшими законопроект о переселении части римских граждан в Вейи) объясняется в тексте Ливия и избрание консулов на 393 г. до н. э., после пятнадцатилетнего перерыва (Liv. V. 29. 1-2)⁵⁵¹ На следующий же, 392 г. до н. э., консулы были избраны без противодействия плебеев, успокоенных решением о разделе между ними вейской земли (Liv. V. 31. 1)⁵⁵²

Таким образом, мы видим, что не всегда плебейские трибуны ставили целью добиться избрания военных трибунов с консульской властью, — они не выдвигали это требование в относительно спокойной внутривнутриполитиче-

⁵⁴⁸ ...apparebatque inritatis animis plebem ad suos studia inclinaturam. Quae ne libera essent, senatus consultum factum est ut consularia comitia haberentur. (...в раздражении плебеи были склонны проявить преданность своим. Чтобы не дать им свободы выбора, был принят сенатусконсульт о проведении консульских комиций.)

⁵⁴⁹ Sed ea contentio ex certamine alio pendeat quod cura incesserat patres ne metu quaestionum plebs iraque tribunos militum ex plebe crearet, tendebantque summa ope ut consules crearentur. (Впрочем, эта борьба произошла из другого соперничества, а именно из-за того, что патриции были озабочены, как бы плебс, в страхе и злобе на следствие не избрал военных трибунов из плебеев, и стремились, прилагая максимум усилий, чтобы были избраны консулы.)

⁵⁵⁰ ...et tamquam haud dubius inter tribunos militum honos Meneni si peteret consularibus comitiis est exclusus. (...и, казалось, что если только Менений не будет колебаться, то, конечно, получит почетную должность среди военных трибунов; чтобы исключить это, были назначены консульские комиции.)

⁵⁵¹ ...quem doloremulti patres sunt senatus consulto facto ut consules... (...за это оскорбление патриции отомстили сенатусконсультом об избрании консулов...)

⁵⁵² Eo munere delenita plebe nihil certatum est quo minus consularia comitia haberentur. (Успокоенный этим даром плебс не стал особенно сопротивляться проведению консульских комиций.)

ской ситуации, при затишье сословных конфликтов. Неиспользование консульного трибуната в отдельные годы следует объяснить не только и не столько недостаточностью «нажима» плебейских трибунов на сенат (тем, что они, как писал С. Стэвели, были «сравнительно тихи»⁵⁵³), а отсутствием потребности в этом «нажиме» из-за стабильности обстановки. При снятии остроты социальной напряженности консулат воспринимался плебеями и их вождями как нормальный орган управления общиной, тем более, если в нем оказывались заслуженные и умудренные политики. Представления в историографии о том, что консулат был абсолютно ненавистен плебеям⁵⁵⁴, мы не можем разделить. К тому же, шансов добиться консульного трибуната в условиях отсутствия военных действий и повода для обострения сословных конфликтов, как показывает пример плебейского трибуна Петелия, они практически не имели. Борьба за консульский трибунал ставилась во главу угла (и могла иметь реальные перспективы успеха) именно в моменты назревших патрицианско-плебейских противоречий, переход к которому мог бы их разрешить. Плебеи возлагали надежды на эту магистратуру как на средство, с помощью которого расширялись возможности осуществления сословных интересов. Патриции, в свою очередь, понимали, что консульный трибунал может служить действенным инструментом проплебейской политики, и, когда потенциальное его использование становилось для них опасным, руками сенаторов пытались этому воспрепятствовать. Подчеркнем еще раз, что противоборство не должно было перейти ту грань, за которой возобладали бы разрушительные для общины тенденции. Взаимные компромиссы, включавшие сам факт перехода к консульскому трибунату, плебейское представительство в нем и политику избранных в него должностных лиц были жизненно необходимы⁵⁵⁵.

Обратимся теперь к мотивировке Ливием избрания не консулов, а военных трибунов с консульской властью, которую он периодически также дает. Так, консульные трибуны на 438 г. до н. э. были избраны как реакция на убийство Спурия Мелия (Liv. IV. 16. 6), обвиненного (что неоднократно практиковалось по отношению к плебейским вождям) в стремлении к царской власти (Liv. IV. 13. 8). Коллегия консульных трибунов 433 г. до н. э. пришла к власти на волне плебейских побед, заключавшихся в ограничении срока цензорских полномочий полутора годами (Liv. IV. 25. 1). На 432 г. до н. э. *tribuni militum consulari potestate* были избраны в чрезвычайной обста-

⁵⁵³ Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate... P. 32.

⁵⁵⁴ Радциг Н. Начало римской летописи // Ученые записки императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. 1904. Вып. 32. С. 88.

⁵⁵⁵ Компромиссами характеризуются взаимоотношения сословий и в периоды введения диктатуры. См.: Дементьева В. В. Политика римских диктаторов в обстановке обострения сословной борьбы (V-III вв. до н. э.) // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 23-32; Она же. Магистратура диктатора... С. 103-116.

новке страшной эпидемии и страха перед голодом, так что Ливий пишет, используя характерный для него оборот: «о консульских комициях никакого предложения внесено не было» (Liv. IV. 25. 4)⁵⁵⁶ В 426 г. до н. э. военные трибуны получили консульские полномочия как закрепление успехов плебеев, настоявших на голосовании об объявлении войны Вейям в народном собрании (Liv. IV. 30. 15-16). Выборы военных трибунов с консульской властью на 420 г. до н. э. Ливий описывает как достижение сословного компромисса, на который патриции пошли в обмен на невмешательство плебейских трибунов в избрание четырех квесторов (Liv. IV. 43. 11-12). Длительная борьба за консульский трибунат 408 г. до н. э. (поскольку началась она задолго до окончания предыдущего административного года, то плебейские трибуны могли в ее ходе даже оказывать сопротивление воинскому набору) привела к сенатскому решению об избрании желанной для плебеев коллегии (Liv. IV. 55. 5), чему способствовали военные неудачи консулов предыдущего года (Liv. IV. 55. 4). Избрание военных трибунов с консульской властью на 407 г. до н. э. Ливий трактует как реакцию таких же должностных лиц предшествовавшей коллегии на назначение диктатора, лишившего их возможности добыть военную славу, – возобновив свою власть после сложения диктаторских полномочий, они проигнорировали возможность консульских выборов (Liv. IV. 57. 9)⁵⁵⁷ Суммирование имеющихся указаний Ливия на предпосылки избрания коллегий консулярных трибунов, а не консулов, дает основание утверждать, что плебеи и их лидеры добивались этого в условиях, во-первых, явно выраженного недовольства деятельностью сената и патрицианских магистратов (в том числе и внутренней политикой, и военными поражениями, и личными амбициями); во-вторых, на гребне предшествовавших плебейских побед, как развитие и закрепление их; в-третьих, как проявление взаимного компромисса, когда плебейские трибуны, в свою очередь, шли на уступки патрициям в других вопросах; в-четвертых, в обстановке стихийных бедствий, грозящих социальными осложнениями. Следовательно, плебеи реально получали желательную для них магистратуру консулярных трибунов только в чрезвычайной обстановке, в чем бы она не выражалась: в подъеме сословной борьбы, военных неудачах или эпидемиях.

Более того, мы должны отметить, что, по свидетельству Ливия, сам сенат, а не плебейские трибуны, мог быть инициатором перехода к консулярному военному трибунату, когда обстановка крайне обострялась. Так, на 422 г. до н. э. сенат приказал избрать военных трибунов с консульской властью,

⁵⁵⁶ *Consularium comitiorum nulla mentio habita est...*

⁵⁵⁷ *Tribuni militum, mentione nulla comitiorum consularium habita, credo, ob iram dictatoris creati, tribunorum militum comitia edixerunt.* (Военные трибуны, не сделав никакого предложения о проведении консульских комиций, - я полагаю в гневе на назначение диктатора, - объявили комиции по выборам военных трибунов.)

негодую на действия консула предыдущего года Гая Семпрония Атратина, поставившего государство на грань тяжелого военного поражения (Liv. IV. 42. 2)⁵⁵⁸.

Итак, у нас складывается вполне определенное впечатление, что в Риме вопрос о применении консульского трибуната остро вставал и, тем более, положительно решался, только когда *civitas* переживала напряженные моменты. Стимулировали его использование, как правило, плебейские трибуны, действовавшие от имени своего сословия, которому был открыт доступ в эту магистратуру. В затруднительных для общины обстоятельствах патрицианские сенаторы не только соглашались на это, но, как показывает последний, приведенный нами, пример, могли и сами проявлять инициативу в передаче высшей власти консульным трибунам.

Остановимся теперь на рассмотрении собственно деятельности *tribuni militum consulari potestate*. Не всегда мы можем судить о ней сколь-нибудь определенно; например, сведений о конкретных политических шагах данных магистратов 434 и 376 гг. до н. э. нет. Однако о мероприятиях членов этой коллегии большинства лет источники (по существу один Ливий, да еще Диодор о периоде галльского нашествия, – Diod. XIV. 113-117) нам все же сообщают с разной степенью детализации.

Систематизация сведений Ливия дает следующую картину. Фактически половина от общего числа коллегий консульных трибунов должна была так или иначе реагировать на обострение сословных противоречий. Далеко не всегда Ливий прямо говорит о непосредственном вмешательстве консульных трибунов в социальные конфликты, но в его описании не менее двадцати четырех лет из пятидесяти одного года, в которые они избирались, характеризуются межсословной конфронтацией. Изложим кратко ее проявления в годы консульского трибуната.

432 г. до н. э. – явная обстановка сословного напряжения, остро стоит проблема доступа плебеев к высшим должностям, в том числе избрания в консульный трибунат (Liv. IV. 25. 9-14). Нарастание противостояния по тому же поводу происходит и в 424 г. до н. э. Потенциальные плебейские кандидаты на должность консульных трибунов обещали мероприятия в пользу плебеев (раздел общественного поля, вывод новых поселений, обложение налогом владельцев земель с целью выплат денег воинам), что заставило консульных трибунов экстренно и тайно создать сенат для принятия постановления об избрании консулов (Liv. IV. 35. 5-11; 36. 1-2). 422 г. до н. э. отмечен активностью плебейского трибуна Луция Гортензия, требовавшего суда над консулом предшествовавшего года Гаем Семпронием (Liv. IV.

⁵⁵⁸ ...senatus cum odio Semproni consulare nomen offenderet, tribunos militum consulari potestate creari iussit. (...сенат из-за ненависти к Семпронию нанес удар по консульскому званию и приказал избрать военных трибунов с консульской властью.)

42. 3-9), а 420 г. до н. э. – яростью плебейских трибунов по поводу избрания квесторами представителей их сословия (Liv. IV. 44. 3-6). Тот же 420 г. до н. э. (Liv. IV. 44. 7), а также 417 – 414 гг. до н. э. связаны с обострением земельного вопроса. 417 г. и 416 гг. – раздоры, по определению Ливия, из-за земельных законов (Liv. IV. 47. 7-8). Плебейские трибуны требовали раздела захваченной у неприятеля земли между всеми плебеями поименно, консулярные военные трибуны пытались оказать им сопротивление (Liv. IV. 48. 1-4.), но не находили выхода из создавшегося положения (Liv. IV. 48. 4)⁵⁵⁹ Только путем воздействия на часть плебейских трибунов удалось противостоять этим требованиям (интересно, что эти плебейские трибуны мотивировали запрет на предложения своих товарищей по должности угрозой распада государству в случае принятия такого предложения – Liv. IV.48. 15). В 415 и 414 гг. до н. э. плебейские трибуны, соответственно Луций Деций и Марк Секстий, выносили законопроекты о выведении поселенцев в Болы (Liv. IV 49. 6; 49. 11). Консулярные трибуны участвовали в дискуссиях по этому поводу; чаще всего Марк Секстий, чтобы возбудить неприязнь к патрициям, вызывал на словесные состязания военного трибуна Постумия (Liv. IV 49. 12)⁵⁶⁰ Начавшиеся волнения в военном лагере привели к тому, что Марк Постумий был побит камнями. Разгорелся конфликт между военными трибунами и плебейскими (первые потребовали расследования обстоятельств смерти их коллеги, вторые препятствовали этому); параллельно проходившие дискуссии вокруг вопроса о высших магистратах следующего года привели к междуцарствию (Liv. IV 50. 7-8).

Конец V в. до н. э. отмечен активизацией деятельности плебейских трибунов, выразивших недовольство плебейских масс, уставших от непрерывных войн. В 406 г. до н. э. на этой почве произошли волнения плебейской молодежи (Liv. IV. 58. 9-14); кроме того, плебейские трибуны не поддержали закон, предложенный сенаторами, чтобы воины получали жалованье из казны, полагая, что он приведет к дополнительному налоговому бремени (Liv. 59. 11-60. 4). В 403 г. до н. э. плебейские трибуны протестовали против строительства зимнего лагеря под Вейями (осада надолго бы отвлекла молодежь от участия в общественной жизни – Liv. V. 2. 1-8), нападая на военных трибунов с консульской властью, что именно они хотят сделать воинскую службу вечной (Liv. V. 2. 9-10). Жесткая позиция по отношению к военным трибунам со стороны плебейских (вплоть до угрозы заточения) имела место

⁵⁵⁹ Nec tribuni militum, nunc in senatu, nunc [in] conciliis privatis principum cogendis, viam consilii inveniebant... (Теперь же военные трибуны ни в сенате, ни на частных собраниях знати, не находили пути решения...)

⁵⁶⁰ ...neminem ex collegio tribunorum militum saepius quam Postumium in disceptationem trahebat. (...никого из коллегии военных трибунов, чаще чем Постумия, на дебаты не приводил.)

и в 402 г. до н. э., преследовавшая в данном случае цель заставить высших магистратов подчиниться решению сената о их досрочной отставке из-за военных поражений (Liv.V. 9. 4). В 401 г. до н. э. плебейские трибуны собирали народ на сходки, выступая против затягивания войны и плохого ее ведения, платы воинам, установленной, чтобы, как они утверждали, «известить одних службой, а других – податями» (Liv.V. 10. 6). Бушевали также общественные страсти вокруг возможности пополнения числа плебейских трибунов из патрициев (Liv.V. 10-11), в выступлениях говорилось о попрании священных законов и растоптанной власти плебейских трибунов (Liv.V. 11. 3). Нагнетался ажиотаж и вокруг суда над консульскими трибунами предшествовавшего года (Liv.V. 11. 4-11). Некоторая разрядка напряженности наметилась только в 400 г. до н. э., когда на радостях от избрания плебея в консульский трибунал плебейские трибуны уступили в вопросе о подати, не возражая против ее сбора (Liv. V. 12. 13).

Первая треть IV в. до н. э., на протяжении которой консульские военные трибуны избирались регулярно, за исключением 393 и 392 гг. до н. э., ознаменована дальнейшим нарастанием сословного противостояния. Для 397 г. до н. э. Ливий отмечает столкновения патрициев и плебеев, порождавшие беспокойную обстановку в Риме (Liv. V. 16. 2); противодействие плебейских трибунов воинскому набору, проводившемуся консульскими трибунами (Liv. V. 16. 5). Беспокойным внутренним положением характеризовался и 395 г. до н. э. – распри в городе из-за раздачи земли в колониях на территории вольсков (Liv. V. 24. 4) и борьба вокруг предложения о переселении части граждан в Вей (Liv. V. 24. 5-8; 25. 1). Земельный вопрос выдвигался плебейскими трибунами, собиравшими народ на сходки, в 388 и 387 гг. до н. э. (Liv. VI. 5. 1-5; 6. 1). 385 и 384 гг. до н. э. – движение Марка Манлия за решение долговой проблемы и другие меры в пользу плебеев (Liv. VI. 11. 7-9; 18. 1-2). Долговой вопрос был одной из причин активных действий плебейских трибунов 380 г. до н. э.; кроме того, они выступали против неизбрания цензоров и постоянных войн (Liv. VI. 27. 6-8). Из-за роста задолженности в этом же году в Риме происходили волнения (Liv. VI. 27. 9-11), отмеченные Ливием и в 378 г. до н. э. (Liv. VI. 31. 1-2). Плебейские трибуны оказывали сопротивление набору, чтобы добиться отсрочки уплаты налогов и приостановки судебных исков о долгах (Liv. VI. 31. 4). В 377 г. до н. э. крайнее обострение долгового вопроса привело к политической апатии масс (Liv. VI. 34. 1-5). Но в 375 г. до н. э. плебейские трибуны Гай Лициний и Луций Секстий предложили свои известные законопроекты о снятии долгового бремени, о земельном ограничении и о паритете сословного представительства в консулате (Liv. VI. 35. 4-5). После пятилетнего, по Ливию, отсутствия высших магистратов, при возобновлении консульского трибунала, с 369 по 367 гг. до н. э. продолжалась упорная борьба по поводу законов Лициния – Секстия

(Liv. VI. 36. 7; 38. 3), закончившаяся их принятием и ликвидацией должности военных трибунов с консульской властью.

Таким образом, на период существования консульского трибуната приходится важный этап сословной борьбы патрициев и плебеев, в ходе которой эта магистратура возникла, была объектом столкновения интересов при переходе к ней, рассматривалась как отвечающая чаяниям плебеев, имевших в нее доступ, и к ней община прибегала в случаях обострения конфликтов. Но, что весьма интересно, в момент нахождения консульских военных трибунов у власти они неоднократно оказывались подвержены нападкам плебейских трибунов как носители верховных полномочий, которые во многом определяли государственную, в том числе и социальную политику. Недовольство этой политикой проявлялось в критике деятельности консульских трибунов, а те, в свою очередь, должны были исходить из интересов общины в целом, оказывать сопротивление наиболее радикальным шагам плебейских трибунов (например, проводить набор в условиях военной опасности, несмотря на противодействие ему). К тому же, патрицианские, по преимуществу, коллегии консульских трибунов в своих мероприятиях иногда ставили на первый план интересы своего сословия (424 г. до н. э. и др.). Все это приводило к неоднозначной роли изучаемой магистратуры в конкретных событиях сословного противостояния, но не приходится сомневаться, что в стороне от них она не стояла, и в целом, была призвана, смягчая конфликты, быть стабилизирующим фактором римской *civitas*. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в рассматриваемый период сословие плебеев не представляло собой единой социальной группы. Как отмечала И. Л. Маяк, «время между второй половиной V и второй третью IV в. можно выделить как период интенсивной дифференциации плебейства и слияния плебейской знати с патрициями»⁵⁶¹ Этот процесс нашел отражение и в непосредственном практическом использовании консульского трибуната, в котором имела представительство именно плебейская верхушка.

Рассмотрим теперь другую, не менее важную, сторону применения на практике должности *tribuni militum consulari potestate*, – проведение военных действий. С этой целью сжато перечислим основные военные события, происходящие на время нахождения у власти консульских трибунов. Впервые они зафиксированы у Ливия для 426 г. до н. э., когда консульские трибуны вели войну с Вейями, демонстрируя, как вредно на войне наличие многих высших руководителей (Liv. IV. 31. 2-3), что заставило общину прибегнуть к диктатуре. В 418 г. до н. э. двое из трех консульских трибунов вели военные действия с жителями г. Лабики (Liv. IV. 45. 7-8); соперничество между военачальниками, поражение войск под руководством консульского трибуна

⁵⁶¹ Маяк И. Л. Ранняя республика в Риме // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 361.

Луция Сергия Фидената имели следствием назначение диктатора (Liv. IV. 46. 1-10). На 415 г. до н. э. приходится война с жителями Лация боланцами (Liv. IV. 49. 3-5), а на 414 г. до н. э. – с эквами, которой руководил военный трибун Марк Постумий Регилльский (Liv. IV. 49. 8), одержавший победу над Болами, но озлобивший войско (Liv. IV. 49. 9-10). Войной с эквами отмечен также 408 г. до н. э., в котором воевали еще и с вольсками, в конечном счете предоставив командование диктатору (Liv. IV. 56. 4-8). Вольски выступают в описании Ливия главным врагом и в 407 г. до н. э. (Liv. IV. 58. 3); консульские военные трибуны допускают ошибку, промедлив с посылкой подкреплений. (Liv. IV. 58. 4).

В 406 г. до н. э. начинается война с вейянами (Liv. IV. 58. 6), дополненная тем, что военным трибунам поручили возглавить нападение на земли вольсков (Liv. IV. 59. 1). На следующий 405 г. до н. э. консульские трибуны организуют осаду Вей (Liv. IV. 61. 1). Именно с этим фактом исследователи обычно связывают увеличение числа коллег до шести человек, но сам Ливий об этом не пишет, хотя и называет шесть имен. Осада продолжалась не слишком успешно в 404-396 гг. (Liv. IV. 61. 3-10; V. 1. 1; V. 8. 2; V. 13. 9; V. 14. 6; V. 16. 1), а в 402 г. до н. э. консульские трибуны потерпели даже позорное поражение, после которого сенаторы потребовали немедленно их переизбрать (Liv. V. 9. 1). Наконец, провозглашенный диктатором Марк Фурий Камилл взял Вей (Liv. V. 18. 7-9). Пока длилась осада Вей, консульские трибуны вели также военные действия с вольсками в 404 и 401 гг. до н. э. (Liv. V. 61. 3-10; V. 10. 2), с жителями Капен в 401, 398, 397, 396 гг. (Liv. V. 10. 2; V. 14. 6; V. 16. 1; V. 18. 7-9;) и Фалерий в 401, 398 гг. до н. э. (Liv. V. 10. 2; V. 14. 6), с фалисками в 399, 397 и 396 гг. до н. э. (Liv. V. 13. 9; V. 16. 1; V. 18. 7-9). С капенцами и фалисками консульские трибуны воевали также в 395 г. (Liv. V. 24. 1-3); с последними сражался и в следующем году избранный на 394 г. до н. э. консульским трибуном Камилл (Liv. V. 26. 3). Его коллеги Гай Эмилий и Спурий Постумий руководили операциями против эквов (Liv. V. 28. 5-12). В 391 г. до н. э. – консульские трибуны осуществляли военные действия против вольсинийцев и саппинатов (Liv. V. 32. 2).

390 г. до н. э. принес тяжесть галльского нашествия и поражение римского войска под руководством консульских трибунов; избрание Камилла диктатором привело к спасению родины. (Liv. V. 37-39; 46; Diod. XIV. 113-116). 389 г. до н. э. – активизировались вольски и этруски (Liv. VI. 2. 1; Diod. XIV. 117), а после отпадения союзников, латинов и герников, опять назначили диктатором Камилла. В 388 г. до н. э. произошло взятие консульскими трибунами этрусских городов, опустошение территории эквов (Liv. VI. 4. 8). В 386 г. до н. э. военные действия велись против жителей Антия, этрусков и эквов (Liv. VI. 6-10), а в 385 и 383 гг. до н. э. против вольсков. (Liv. VI. 11. 2; VI. 21. 2). 382 г. до н. э. отмечен военными походами консульских трибунов против Велитр и пренестинцев (Liv. VI. 22. 1-4), с последними воевали также

в 380 г. до н. э. (Liv. VI. 28. 1-2), когда срочно пришлось провозглашать диктатора. Войны с вольсками зафиксированы Ливием в 381 г. до н. э. (поручена вне очереди Марку Фурию Камиллу и по жребию – Луцию Фурию – Liv. VI. 22. 6), 379 г. до н. э. (Liv. VI. 30. 3), 378 г. до н. э. – (Liv. VI. 31. 3), 377 г. до н. э., дополненная военными действиями с латинами (Liv. VI. 32. 4-5). Наконец, начавшаяся в 370 г. до н. э. осада Велитр продолжалась и при консулярных трибунах последних трех лет существования этой магистратуры (Liv. VI. 36. 4-5 ; 36. 6; 42. 4).

Итак, получается, что тридцать пять лет из приходящихся на конституционную жизнь консулярного трибуната пятидесяти одного года были сопряжены с военными действиями, то есть более двух третей всех коллегий данных магистратов руководили походами и сражениями. Относительно мирными годами могут считаться 444, 438, 433, 432, 425, 424, 422, 420, 419, 417, 416, 387 и 384 гг. до н. э. Этот перечень лет, в которых, по нашим представлениям, отсутствовали активные военные действия, совпадает с аналогичным списком Р. Ридли⁵⁶². Немного менее полный список мирных лет с консулярным трибунатом содержится в статье С. Стэвели (438, 434, 433, 432, 425, 424, 420, 419, 417, 416, 384 гг. до н. э.)⁵⁶³. Предлагаемый Э. Ференци другой вариант его (422, 420, 419, 418, 417, 416, 415, 414 гг. до н. э.) не кажется нам верным и полным, ибо 415 и 414 гг. отмечены у Ливия, как мы видели, военными сражениями, тогда как ряд лет, для которых военные действия не упомянуты, в перечень Э. Ференци не включены⁵⁶⁴. В двух годах из перечисленных нами консулярные трибуны целенаправленно предотвращали военные действия. По свидетельству Ливия, в 444 г. до н. э. благодаря деятельности военных трибунов с консульской властью был установлен мир (Liv. IV. 7. 1)⁵⁶⁵, хотя одновременно он упоминает в предыдущем году войну с эквами и вольсками, оставляя не вполне ясным, прекратилась ли она до начала следующего административного года (Liv. IV. 7. 2). В 425 г. до н. э. военные трибуны заключили перемирие с вейянами на 20 лет, с эквами – на три года (Liv. IV. 35. 2).

Еще как минимум четыре года из приведенного списка могут быть отнесены к тем, когда угроза войны была совершенно определенной. В 438 г. до н. э. произошло отпадение Фиден, убийство римских послов, опасность войны с фиденянами и вейянами была реальной (Liv. IV. 17. 1-6). В 432 г. до н. э. вольски, эквы и этруски обсуждали вопрос о военных действиях против Рима, но они были отложены на год (Liv. IV. 25. 7-8). Эквы в союзе с лати-

⁵⁶² Ridley R. T. The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy... P.456.

⁵⁶³ Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate... P. 32.

⁵⁶⁴ Ferenczy E. From the Patrician State... P. 35.

⁵⁶⁵ ...quorum in magistratu concordia domi pacem etiam foris praebuilt. (...в бытность которых магистратами было обеспечено согласие на родине, а также мир за ее пределами.)

нами г. Лабик готовились к войне с римлянами в 419 г. до н. э.; консульские трибуны отправили послов в Лабик и поручили тускуланцам следить за подготовкой жителей Лабик к войне (Liv. IV. 45. 3-4). Со стороны этрусков угроза войны нависла в 387 г. до н. э., кроме того, сами римляне вынашивали планы военных мероприятий против герников и латин (Liv. VI. 6. 2).

Следовательно, из тринадцати мирных лет с консульским трибуналом, шесть характеризуются либо нависшей опасностью войны и подготовкой к ней, либо мерами, предотвращавшими ее. Иначе говоря, сфера *militiae* не была вне внимания консульных трибунов даже в годы относительного военного затишья, и, в совокупности, более сорока их коллегий в той или иной степени и форме были задействованы на этом поприще.

Интерес представляет сопоставление перечня мирных с точки зрения внешнеполитического положения лет с годами обострения социальных противоречий. Картина вырисовывается следующая: 444 г. до н. э. – консульские трибуны впервые приходят к власти в результате успеха плебеев, получивших серьезную уступку от патрициев; 432, 425, 424, 422, 420, 419, 417, 416, 387 и 384 гг. до н. э. – все отмечены обострением сословной борьбы (см. выше), то есть были далеко не мирными с точки зрения внутреннего положения. Получается, что только для 438 и 433 гг. до н. э. у нас нет сведений ни о военных действиях консульных трибунов, ни о межсословных конфликтах, к которым они неминуемо бы имели отношение. Но в 438 г. до н. э. угроза военных действий нависла вполне ощутимо, что допускает трактовку избрания консульных трибунов этого года для военных целей. Информация же о деятельности военных трибунов с консульской властью в 433 г. до н. э. столь скудна, что, вероятнее всего, не отражает ее всесторонне. В любом случае, можно с уверенностью утверждать, что первоочередными задачами непосредственной деятельности консульных трибунов было решение вопросов, связанных с военными действиями и урегулированием социально-политических конфликтов внутри общины. Вероятно также, что потребность их решения и заставляла гражданский коллектив использовать именно эту магистратуру: численно подвижная, она могла обеспечить командующими большее количество театров военных действий; компромиссная по своей сути, она могла быть гораздо более полезной для снятия крайних проявлений сословной борьбы. Поэтому неудивительно, что на нее возлагались особые надежды. Другое дело, – всегда ли эти надежды оказывались оправданными.

Анализ результатов военной деятельности консульных трибунов был проведен Рональдом Ридли, мы в данном случае сошлемся на его выводы⁵⁶⁶ Военные трибуны с консульской властью часто терпели серьезные

⁵⁶⁶ Ridley R. T. The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy... P. 459.

поражения: от вейян (426, 403, 402 гг. до н. э.), эквов (418), фалисков (396), вольсков (379), и самое тяжелое от галлов (390). Победы же их Ливий обычно характеризует как незначительные: они выиграли сражения у эквов (414, 394), вольсков (406), фалисков (399), вольсинийцев (391), под Велитрами (382), у латин (377). Две осады, которые предприняли консулярные трибуны, Вей и Велитр, также были далеко не блестящими. Неэффективность и опасность множественного империя на войне Ливий особенно подчеркивал (Liv. IV. 31. 2; IV. 46. 10)⁵⁶⁷ Замена консулярных трибунов в роли главнокомандующих на единоличного диктатора, имевшая место свыше десятка раз, уже отмечалась нами. Применение магистратуры *tribuni militum consulari potestate* в условиях военного времени, в целом, по всей видимости, себя не оправдало. Практика показала, что эксперимент консулярного трибуната с точки зрения исхода военных кампаний не дал ожидаемого результата; военная эффективность диктатуры в критических обстоятельствах оказалась несравненно выше, что, вероятно, и привело к ее сохранению, тогда как консулярный трибунал был упразднен. Что касается использования магистратуры консулярных трибунов как инструмента снятия социального напряжения, то действенность его была, судя по всему, гораздо ощутимее, чем в военной области. Сам факт перехода к консульскому трибунату в условиях сословной борьбы мог погасить вспышку недовольства, тем более этому способствовало избрание в коллегию плебеев, не говоря уже о более гибкой социальной политике, которую данные магистраты имели возможность проводить. Как компромиссный орган высшей исполнительной власти консулярный трибунал не только сам стал вехой в сословной борьбе, но способствовал закреплению и других ее результатов.

Внутриполитические мероприятия консулярных военных трибунов не ограничивались участием в обсуждении сословных проблем и поиском их решений. Как и другие высшие магистраты, они должны были заниматься административными вопросами. Так, в 433 г до н. э. в обстановке эпидемии чумы и голода они организовали экспедицию за хлебом на Сицилию (Liv. IV. 5. 4), в 424 г. до н. э. военные трибуны устроили игры, обещанные во время войны, собравшие много соседей (Liv. IV. 35. 3), в 396 г. до н. э. проводили Латинские игры (Liv. V. 19. 1). После галльского вторжения консулярные трибуны в 389 г. до н. э. были заняты сбором уцелевших от пожара договоров и законов. Естественно, что обычные их обязанности включали в себя, как и у других магистратов с империем, прием послов (Liv. IV. 45. 5), проведение избирательных кампаний низших магистратов (Liv. IV. 44. 2). Им

⁵⁶⁷ ...tres dilectu habito profecti sunt Veios, documentoque fuere quam plurium imperium bello inutile esset. (...трое, произведя набор, отправились к Вейям и явили поучительный пример того, как множественный империй на войне вреден.)

приходилось сталкиваться и с проявлениями не патрицианско-плебейских, а иных социальных конфликтов: в 419 г до н. э. рабы, по свидетельству Ливия, сговорились поджечь город одновременно в разных местах, но не смогли свой план осуществить (Liv. IV. 45. 1-2). Таким образом, в гражданско-административной сфере военные трибуны с консульской властью занимались текущими неотложными вопросами, как и другие ординарные и чрезвычайные магистраты. Нам не кажется верным утверждение Энн Боддингтон, что шесть держателей империя были ценны в условиях военного времени, но шесть должностных лиц, занятых внутренними делами, могли причинить административный хаос⁵⁶⁸. То, что римская община уже испытывала потребность в более чем двух должностных лицах свидетельствует создание претуры после упразднения консульского трибуната, увеличение количества должностей и численности магистратов на протяжении IV в до н. э. Принимая во внимание слова Теодора Моммзена, что введением претуры «достигалась изначальная цель консульрного трибуната, *in plures distributum consulare imperium*, но другим путем и через постоянный орган»⁵⁶⁹, можно отнести возникновение потребности в увеличении числа высших магистратов к середине V в. до н. э.

Итак, анализ использования магистратуры консульрных военных трибунов в государственной практике римской общины, конкретных действий данных магистратов, позволяет сделать вывод, что должность *tribuni militum consulari potestate* всегда применялась в обстановке внешних войн или внутренних социально-политических осложнений (а нередко при сочетании того и другого), то есть в условиях повышенной опасности, иначе говоря – чрезвычайных. То, что весь период конституционной жизни консульрного трибуната являлся предельно насыщенным как военными действиями, так и сословными конфликтами, не опровергает этот тезис, а, наоборот, подтверждает его, ибо именно в такой период магистратура консульрных трибунов была создана и оказалась постоянно востребованной. При этом она не вытеснила консулат, который один оставался высшей ординарной должностью, но применялся сравнительно нечасто, поскольку весьма редко римская община в это время жила относительно спокойно. После принятия законов Лициния - Секстия изменилось внутреннее социальное положение, так как были удовлетворены важнейшие экономические и политические требования плебеев; отношения в гражданском коллективе перестали постоянно порождать экстремальную ситуацию. Высвобождение консулов от обязанностей судопроизводства при создании претуры расширило для них возможности

⁵⁶⁸ Boddington A. Op. cit. P. 363.

⁵⁶⁹ Mommsen Th. Römische Staatsrecht... S. 175.

военного командования, которое, к тому же, можно было при необходимости поручить также и претору. В случае же критического военного положения и консулы, и претор подчинялись диктатору, чем достигалось сочетание нескольких опытных полководцев с необходимым единоначалием в руководстве войском. Консулярный трибунал во многом способствовал этим, проведенным в 60-х гг. IV в. до н. э., социально-политическим и конституционным изменениям, продемонстрировав плюсы и минусы своего функционирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предельно насыщенный бурными событиями период римской истории, охватывающий, если фиксировать политико-правовые рубежные точки, промежуток от законодательства XII таблиц до законов Лициния – Секстия, ключевую роль в регулировании общественной жизни *civitas* исполнительной властью сыграл консулярный (консульский) военный трибунат.

Название магистратуры, донесенное до нас античной традицией в виде *tribuni militum consulari potestate* (*tribuni militum consulari imperio*, *tribuni consulares*, *tribuni militum pro consulibus*), на наш взгляд, следует признать синхронным ее существованию и, более того, отражающим суть полномочий консулярных трибунов. Наша историческая реконструкция консулярного трибуната имеет в основании утверждение, которое представляется нам безусловно доказанным, что члены этой коллегии были магистратами с империем со всеми вытекающими отсюда последствиями, и каждый из них, независимо от сословной принадлежности, был наделен правом ауспиций. При этом мы полагаем, что никаких ограничений, ни в сакральной, ни в гражданской, ни в военной сфере действие их империя не имело, в том числе не существовало запрета проведения ими триумфов. На объяснение причин этого якобы запрета в историографии было потрачено немало усилий, в общем-то, по нашему мнению, ненужных (хотя мы не принимаем их конечных результатов), поскольку каждая из отвергаемых нами концепций помогла углубить представление о главных чертах должности консулярных трибунов. Мы считаем ее курульной, а избиравшихся в нее лиц магистратами-эпонимами, компетенция которых по объему ни в чем не уступала консульской.

Признавая консулярных трибунов носителями высшей исполнительной власти, мы в нашей исторической модели рассматриваем их как экстраординарных магистратов, как особое звено в системе чрезвычайных органов римского конституционного устройства. Именно потребности римской общины в новой магистратуре, предназначенной для деятельности в условиях очень сложного периода напряженных отношений внутри гражданского коллектива и постоянных внешних войн (призванной оптимизировать эту деятельность сочетанием коллегиальности и чрезвычайности) явились, в нашем понимании, причинами возникновения консулярного трибуната. Абсолютизация изолированно взятых в качестве причин появления должности отдельных факторов (сословная борьба, военные действия, конкуренция патрицианских родов за власть), широко представленная в историографии проблемы, дает, на наш взгляд, неизбежно однобокую картину. Дискуссии о том, какой из этих факторов обусловил возникновение консулярного трибуната бесперспективны, ибо источники не позволяют полностью принять или совершенно отвергнуть многие точки зрения, тогда как признание чрезвычайного характера данной должности дает возможность не игнорировать ни один из них и согласовать большинство имеющихся концепций.

Стремление гражданского коллектива использовать в трудных обстоятельствах коллегиальную должность, созданную на основе сословного компромисса, породило, назовем это «феномен консульского трибуната», когда нововведение в системе экстраординарных магистратур привело к видоизменению функционирования всей исполнительной власти. Поскольку, во-первых, чрезвычайное положение римской общины во второй половине V – первой половине IV вв. до н. э. носило хронический, затяжной характер, а, во-вторых, процесс формирования структур ординарной власти еще не закончился и не был приведен в соответствие с политическими потребностями, магистратура военных трибунов с консульской властью стала применяться очень часто. Плебейские трибуны боролись за нее иногда только для того, чтобы исключить консульскую магистратуру, накаля обстановку и доводя до обострения сословное противостояние. В какой-то мере должность консульских трибунов даже начала подменять консулат из-за отставания его назревшего реформирования, – в частности, явно запаздывало претворение в жизнь давно поставленного в повестку дня требования участия в нем плебеев. Это обусловило в дальнейшем восприятие магистратуры военных трибунов с консульской властью в качестве постоянной, чему способствовали также годичность и коллегиальность, сближавшие ее с ординарными должностями, но не являвшиеся характеристиками исключительно последних.

Подтверждают неординарный характер магистратуры консульских трибунов случаи функционирования в одном и том же административном году, как ее самой, так и консулата, сохранение консульской должности в качестве ординарной даже при ежегодном использовании консульского трибуната на сравнительно длительных хронологических отрезках, а также целевое назначение и конкретная деятельность магистратов, – анализ показывает, что практически все коллегии заняты были решением обострившихся социально-политических или внешнеполитических вопросов.

Признание консульского трибуната чрезвычайной магистратурой означает наше несогласие с имеющейся в литературе его трактовкой в качестве этапа становления высшей ординарной должности. Он был фактором формирования системы экстраординарных магистратур, а, значит, исполнительной власти в целом, но он не был, на наш взгляд, непосредственной ступенью в складывании консулата. Другое дело, что опосредованно он повлиял на реформирование консульской магистратуры, как и вообще на оформление римской республиканской государственности в ее классическом варианте.

Сложный период в социально-политической истории Римской Республики, на который приходится существование консульского трибуната, не был, вместе с тем, периодом конституционного кризиса, как это иногда представляется исследователям, усматривающим проявления такового в наличии одновременно двух высших ординарных, по их мнению, магистратур, – консульской и консульских трибунов. Это был период формирования рес-

публиканской государственной системы с неизбежными «болезнями роста», однако перманентно кризисное внешнеполитическое положение и почти не уменьшавшийся повышенный накал межсословных отношений не тождественны конституционному кризису. Наоборот, неуклонное, хотя и не быстрое, совершенствование политического устройства сыграло ведущую роль в преодолении и внешней угрозы, и деструктивных тенденций внутри гражданского коллектива. Если бы социальная конфронтация и непрерывная военная опасность были дополнены конституционным кризисом, римская община вряд ли бы имела шансы выжить и укрепиться.

Введенный в римскую конституцию на основе специального закона (*lex de tribunis militum consulari potestate creandis*) 445 г. до н. э., консульский трибунал оказался необходимым элементом государственного устройства только в период складывания политической системы, на этапе поиска наиболее эффективных способов руководства общиной. В нем соединились и переплелись как давно возникшие принципы организации управления *civitas*, так и определенные новшества, ранее не применявшиеся приемы регулирования государственного механизма.

Много традиционных моментов находим мы в порядке избрания и отставки военных трибунов с консульской властью: достаточность сенатско-консульта для перехода к этой магистратуре (при отсутствии возможности запрета со стороны плебейских трибунов), голосование по каждой кандидатуре в центуриатных комициях под председательством магистрата с империем, принятие *lex curiata de imperio* на куриатных собраниях, использование сенатом политических и сакрально-правовых инструментов для досрочного прекращения полномочий.

Принципиально новой чертой явилась численная гибкость магистратуры, ее количественная подвижность, причем не только изменения максимального числа членов коллегии с течением времени в сторону увеличения (принимавшиеся решением центуриатных собраний), но возможность «количественного маневра» в установленных пределах, которая отличает ее от всех других и определяет особую востребованность именно в сложных обстоятельствах. Мы не поддерживаем широко представленную в исследовательской литературе гипотезу о том, что нормальным и максимальным числом мест в коллегии было шесть, а все случаи большего их количества есть результат присоединения в источниках к спискам консульских трибунов имен цензоров, контаминации списков и интерполяции имен. В нашей работе сделан вывод о нестабильности численного состава консульского трибунала, которая, судя по всему, во многом определила специфику магистратуры.

Важной особенностью должности *tribuni militum consulari potestate* явилось также право для плебеев иметь своих представителей в ней. Уже одно это опровергает утверждение Н. И. Крылова, едва ли не самого первого из российских авторов, уделивших внимание, пусть и в нескольких строчках,

консулярному трибунату, что магистратура эта была в Риме «самой ненавистной»⁵⁷⁰ Наоборот, она воспринималась как желательная широкими массами граждан. Хотя плебейское участие в экстраординарной коллегии магистратов с империем было ранее известно (вторая коллегия децемвиров), тем не менее, возможность систематически баллотироваться на высшую должность плебеи получили именно при создании консулярного трибуната. Уже первая коллегия военных трибунов с консульской властью 444 г. до н. э. характеризуется наличием плебея (вопреки распространенному мнению о значительном временном интервале между полученным правом и реальным избранием), а в дальнейшем плебейское представительство в данной магистратуре не было крайне редким, как это опять-таки иногда утверждается. Несмотря на то, что источники не поддаются в отношении этого показателя точной статистической обработке, мы можем считать, что в пределах до двадцати семи процентов (и никак не менее тринадцати процентов) всех коллегий консулярных военных трибунов имели в своем составе магистратов-плебеев. Однако отсутствие нормы паритетного представительства сословий в консулярном трибунате уменьшало возможности регулярного и масштабного участия плебейских лидеров в нем. В условиях сформированных и закрепленных традиций наделения исполнительной властью в римской общине членов узкого круга патрицианских родов избрание любого нового человека, тем более плебейского происхождения, было сопряжено со значительными трудностями, преодолеть которые помог бы именно принцип равного представительства сословий, но он еще не был законодательно установлен.

Претендовать на избрание в консулярный трибунал изначально могли войсковые трибуны, командовавшие «тысячами», то есть рядами фаланги центуриатного войска, но далеко не все из них могли быть наделены консульскими полномочиями на центуриатных собраниях. С течением времени магистратура консулярных трибунов, сохраняя генетическую связь с военной организацией, стала жить самостоятельной политической жизнью и комплектоваться, вероятнее всего, не только из действовавших на момент избирательной кампании трибунов центуриатной фаланги, но и из других лидеров, которые, в силу специфики римской общественной деятельности (тождества политика и полководца), могут, без сомнения, быть названы бывшими военными трибунами.

Пятьдесят одна коллегия военных трибунов с консульской властью зафиксирована источниками с 444 по 367 гг. до н. э. Более двух третей всех коллегий вели активные военные действия; лишь тринадцать лет из общего количества приходившихся на консулярный трибунал могут быть названы относительно мирными с внешнеполитической точки зрения, но половина из них связана с подготовкой к войне или дипломатическими усилиями по ее предотвращению, а, в целом, невоенные годы отмечены социальной напря-

⁵⁷⁰ Крылов Н. И. История римского права. М., 1868/69. С. 133.

женностью. В совокупности, почти половина коллегий консульских трибунов находилась при исполнении обязанностей в годы обострения межсловных отношений. Главными задачами, стоявшими перед военными трибунами с консульской властью в их практической деятельности (и, по всей видимости, целями их избрания) были отражение внешней агрессии и смягчение сословных конфликтов, то есть отведение угрозы самому существованию гражданской общины. Однако «эксперимент консульского трибуната» как чрезвычайной и одновременно коллегиальной магистратуры дал не только положительные, но и отрицательные результаты. Последнее относилось, в первую очередь, к ее применению в военной сфере, ибо в наиболее тяжелых ситуациях общине приходилось приостанавливать полномочия консульских трибунов и прибегать к назначению диктатора. Но отрицательный результат общественного эксперимента – тоже результат, который может иметь благие последствия. Римляне смогли учесть плюсы и минусы своего государственного опыта использования магистратуры *tribuni militum consulari potestate* в конституционных преобразованиях 60-х гг. IV в. до н. э. Положительные итоги плебейского участия в консульском трибунате, несомненно, способствовали допуску плебеев в ординарную высшую магистратуру – консулат, скорректированному, к тому же, принципом паритета сословного представительства, которого так недоставало в консульском трибунате (и этот минус был осознан гражданским коллективом). Преимуществом наделяния империем более чем двух магистратов, особенно для использования его в сфере *domi*, ставшие очевидными во многом благодаря функционированию консульского трибуната, были восприняты и закреплены созданием претуры. Наглядно же продемонстрированная консульскими трибунами неэффективность военной деятельности большого количества командующих надолго привела к отказу от принципа коллегиального комплектования чрезвычайных структур, укрепив авторитет и политические позиции диктатуры.

Таким образом, мы можем заключить, что почти восьмидесятилетнее существование должности консульских военных трибунов не прошло бесследно для государственной системы Римской Республики, – оно подготовило ее реформирование и повлияло на оформление тех основных черт исполнительной власти, которые сохранились и в более поздний период. Одновременно с преобразованием конституционного устройства в соответствии с третьим законом Лициния – Секстия должность военных трибунов с консульской властью была упразднена (*Liv. VI. 35. 5*)⁵⁷¹ Попытка возродить ее более трех веков спустя, в 53 г. до н. э. (*Dio. XL. 45*), когда плебейские трибуны предложили заменить консулов консульскими трибунами, чтобы снять

⁵⁷¹ ...*tertiam, ne tribunorum militum comitia fierent consulumque utique alter ex plebe crearetur...* (...третий, – чтобы не проводить комиции по избранию военных трибунов, и чтобы одного консула избирать из плебеев...)

остроту внешнеполитической и внутривполитической обстановки (в том числе уменьшить вред гражданскому коллективу, наносимый соперничеством кандидатов на два консульских места) успеха не имела. Это можно было бы осуществить только на основе отмены законов Лициния – Секстия⁵⁷², что явилось бы серьезной ломкой сложившегося государственного механизма. Поэтому, в отличие от формально реанимированной (с новым содержанием) в период поздней Республики диктатуры, консулярный трибунал остался в римской истории элементом государственного устройства только ранней Республики, оказавшим, однако, существенное воздействие на складывание классических форм римской политической системы.

⁵⁷² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 175.

Л и т е р а т у р а

1. Бартошек М. Римское право. М., 1989.
2. Белкин М. В. Законы Лициния-Секстия и их влияние на сенат // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь, 1999. С. 57-65.
3. Белкин М. В. Эволюция римского сената в V-III вв. до н. э. // Античное общество. Проблемы политической истории. Спб., 1997. С. 84-91.
4. Боголепов Н. Учебник истории римского права. М., 1907.
5. Боданская Н. Е., Чистяков Г. П. Комментарии // Ливий Тит. Римская история от основания города. Т. 1. М., 1989. С. 505-575.
6. Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1890.
7. Водовозова Т. В. К вопросу о представительном характере и судебной функции сената (VI-IV вв. до н. э.) // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1997. № 1 (2). С. 45-48.
8. Герье В. И. История Рима. Республиканский период. Б. м., 1889.
9. Дементьева В. В. Диктаторы *optima lege* и *imminuto iure* в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.) // Политические структуры и общественная жизнь Древнего Рима. Ярославль, 1993. С. 10-25.
10. Дементьева В. В. Закон о создании должности военных трибунов с консульской властью // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 57-64.
11. Дементьева В. В. Историографические концепции происхождения римской магистратуры диктатора // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1. Магнитогорск, 1994. С. 93-99.
12. Дементьева В. В. Концепции происхождения римского интеррегнума // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4. М., Магнитогорск, 1997. С. 189-197.
13. Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.). Ярославль, 1996.
14. Дементьева В. В. Политика римских диктаторов в обстановке обострения сословной борьбы (V-III вв. до н. э.) // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 23-32.
15. Дементьева В. В. Политико-правовой механизм назначения римских интеррекссов // IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 1999. № 1 (4). С. 33-43.
16. Дементьева В. В. Применение магистратуры военных трибунов с консульской властью в римской государственной практике // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 9. М., Магнитогорск, 2000. С. 29-39.
17. Дементьева В. В. Причины наступления римского республиканского междоусобия // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 6. М., Магнитогорск, 1998. С. 33-39.

18. Дементьева В. В. Проблема времени возникновения римского интеррегнума // *IVS ANTIQVVM. Древнее право*. М., 1997. № 1 (2). С. 34-39.
19. Дементьева В. В. Проведение римским интеррексом консульских выборов // *ВДИ*. 2000. № 1. С. 41-56.
20. Дементьева В. В. Рецензия на книгу: Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. In Zusammenarbeit mit Stefan von der Laht. Darmstadt, 1994. // *IVS ANTIQVVM. Древнее право*. 1999. № 2 (5). С. 215-220.
21. Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998.
22. Дементьева В. В. Терминологические вопросы обозначения должности военных трибунов с консульской властью // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. 8. М., Магнитогорск, 1999. С. 122-129.
23. Дементьева В. В. Характер магистратуры военных трибунов с консульской властью // *Антиковедение и медиевистика*. Вып. 1. Ярославль, 1999. С. 12-24.
24. Дементьева В. В., Трухина Н. Н. Взаимоотношения диктатора и начальника конницы в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. 2. М., Магнитогорск, 1995. С. 107-114.
25. Дементьева В. В., Трухина Н. Н. Правовые основы взаимодействия диктатора с консулами в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.) // *Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Истор. наук. Тез. юбил. конф.* Ярославль, 1995. С. 174-177.
26. Дементьева В. В., Трухина Н. Н. Правовые основы взаимодействия диктатора с органами государственной власти в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. 3. М., Магнитогорск, 1996. С. 107-116.
27. Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1996.
28. Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. Последние историки великой империи // *Римские историки IV века*. М., 1997. С. 308-309.
29. Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима. Спб., 1993.
30. Ефимов В. В. Лекции по истории римского права. Спб., 1898.
31. Зенгер Г. Э. К вопросу о patres // *Варшавские университетские известия*. 1890. № 3-4.
32. Зиновьев А. Римские древности. Описание общественной и частной жизни древних римлян. М., 1884.
33. Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история. // *Ливий Тит. История Рима от основания города*. Т. 3. М., 1994. С. 590-655.
34. Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986.
35. Колотинский Н. Д. История римского права. Казань, 1912.
36. Копп У. Римские древности. М., 1868.

37. Коптев А. В. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме // ВДИ. 1992. № 3. С. 3-28.
38. Коптев А. В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме // ВДИ. 1998. № 3. С. 27-52.
39. Коптев А. В. Правовой механизм передачи власти в архаическом Риме и сакральные функции трибуна целеров // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1997. № 1. (2). С. 24-33.
40. Коптев А. В. От praepositus celerium к magister equitum: Целер, Брут и проблема наследования царской власти в архаическом Риме // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1998. С. 53-64.
41. Кофанов Л. Л. Атрибуты власти магистратов в архаическом Риме // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 35-54.
42. Кофанов Л. Л. Закон и обычай как инструменты власти в архаическом Риме // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 117-120.
43. Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI-IV вв. до н. э.) М., 1994.
44. Кофанов Л. Л. Роль коллегии авгуров в разработке римского архаического права Риме // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1997. № 1. (2). С. 18-23.
45. Кофанов Л. Л. Создание трибуната: изначальная идея трибунской власти // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 69-75.
46. Крылов Н. И. История римского права. М., 1868/69.
47. Кудрявцева Т. В. Чрезвычайные полномочия полководцев как источник императорской власти в Риме. Дис...канд. ист. наук. Л., 1990.
48. Кучеренко Л. П. Род Клавдиев в политической жизни раннереспубликанского Рима // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 3-12.
49. Кучеренко Л. П. Сословная борьба патрициев и плебеев в Древнем Риме. Сыктывкар, 1990.
50. Кучеренко Л. П. Цензоры в социально-политической жизни ранней Римской республики // Политические структуры и общественная жизнь Древнего Рима. Ярославль, 1993. С. 26-34
51. Майорова Н. Г. Институт фециалов в раннем Риме // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 78-81.
52. Майорова Н. Г. Трибуны и фециальное право. К интерпретации Кавдинского эпизода // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 76-79.
53. Маяк И. Л. Взаимодействие властей в раннем Риме: источниковедческие заметки к трактату Цицерона De re publica // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 28-33.
54. Маяк И. Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина (эпоха ранней Республики) // Античность и средневековье Европы. Вып. 3. Пермь, 1996. С. 122-127.

55. Маяк И. Л. К вопросу о понимании термина *civitas* в современной науке // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Тез. юбил. конф. Ярославль, 1995. С. 173-174.
56. Маяк И. Л. О переводе термина *tribunus plebis* // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 66-70.
57. Маяк И. Л. Понятие власти и собственности в сочинении Авла Геллия // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 8-27.
58. Маяк И. Л. Ранняя республика в Риме // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 347-373.
59. Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993.
60. Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983.
61. Мартынов Г. О начале римской летописи // Ученые записки императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. 1904. Вып. 32. С. 1-52.
62. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. Спб, 1994.
63. Немировский А. И. Надпись из Сатрика – опорный пункт раннеримской истории // ВДИ. 1983. № 1. С. 40-51.
64. Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894.
65. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., 1972.
66. Новицкий И. Б. Римское право. М., 1998.
67. Петер У. О выделении плебейской верхушки в Риме (до 367 г. до н. э.) // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 32-37.
68. Пировов В. Исследования по римской истории, преимущественно в области третьей декады Ливия. Спб., 1878.
69. Радциг Н. Начало римской летописи // Ученые записки императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. М., 1904. Вып. 32. С. 1-53.
70. Санчурский Н. В. Римские древности. М., 1995.
71. Сидорович О. В. Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 69-96.
72. Сидорович О. В. Некоторые аспекты конституционного развития Рима ранней республики // Античность и современность. Докл. конф. М., 1991. С. 75-77.
73. Сидорович О. В. Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1996. № 1. С. 47-52.
74. Скрипелев Е. А. Основы римского права. М., 1998.
75. Сморгчов А. М. Взаимодействие общественных и частных празднеств в римской религии // Вестник Московск. ун-та. Сер. 8. История. 1991. № 5. С. 49-56.
76. Сморгчов А. В. Коллегия понтификов: частно-правовые функции // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 55-66.

77. Сморгчов А. М. Определение огрешности ауспиций авгурской коллегией // *Античность Европы*. Пермь, 1992. С. 78-85.
78. Сморгчов А. М. Положение жречества в эпоху ранней республики // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1996. № 1. С. 42-46.
79. Токмаков В. Н. Военная организация Рима Ранней республики (VI-IV вв. до н. э.). М., 1998.
80. Токмаков В. Н. Военная присяга и “священные законы” в военной организации раннеримской республики // *Религия и община в Древнем Риме*. М., 1994. С. 125-147.
81. Токмаков В. Н. Куриатные комиции и военные магистратуры в Раннем Риме // *Власть, человек, общество в античном мире*. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 121-130.
82. Токмаков В. Н. Некоторые аспекты консульской власти в конституции Рима V в. до н. э. // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1996. № 1. С. 34-41.
83. Токмаков В. Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики (V-IV вв. до н. э.) // *ВДИ*. 1994. № 3. С. 39-49.
84. Токмаков В. Н. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // *ВДИ*. 1997. № 1. С. 43-59.
85. Токмаков В. Н. Структура и боевое построение римского войска Ранней республики // *ВДИ*. 1995. № 4. С. 138-160.
86. Токмаков В. Н. Tribunica potestas в Ранней республике: военно-правовой аспект // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 67-77.
87. Тронский И. М. Корнелий Тацит // *Тацит Корнелий*. Т. 1. Спб., 1993. Приложения. С. 560-602.
88. Федорова Е. В. Ранняя латинская письменность VIII-II вв. до н. э. М., 1991.
89. Хуыз М. X. Римское частное право. М., 1994.
90. Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1893.
91. Abbot F. F. A history and description of Roman political institutions. 3. Ed. New York, 1963.
92. Adcock F. E. Consular Tribunes and Successors // *The Journal of Roman Studies*. 1957. Vol. 47. P. 9-14.
93. Alföldi A. Zur Struktur des Römerstaates im V. Jahrhundert v. Chr. // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. S. 223-278.
94. Altheim F. Epochen der römischen Geschichte. Frankfurt am Main, 1934.
95. Altheim F. Römische Geschichte. Frankfurt am Main-Wiesbaden, 1951.
96. Becker W. A. Handbuch der Römischen Alterthümer. B. 2. Leipzig, 1846.
97. Bellen H. Grundzüge der Römischen Geschichte. Von der Königszeit bis zum Übergang der Republik in den Prinzipat. Darmstadt, 1994.
98. Beloch K. J. Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. Berlin und Leipzig, 1926.
99. Bengtson H. Grundriss der Römischen Geschichte mit Quellenkunde. Bd. 1. München, 1982.

100. Berger A. *Encyclopedic Dictionary of Roman Law*. Philadelphia, 1953.
101. Bernardi A. *Dagli ausiliari del rex al magistrati della respublica* // *Athenaeum*. 1952. Vol. XXX. P. 3-58.
102. Bernardi A. *Patrizi e plebei nella costituzione della primitiva repubblica romana* // *Rendiconti Istituto Lombardo*. 1945/6. Vol. LXXIX. P. 3-14.
103. Binder J. *Die Plebs: Studien zur römischen Rechtsgeschichte*. Leipzig, 1909.
104. Bleicken J. *Die Verfassung der Römischen Republik*. 6. Auf. Paderborn-München-Wien-Zürich, 1993.
105. Bleicken J. *Geschichte der römischen Republik*. 4. Auf. München, 1992.
106. Bleicken J. *Im Schatten Mommsens. Gedanken zu Wolfgang Kunkels Buch über die Magistratur in der römischen Republik* // *Rechtshistorisches Journal*. Frankfurt am Main, 1996. Bd. 15. S. 3-27.
107. Bleicken J. *Lex Publica. Gesetz und Recht in der Römischen Republik*. Berlin -New-York, 1975.
108. Bleicken J. *Zum Begriff der römischen Amtsgewahl. Auspicium - potestas - imperium*. Göttingen, 1981.
109. Boddington A. *The Original Nature of the Consular Tribunate* // *Historia*. 1959. Bd. 8. P. 356-364.
110. Botsford G. W. *The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic*. New-York, 1909.
111. Broughton T. R. S. / Patterson M. L. *The magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1. 1951; Scholars Press reprint, Vol. 1. 1986.
112. Bunse R. *Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der „Konsulartribunen“*. Trier, 1998. (Bochumer Altertumwissenschaftliches Colloquium. Bd. 31.)
113. Capozza M. *Roma fra monarchia e decemvirato nell' interpretazione di Eutropio*. Roma, 1973.
114. Cassola F. *I gruppi politici Romani nel III secolo a C.* Trieste, 1962.
115. Cornelius F. *Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte*. München, 1940.
116. Cornell T. J. *The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC)*. London and New-York, 1995.
117. Demandt A. *Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt*. Berlin, 1995.
118. De Martino F. *Intorno all' origine della repubblica romana e della magistrature* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Berlin-New-York, 1972. P. 217-249.
119. De Martino F. *Storia della costituzione Romana*. Napoli, 1958.
120. De Sanctis G. *Storia dei Romani*. Vol. II. Firenze, 1967.
121. Develin R. *Lex curiata and the competence of magistrates* // *Mnemosyne*. 1977. Vol. XXX. Fasc. 1. P. 49-65.
122. Drummond A. *Consular Tribunes in Livy and Diodorus* // *Athenaeum*. 1980. Vol. 58. P. 57-72.

123. Dulckeit G. *Römische Rechtsgeschichte*. München und Berlin, 1952.
124. Ehrenberg V. *Imperium Maius in the Roman Republic // American Journal of Philology*. 1953. Vol. LXXIV. 2. P. 113-136.
125. Ferenczy E. *From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State*. Budapest, 1976.
126. Flach D. *Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar*. Darmstadt, 1994.
127. von Fritz K. *The Reorganisation of the Roman Government in 366 B C. and the so-called Licinio-Sextian Laws // Historia*. 1950. Heft 1. P. 3-44.
128. Gelzer M. *Die Nobilität der römischen Republik*. Stuttgart, 1983.
129. Giovannini A. *Consulare imperium // Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft*. Basel, 1983. Heft 16. P. 1-30.
130. Giovannini A. *Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik*. Stuttgart, 1990. S. 406-436.
131. Grziwotz H. *Das Verfassungsverständnis der römischen Republik (Ein methodischer Versuch)*. Frankfurt am Main-Berlin-New York, 1985.
132. Guarino A. *Storia del diritto romano*. Quinta Edizione. Napoli, 1975.
133. Hanell K. *Das altrömische eponyme Amt*. Lund, 1946.
134. Herzog E. *Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung*. B. 1. Leipzig, 1884.
135. Heurgon J. *The Rise of the Rome to 264 B C*. London, 1969.
136. Heuß A. *Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R. A. Weimar, 1944. B. 64. S. 57-133.
137. Hirschfeld O. *Die capitolinischen Fasten // Hermes*. 1875. Bd. 9. S. 93-108.
138. Hoffmann W. *Fridrich Cornelius. Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte*. München, 1940.-128 s. // *Gnomon*. 1943. Bd. 19. Heft 2. S. 80-89.
139. Hölkeskamp K.-J. *Die Etnstehung der Nobilität*. Stuttgart, 1987.
140. Hülsen Ch. *Neue Inschriften vom Forum Romanum. Mit 6 Abbildungen im Text und einem Plan // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte*. Leipzig, 1902. Bd. 2. S. 248-253.
141. Ihne W. *Forschungen auf dem Gebiet der römischen Verfassungsgeschichte*. Frankfurt am Main. 1847.
142. Jones H. S. *Consular tribunate // The Cambridge Ancient History*. Vol. VII. Cambridge, 1928. P. 519-520.
143. Kaser M. *Römische Rechtsgeschichte*. 2. Auf. Göttingen, 1978.
144. Kirby V. *The Consular Tribunate and Roman Oligarchy // Mundus antiquus*. Melbourne, 1976. Vol. 1. P. 24-29.
145. Kloft H. *Prorogation und außerordentliche Imperium 326 81 v. Chr. (Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik)*. Hein, 1977.
146. Kornemann E. *Zur altitalischen Verfassungsgeschichte // Klio*. 1915. B. 14. S. 190-206.

147. Kunkel W. Kleine Schriften. Zum römischen Strafverfahren und zur römischen Verfassungsgeschichte. Weimar, 1974.
148. Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik // Rechtsgeschichte des Altertums im Rahmen des Handbuches der Altertumswissenschaft. 3. Teil. 2. Band. 2. Abschnitt. München, 1995.
149. Kunzl E. Der römische Triumph: Siegesfeiern im antiken Rom. München, 1988.
150. Lange L. Römische Alterthümer. B. 1. Berlin, 1876.
151. Lange L. Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen (1855) // Lange L. Kleine Schriften aus dem Gebiet der classischen Alterthumwissenschaft. Bd. 1. Göttingen, 1887. S. 235-273.
152. Lebensnachrichten über Bartold Georg Niebuhr aus Briefen desselben und aus Erinnerungen seiner nächsten Freunde. Hamburg, 1838.
153. Leifer F. Studien zum antiken Ämterwesen. I. Zur Vorgeschichte des Römischen Führeramts // Klio. Beiheft XXIII. Neue Folge. Heft X. Leipzig, 1931.
154. Lengle. Tribunus militum consulari potestate // Pauly / Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Alterthumwissenschaft. Zweite Reihe. Bd. VI. Halbband 12. Stuttgart, 1937. S. 2448-2453.
155. Linke B. Von der Verwandtschaft zum Staat. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frührömischen Geschichte. Stuttgart, 1995.
156. Lorenz O. Über das Consulartribunat. Besonderer Abdruck. Wien, 1855.
157. Lohr G. Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi romani // Studia et documenta Historiae et iuris. 1975. Vol. 41. P. 245-277.
158. von Lübtow U. Das Römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt am Main, 1955.
159. von Lübtow U. Die lex curiata de imperio // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. 1952. Bd. LXIX. S. 154-171.
160. Marquardt J., Mommsen Th. Handbuch der römischer Alterthümer. Bd. 1. Römisches Staatsrecht von Th. Mommsen. Leipzig, 1887.
161. Mason H. J. Greek Terms for Roman institutions. A Lexicon and Analysis. Hakkert Toronto, 1974. (American Studies in papyrology. Vol. 13.)
162. Meyer Ed. Kleine Schriften. Halle, 1924.
163. Meyer Er. Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich und Stuttgart, 1961.
164. Mommsen Th. Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig, 1893.
165. Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten // Hermes. Berlin, 1903. Bd. 38. Heft 1. S. 116-124.
166. Mommsen Th. Die capitolinischen Magistratstafeln // Hermes. 1875. B. 9. S. 267-280.
167. Mommsen Th. Römische Forschungen. B. 1-2. Berlin, 1864-1879.
168. Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Leipzig, 1874.
169. Münzer F. Consulartribunen und Censoren // Hermes. 1922. B. 57. S. 134-149.

170. Neumann K. J. Die hellenistische Staaten und die Römische Republik // Weltgeschichte. Die Entstehung der Menschheit in Staat und Gesellschaft, in Kultur und Geistesleben. Berlin, 1910. Bd. I.
171. Neumann K. Die hellenistischen Staaten und die römische Republik. Leipzig, 1920.
172. Nicholls I. J. The content of the *lex curiata* // American Journal of the Philology. 1967. Vol. LXXXVIII. P. 257-278.
173. Niebuhr B. Römische Geschichte. Berlin, 1853.
174. Niebuhr B. Vorträge über römische Geschichte. Abt. 1. Bd. 1. Berlin, 1846.
175. Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxford, 1965.
176. Paananen U. Legislation in the *comitia centuriata* // Acta Instituti Romani Finlandiae. Helsinki, 1993. Vol. XIII. P. 14-23.
177. Palmer R. E. The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970.
178. Perl G. Kritische Untersuchungen zu Diodors Römischer Jahrählung. Berlin, 1957.
179. Pinsent J. Military tribunes and Plebeian consuls: The Fasti from 444 to 342 // Historia. 1975. Heft 24. P. 1-83.
180. Raaflaub K.A. The Conflict of the Orders in Archaic Rome. A Comprehensive and Comparative Approach // Social Struggles in Archaic Rome (Edited by Kurt Raaflaub). Berkely - Los Angeles, 1986. P. 1-52.
181. Ranouil P.-Ch. Recherches sur le Patriciat (509-366 avant J.-C.). Paris, 1975.
182. Richard J.-C. Les origines de la plebe romaine: Essai sur la formation du dualisme patricio-plebein. Roma, 1978.
183. Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. 1986. Bd. 68. Heft. 1. P. 444-465.
184. Rilinger R. Der Einfluß des Wahlleiters bei den römischen Konsulwahlen von 366 bis 50 v. Chr. München, 1976. (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte. Bd. 24.)
185. Rotondi G. *Leges publicae populi Romani*. Hildesheim, 1962.
186. Rubino J. Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839.
187. Rytkönen S. Bartold Georg Niebuhr als Politiker und Historiker. Helsinki, 1968.
188. Schäfer Th. *Imperii insignia. Sella curulis und fasces*. Zur Repräsentation römischer Magistrate. Mainz, 1989.
189. Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats-, Kriegs- und Privataltertümer. Nördlingen, 1887.
190. Schwegler A. Römische Geschichte. Bd. 3. Tübingen, 1858.
191. Sealey R. Consular tribunes once more // Latomus. New-York-London, 1959. Vol. 18. P. 521-530.
192. Süber H. Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952.

193. Sohlberg D. Militärtribunen und verwandte Probleme der frühen römischen Republik // *Historia*. 1991. Bd. XL. № 3. S. 257-274.
194. Soltau W. Die Anfänge der Römischen Geschichtschreibung. Leipzig, 1909.
195. Soltau W. Der Dezemvirat in Sage und Geschichte // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R. A. 1917. Bd. 38. S. 1-20.
196. Soltau W. Zur römischen Verfassungsgeschichte // *Philologus*. 1916. Bd. XXVIII. S. 524-529.
197. Staveley E. S. The Constitution of the Roman Republic // *Historia*. 1956. Bd. V. P. 74-122.
198. Staveley E. S. The Significance of the Consular tribunate // *The Journal of Roman Studies*. 1953. Vol. 43. P. 30-36.
199. Strehl R. Die Datierung der Kapitolinischen Fasten. Tübingen, 1957.
200. Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.
201. Täubler E. Ausgewählte Schriften zur alten Geschichte. Stuttgart, 1987.
202. Täubler E. Der römische Staat. Stuttgart, 1985.
203. Valditara G. Studi sul Magister populi. Dagli ausiliari militari del rex ai primi magistrati repubblicani. Milano, 1989.
204. Versnel H. S. Triumphus (An inquiry into the origin. Development and meaning of the Roman Triumph). Leiden, 1970.
205. Vogel K.-H. Imperium und Fasces // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. Weimar, 1950. R. A. Bd. 67. S. 62-111.
206. Volkmann H. Grundzüge der römischen Geschichte. Darmstadt, 1982.
207. Werner R. Der Beginn der römischen Republik. München - Wien, 1963.

Указатель античных имен

- Аквиллий Корв, Луций, 143
 Аквиллий, Гай, 143
 Альбиний, Марк, 149
 Антистий, Луций, 149
 Антонии, 88, 141, 156
 Антоний Меренда, Квинт, 88, 141, 142
 Антоний Меренда, Тит, 141
 Атилии, 140, 141, 156
 Атилиий, Луций, 71, 72, 81, 140, 141, 147
 Валерии 53, 147, 155
 Валерий Антиат, 83
 Валерий, Луций, 128, 143, 144
 Валерий Максим, 86
 Валерий, Марк, 131
 Валерий Попликола, Публий, 128
 Валерий Публикола, Луций 144
 Валерий Потит, Луций, 90
 Валерий, Публий, 144
 Вергинии, 53, 83, 155
 Ветурии, 53, 155
 Ветурий, Марк, 71, 141, 147
 Геллий, Авл, 24, 29, 31, 95, 98-100, 108, 109
 Генуции, 147, 149
 Генуций, Гней, 71, 72, 141, 147, 148
 Геганий, Луций, 145
 Геганий Мацерин, Марк, 159
 Горации, 129
 Гораций, Марк, 145
 Диодор Сицилийский, 19, 20, 24, 34, 35, 55, 74, 76, 82-87, 98, 104, 122-126, 128-131, 139, 142, 144-149, 158, 163, 167
 Дион Кассий Кокцеян, 25, 56-58, 61, 98, 104, 131, 132, 151, 177
 Дионисий Галикарнасский, 24, 25, 35, 44, 45, 56, 57, 64, 65, 82, 90, 98, 122, 132, 139, 151
 Дуилий, Гай, 147
 Дуилий, Гней, 71, 141, 147
 Евтропий, 24, 97
 Зонара Иоанн, 25, 29, 30, 35, 56, 57, 98, 104, 106, 109-111, 122, 132, 139, 151
 Кальпурний Пизон, Луций, 141
 Канулей, Гай, 56
 Квинкци, 87, 129
 Квинкций Капитолин Барбат, Тит, 82, 106, 159
 Квинкций, Квинт, 131
 Квинкций, Луций, 87, 144
 Квинкций Пуниец, Тит, 87
 Квинкций Цинциннат, Луций, 87, 93
 Квинкций Цинциннат, Тит, 94, 143
 Клавдий (Гиберий Клавдий Нерон Германик), 22, 31, 99, 122, 131, 132
 Клавдий Квадригарий, 32
 Клавдий Марцелл, 107
 Клелии, 145
 Клелий, Публий, 145
 Клуилий, Тит, 81, 82, 140
 Корнелии 53, 83, 116, 155
 Корнелий, Гней, 131
 Корнелий Косс, Авл, 29, 85-87, 94
 Корнелий, Луций, 144
 Корнелий Малугинский, Публий, 90, 131
 Корнелий Малугинский, Сервий, 69, 128, 144
 Корнелий, Сервий, 146

- Корнелий Сулла, Луций, 130, 149
 Корнелий Сципцион, Публий, 107
 Лабиний (возможно, искаженное Альбиний), Луций, 149
 Ларс Толумний, 86
 Ливий, Тит, 14, 19, 20, 23, 24, 28-32, 34-36, 42, 43, 45, 46, 48, 55-57, 63-69, 71-78, 82-95, 98, 99, 103-107, 109-114, 116-118, 120, 122-130, 132-134, 136, 139-151, 153-155, 157-171
 Лицинии, 144, 145, 156
 Лициний Кальв, Публий, 67, 72, 140, 142, 146, 148
 Лициний Макр, 82, 83, 130, 140-143, 149
 Лициний Менений, 143-146
 Лициний Мурена, Луций, 109
 Лициний Столон, Гай, 9, 28, 37, 48, 49, 59, 68, 94, 120, 140, 142, 153, 165, 171, 173, 177, 178
 Лициний, Публий, 148
 Лукреций Триципитин, Луций, 90, 143
 Луцеры, 33, 135
 Макробий Амвросий Феодосий, 25, 84, 85
 Манлии, 83, 148, 149
 Манлий Авл, 143, 144
 Манлий Гай, 149
 Манлий Капитолин, Луций, 141
 Манлий Капитолин, Марк, 94, 165
 Манлий, Марк, 83
 Манлий, Публий, 94, 146, 147, 149
 Мелии, 146, 148, 156
 Мелий, Спурий, 93, 161
 Мелий, Публий, 146-148
 Менений, 142, 144, 146, 160 (см. также Лициний Менений)
 Менений, Агриппа, 142
 Менений, Марк, 160
 Мений, Публий, 72, 148
 Октавиан Август, 29
 Папирии, 129
 Папирий Курсор, Луций, 117
 Папирий, Луций, 144, 146
 Папирий Мугиллан, Луций, 81, 87, 128, 141
 Папирий, Публий, 144
 Папирий, Тит, 128, 144
 Пинарий Мамерк, Луций, 84, 85
 Пинарий, Спурий, 85
 Плиний Старший, Гай, 29
 Плутарх, 25, 35, 98, 122, 132
 Помпоний, Марк, 71, 141, 147
 Помпоний, Секст, 24, 29, 56, 57, 97, 122, 131, 132, 139, 151
 Постумии, 53, 116, 129, 167
 Постумий Альбин, 141
 Постумий Альбин, Авл, 106
 Постумий, Марк, 164
 Постумий Регилльский, Авл, 104, 116
 Постумий Регилльский, Марк, 164, 167
 Постумий Регилльский, Спурий, 128, 129
 Постумий, Спурий, 167
 Постумий Губерт, Авл, 93
 Публилии, 146, 156
 Публилий Волерон, 71, 141, 147
 Публилий Вольск, Луций, 146, 147
 Рамны, 33, 135
 Рутилий, Спурий, 142
 Саллостий Крисп, Гай, 72
 Секстий Латеран, Луций, 9, 28, 37, 48, 49, 59, 68, 94, 120, 142, 153, 165, 171, 173, 177, 178
 Секстий, Марк, 164
 Секстилий, Гай, 149

- Семпронии, 140
 Семпроний, Авл, 87
 Семпроний Атрагин, Авл, 81, 112, 140
 Семпроний, Атрагин, Гай, 163
 Семпроний Атрагин, Луций, 81
 Семпроний, Гай, 163
 Семпронии Гракхи, 130
 Сервий Туллий, 32, 55
 Сервилии, 53, 145, 155
 Сервилий Агала, Гай, 69, 87
 Сервилий Приск, Авл, 93
 Сервилий, Квинт, 131, 145
 Сервилий Фиденат, Квинт, 143
 Сервилий, Гай, 144
 Сергии, 53, 145, 155
 Сергей Гай, 144
 Сергей Гней, 144
 Сергей Фиденат, Луций, 159, 167
 Сергей Фиденат, Спурий, 128
 Сульпиции, 83, 128
 Сульпиций Гай, 144
 Сульпиций Камерин, Гай, 128
 Сульпиций Камерин, Сервий, 90
 Сульпиций, Квинт, 84
 Сульпиций Петик, 128
 Сульпиций Руф, Сервий, 69, 109, 143
 Сульпиций Сервий, 146
 Тацит, Корнелий, 24, 73, 98, 113
 Теренции, 145
 Теренций Варрон, Марк, 34, 84, 85
 Теренций, Гай, 144
 Тиции, 33, 135
 Титинии, 146
 Титиний, Луций, 72, 146, 148
 Требонии, 130, 143, 156
 Требоний, Марк, 143
 Требоний, Публий, 149
 Туллий Цицерон, Марк, 25, 29, 68, 109, 110, 130, 149
 Фабии 53, 131, 155
 Фабий, Квинт, 131
 Фест, Секст Помпей, 24, 29, 109, 120
 Фурии 53, 84, 145, 155
 Фурий Камилл, Марк, 71, 91, 94, 98, 122, 132, 167, 168
 Фурий, Луций, 145, 168
 Фурий Медуллин, Луций, 69, 85, 131, 146
 Фурий, Спурий, 106, 145, 147
 Элий Туберон, Луций, 83
 Эмилии, 131
 Эмилий, Гай, 167
 Эмилий Мамерцин, Луций, 85, 86, 93, 128, 129, 144
 Эренуций (возможно искаженное Генуций), Гай, 149
 Юлии, 83
 Юлий, Луций, 149
 Юлий, Тиберий, 149
 Юлий Цезарь, Гай, 130
 Юлий Юл, Луций, 104, 143

Указатель латинских и греческих терминов

Латинские термины

- Ab urbe condita**, 23, 24, 117, 124, 143
acta triumphalia, 106
annus habuit, 32
auctoritas, 109
auctoritas patrum, 42
auspicia, 99, 113, 115
auspicia maxima, 115
auspicato, 71
breviarium, 24
bonus, 109
cives, 99
civitas, 5, 7, 47, 60, 63, 80, 96, 97, 113, 156, 157, 163, 166, 173, 175, 182
cognomen, 148
comitia, 45, 54, 63, 65, 71, 78, 85, 134, 143, 149, 158-160, 162, 177
comitia centuriata, 54, 71
comitia curiata, 71
consularis, 26, 27, 31, 98, 108-110, 121, 171, 173
consul, **consules** 27, 30, 42, 56, 57, 63, 65, 71, 81, 82, 84, 87, 97-99, 104, 110, 114, 120, 139, 159, 160
consulere, 27, 159
creare, 42, 43, 56, 63, 97, 99, 131, 139, 141, 146, 151, 159, 160, 163, 177
currus, 109
dictator, 104, 114, 162
dictator clavi figendi causa, 117
domi, 100, 111, 177
fascēs, 49
gentes, 49, 53, 58
imperium, 31, 57, 77, 82, 86, 99-102, 104, 106-113, 116-119, 121, 131, 170, 171, 173, 175
imperium summum, 119, 121
interregnum, 38, 138
interrex, 65, 78
ius agendi cum patribus et cum populo, 112
ius imaginis, 109
leges Liciniae Sextiae, 37
lex, leges, 37, 39-46, 57, 77, 84, 110, 114, 116-118, 153
lex curiata de imperio, 77, 116-118, 175
lex de creandis decemviris legibus scribundis, 41
lex de dictatore creando, 39, 41, 114
lex de tribunis militum consulari potestate creandis, 40, 43, 46, 63, 153, 175
lex Publilia, 70
lex sacrata, 41
magister equitum, 105, 110
magister populi, 8, 28
magistratum iniere, 32
magistratus curules, 109
magistratus non-curules, 109, 110
militiae, 43, 68, 100, 104, 111, 169
nomen, 144
patres, 42, 43, 56, 63, 72, 76, 91, 97, 100, 112, 132, 138, 148, 149, 151, 158-160
patricii, 71, 84, 141, 146, 149, 158
pedarii, 108
populus, 6, 9, 28, 41, 63, 73, 112, 134
potestas, 99, 101-103, 119, 121
potestas maior, 99, 121
potestas minor, 99
potestas par, 99, 115, 121
praefectus urbi, 112
praenomen, 123, 144, 148

- praerogativae, 72, 73
 praetor maximus, 8, 9, 28, 38, 116, 117
 praetores, 9, 28, 29, 38
 privatus cum imperio, 106, 107
 proconsularis, 31, 98, 106
 proconsularis imago, 98
 pro consule, 31, 106
 sella curulis, 109, 110
 senatus, 63, 120, 141, 158, 163
 senatusconsultum, 42, 44, 45, 63, 65, 160
 senatus lectio, 120
 solium, 109
 tribuni celerum, 34, 49, 71
 tribuni consulares, 31, 98, 173
 tribuni consulari potestate, 31, 98
 tribuni militares, 31, 32, 98
 tribuni militum, 9, 28, 31-36, 56, 65, 68, 69, 71, 118, 128, 135, 136
 tribuni militum consulari imperio, 31, 99, 173
 tribuni militum consulari potestate, 5, 7, 11, 13, 17, 18, 25-30, 32, 36, 39, 41-43, 45-48, 50, 52, 53, 56, 57, 59, 60, 63, 65, 71, 74, 77, 79, 80, 84, 90, 95, 97, 98, 100, 101, 103, 105, 108, 112-115, 117, 118, 120-122, 127, 132, 135, 137, 141, 143, 145, 146, 148-154, 156, 157, 160, 161, 163, 166, 170, 171, 173, 175, 177
 tribuni militum pro consule, 30
 tribuni militum pro consulibus, 30, 98, 106, 173
 viginti, 132

Греческие термины

- ἀγορά, 44
 ἀντί τῶν ὑπάτων, 55-57, 82, 83, 98, 131, 132, 144-147, 149, 151
 ἀνθύπατος ἀρχή, 98
 ἀρχή, 36, 44, 64, 98, 147, 148
 βουλή, 44, 64
 δήμαρχοι, 44, 57
 ἐκκλησία, 44, 45
 πλῆθος, 36, 44, 98
 προβούλευμα, 44, 45, 64
 ὑπατική ἀρχή, 35, 98, 147, 148
 ὑπατική ἐξουσία, 35, 98
 ὑπατοι, 44, 55-57, 64, 82, 83, 87, 98, 131, 132, 144-147, 149, 151
 χιλιαρχέω, 35, 98
 χιλιαρχία, 35, 98
 χιλίαρχοι, 35, 55-57, 64, 82-84, 98, 104, 131, 132, 144-149, 151
 χιλίαρχος, 35, 98

Zusammenfassung

DIE RÖMISCHE MAGISTRATUR DER MILITÄRTRIBUNEN MIT KONSULARISCHER GEWALT

In der frühen Periode der römisch-republikanischen Geschichte, die den Zeitraum von der Rechtskodifikation der Zwölftafeln bis zu den *leges Liciniae-Sextiae* umfaßt, spielt das Konsulartribunat als vollziehende Gewalt eine Schlüsselrolle in der Regelung des öffentlichen Lebens der *res publica*.

Die Bezeichnung der Magistratur in der antiken Überlieferung als *tribuni militum consulari potestate* (*tribuni militum consulari imperio*, *tribuni consulares*, *tribuni militum pro consulibus*), läßt sich nach Meinung der Autorin nicht nur aus dem historischen Kontext, sondern auch aus den Befugnissen im einzelnen erklären.

Die historische Rekonstruktion des Militärtribunats mit konsularischer Gewalt führt in der vorliegenden Monographie von V. V. Dementieva zu dem Ergebnis, daß die Mitglieder dieses Kollegiums Magistrate mit Imperium gewesen sind, und daß jeder von ihnen unabhängig von der Standeszugehörigkeit das Recht auf *auspicia* besessen hat.

Die Autorin ist der Meinung, daß dieses *imperium* weder in der sakralen, noch in der bürgerlichen und militärischen Sphäre beschränkt gewesen ist. Sie geht davon aus, daß den Militärtribunen mit konsularischer Gewalt über das Triumphrecht verfügten. Im weiteren vertritt sie den Standpunkt, daß das Konsulartribunat eine kurulische Magistratur gewesen ist. Als eponymes Amt entsprach ihr Kompetenzbereich dem der Konsuln.

In ihrer historischen Analyse betrachtet V. V. Dementieva die Konsulartribunen als Träger der höchsten außerordentlichen Gewalt, als besonderen Bestandteil im System der extraordinären Staatsorgane. In dem Verlangen der *res publica* nach einer neuen Magistratur, die in einer Periode gespannter Beziehungen innerhalb des bürgerlichen Gemeinwesens und angesichts der ständigen Bedrohung durch äußere Kriege die Probleme zu bewältigen imstande war, liegen ihrer Meinung nach die Ursachen für die Entstehung des Konsulartribunats.

Die Diskussionen darüber, welcher der Faktoren (Ständekampf, die Kriegsoperationen, die Konkurrenz der patrizischen *gentes* um die Macht) die Entstehung des Konsulartribunats bedingt hat, sind nach Meinung der Autorin perspektivlos. Die Anerkennung des außerordentlichen Charakters dieses Amtes erlaubt es nach ihrem Ermessen nicht, einzelne Faktoren zu ignorieren. Es müssen alle Entwicklungen berücksichtigt werden.

Die Neuerung im System der außerordentlichen Magistratur hat zur Modifikation im Funktionieren ganzer vollziehender Gewalt geführt. Da zum einen die Lage der römischen Gemeinde in der zweiten Hälfte des 5 – ersten Hälfte 4.Jh. v. Chr. von außergewöhnlicher Dauer und Schwierigkeit und zum anderen der Pro-

zeß der Formierung der Strukturen der ordinären Gewalt noch nicht beendet und in Übereinstimmung mit den politischen Bedürfnissen aufgeführt war, wurde die Magistratur der Militärtribunen mit konsularischer Gewalt allmählich immer öfter herangezogen. Die Volkstribunen setzten sich für dieses Amt bisweilen nur ein, um das Konsulat auszuschließen. Das Konsulartribunat begann das Konsulat zu verdrängen, da eine Reform des höchsten Amtes trotz der Forderungen der *plebs* nach politischer Teilhabe ausgeblieben war. Es hat im folgenden die Auffassung des Militärtribunats mit konsularischer Gewalt als ständiges Amt bedingt. Hinzu trugen sowohl die Annuität als auch die Kollegialität bei, die diesem Amt mit den ordinären Ämtern als zuzugingen, aber sie sind nicht nur die Charakteristiken der ordentlichen Magistratur.

Das Nebeneinander von Konsulat und Konsulartribunat in ein und demselben Amtsjahr bestätigt nach Meinung der Autorin den extraordinären Charakter des letztgenannten Amtes; ebenso bestätigt es das Konsulat als ordentliches Amt - sogar bei der jährlichen Heranziehung des Konsulartribunats in schwierigen Zeitabschnitten der römischen Geschichte. Zu diesen Schluß führen auch die zweckbestimmte Festsetzung und die konkrete Tätigkeit der Militärtribunen mit konsularischer Gewalt. Die Analyse ihrer Tätigkeit zeigt, daß praktisch alle Kollegien über die sich verschärfenden sozialpolitischen oder außenpolitischen Fragen entschieden haben.

Mit These von einem außerordentlichen Charakter der Magistratur des Konsulartribunats steht die Autorin gegen in die Fachliteratur existierenden Auslegung des Amtes als Etappe im Werden des höchsten ordentlichen Amtes auf. V. V. Dementieva ist der Meinung, daß das Konsulartribunat ein Faktor in der Formierung des Systems der außerordentlichen Magistratur und folglich der vollziehenden Gewalt insgesamt gewesen ist. Ihrer Ansicht nach ist es keine direkte Stufe in der Formierung des Konsulats.

Die schwierige Phase der römischen Republik, in die die Entstehung des Militärtribunats mit konsularischen Gewalt fällt, ist keine Periode einer konstitutionellen Krise gewesen, auch wenn Historiker mitunter eine solche Krise in dem Funktionieren vermeintlich zweier höchster ordinärer Magistraturen, den Konsuln und den Konsulartribunen, zu erkennen meinen.

Das Konsulartribunat wurde in der römischen Verfassung auf Grund eines speziellen Gesetzes der *lex de tribunis militum consulari potestate creandis* aus dem Jahre 445 v. Chr., eingeführt. Es war ein notwendiges Element des staatlichen Aufbaus zur Zeit der Entstehung des politischen Systems, als man auf der Suche nach der wirksamsten Regierungsart in der Bürgergemeinde war.

Im Konsulartribunat haben sich die entstehenden Prinzipien der Verwaltungsorganisation der Gemeinde, und die Neueinführungen zur Regelung des staatlichen Mechanismus verbunden.

Viele traditionelle Momente findet die Autorin in der Wahl und der Verabschiedung der Militärtribunen mit konsularischer Gewalt: es war nur das *senatusconsultum* notwendig für den Übergang zur dieser Magistratur, wobei den

Volkstribunen untersagt war, ihr Veto einzulegen, die Abstimmung nach jeder Kandidatur in den *comitia centuriata* unter dem Vorsitz eines Magistrats *cum imperio*, die Annahme die *lex curiata de imperio*, die Nutzung der politischen und sakralrechtlichen Werkzeuge für die vorzeitige Suspendierung der Vollmachten durch den Senat.

Im großen und ganzen blieb die zahlenmäßige Flexibilität Magistratur, womit sie sich von allen anderen unterschied. V. V. Dementieva unterstützt die in der Forschungsliteratur verbreitete Hypothese nicht, daß sich die normale und maximale Zahl der Stellen im Kollegium auf sechs belief. Sie unterstützt die These auch nicht, daß alle Fälle, die von einer größeren Anzahl berichten, das Ergebnis von Hinzufügungen der Censorennamen oder das Ergebnis von Interpolationen sind. In vorliegender Monographie ist der Schluß gezogen, daß die varrierende Anzahl von Militärtribunen die Besonderheit Magistratur in vielem bestimmt hat.

Von besonderer Wichtigkeit war das Amt *tribuni militum consulari potestate* für die Plebejer, die das Recht hatte eigene Vertreter zu stellen. Obwohl die Teilhabe der Plebejer an der außerordentlichen Magistratur mit Imperium zuvor im Dezemvirat bekannt ist, besaßen sie nur bei dem Konsulartribunat die Möglichkeit, sich auf dem höchsten Posten zu bewerben. Schon das erste Kollegium der Militärtribunen mit der konsularischen Gewalt 444 v. Chr. wird durch die Anwesenheit von Plebejern charakterisiert (trotz der verbreiteten Meinung über den zeitlichen Abstand zwischen dem gewordenen Recht und der realen Wahl). Im folgenden war die Vertretung von Plebejern in der Magistratur der Militärtribunen mit konsularischer Gewalt so selten nicht, wie es dennoch in der Fachliteratur manchmal behauptet wird. Die Autorin geht davon aus, daß bis zu 27% (und nicht weniger 13%) aller Kollegien der Konsulartribunen die Plebejer einschlossen. Aber die Abwesenheit von Vorgaben paritätischer Repräsentation der Stände im Konsulartribunat verringerte die Möglichkeiten der regelmäßigen Teilhabe der Führer der Plebejer in dieser Magistratur.

Ursprünglich durften diejenigen Truppentribunen die Wahl in das Konsulartribunat beanspruchen, die «tausend», das heißt die Reihe der Phalanx, befehligten, aber nicht alle von ihnen durften die konsularen Vollmachten für die Volksversammlungen bekommen. Mit der Zeit erlangte die Magistratur der Konsulartribunen bei gleichzeitiger Wahrung einer genetischen Verbindung mit der Militärorganisation ein eigenständiges politisches Leben. Sie setzte sich jetzt zusammen nicht nur aus Militärtribunen der Phalanx, sondern auch aus anderen Führungspersönlichkeiten des öffentlichen Lebens, die angesichts der sich in einem höheren Amt vereinigenden zivilen wie militärischen Aufgaben zweifellos ehemalige Militärtribunen gewesen sind.

In den Quellen belegt sind 51 Kollegien der Militärtribunen mit der konsularischen Gewalt in der Zeit von 444 bis 367 v. Chr. Mehr als zwei Drittel aller Kollegien führten aktiv Kriegsoperationen durch. Nur dreizehn Jahre darf man vom außenpolitischen Standpunkt aus gesehen als verhältnismäßig friedlich nennen. Allerdings ist die Hälfte von diesen mit der Vorbereitung zum Krieg oder

diplomatischen Bemühungen um seine Verhinderung verbunden, und insgesamt sind die friedlichen Jahre von sozialen Spannungen geprägt. Im ganzen erfüllte fast die Hälfte der Kollegien der Konsulartribunen ihre Pflichten in den Jahren der Verschärfung der Ständewidersprüche. Die Hauptaufgaben, vor die die Konsulartribunen in ihrer praktischen Tätigkeit gestellt waren, waren der Kampf gegen der äußerlichen Aggression und die Mäßigung der Ständekonflikte, das heißt die Beseitigung der inneren wie äußere Bedrohung des Gemeinwesens.

“Das Experiment des Konsulartribunats” als außerordentliche und gleichzeitig kollegiale Magistratur weist aber nicht nur positive, sondern auch die negative Ergebnisse gegeben. Probleme gab es im militärischen Bereich, und diese Probleme wurden mit der Vielheit der Heerführer verbunden, deshalb in den schwierigsten Situationen der Gemeinde die Vollmachten der Konsulartribunen außer Kraft gesetzt werden mußte, da der Diktator ernannt wurde. Aber dieses negative Ergebnis konnte auch positive Konsequenzen haben. Die Römer konnten plus und minus der eigenen staatlichen Erfahrung in der Verwendung der Magistratur *tribuni militum consulari potestate* in den konstitutionellen Transformationen der 60er Jahre des 4. Jh. v. Chr. berücksichtigen. Die positiven Erfahrungen mit der Teilnahme der Plebejer am Konsulartribunat haben gewiß zur Zulassung der Plebejer in die höchste ordentliche Magistratur, dem Konsulat, beigetragen. Diese Teilnahme wurde mit dem Prinzip der Standesparität verbunden, da bisher dem Konsulartribunat mangelte (und als Manko auch von der bürgerlichen Gemeinschaft empfunden wurde). Die Vorteile, mehr als zwei Magistraten das *imperium* zu gewähren, besonders für den Bereich *domi*, wurden dank des Funktionierens des Konsulartribunats erkannt und haben sich in der Bildung der Praetur manifestiert. Da die Militärtätigkeit der vielen Befehlshaber nicht effektiv gewesen ist, kam es zu einer Absage an das Prinzip der kollegialen Komplettierung der außerordentlichen Strukturen. In dieser Folge hat sich die Autorität und haben sich die politischen Positionen der Diktatur auf lange Zeit gefestigt.

Es läßt sich abschließend sagen, daß fast 80 Jahre der Existenz des Amtes der Militärtribunen mit konsularischer Gewalt nicht spurlos an dem staatliche System der römischen Republik vorbeigegangen sind. Diese Magistratur hat die Reform des politischen Systems vorbereitet und auf die Erledigung der Hauptstrukturen der vollziehenden Gewalt eingewirkt, die somit auch für spätere Zeiten gesichert wurden.

Gleichzeitig mit der Transformation des konstitutionellen Aufbaus wurde gemäß dem dritten Gesetz des Licinius und Sextius das Amt der Militärtribunen mit konsularischer Gewalt beseitigt. Erfolglos war der Versuch im Jahre 53 v. Chr., nach drei Jahrhunderten, diese Magistratur wieder zu beleben, als die Volkstribunen vorschlugen, die Konsuln durch Konsulartribunen zu ersetzen, um den innen und außenpolitischen Schwierigkeiten Herr zu werden. Das Konsulartribunat hat in der römischen Republik als Element des Staates nur der frühen Republik eine Rolle gespielt, dennoch wirkte es wesentlich auf die Formierung der klassischen Formen des politischen Systems Roms.

INHALTSVERZEICHNIS

Vorwort	5
EINLEITUNG	7
KAPITEL I. DIE ENTSTEHUNG DES KONSULARTRIBUNATS	26
1.1. Terminologischen Fragen zur Bezeichnung des Amtes der Militärtribunen mit konsularischer Gewalt	26
1.2. Das Gesetz über die Bildung des Konsulartribunats	37
1.3. Die Ursachen der Einführung des Konsulartribunats in der römischen Verfassung	47
KAPITEL II. DIE POLITISCHEN UND RECHTLICHEN GRUNDLAGEN DES FUNKTIONIERENS DER MILITÄRTRIBUNEN MIT KONSULARISCHER GEWALT	63
2.1. Die Ordnung der Magistratswahl und die Vollmachtsunterbrechung der Konsulartribunen	63
2.2. Der Charakter der Magistratur <i>tribuni militum consulari potestate</i>	80
2.3. Der Umfang der Befugnisse der Konsulartribunen	97
KAPITEL III. DER QUANTITATIVE UND STÄNDISCHE ZUSAMMENSETZUNG DES KOLLEGIUMS DER KONSULARTRIBUNEN. DIE ANWENDUNG DES KONSULARTRIBUNATS	122
3.1. Die Zahl des Kollegiums der Militärtribunen mit konsularischer Gewalt	122

	199
3.2. Die Ständevertretung in der Magistratur der Konsulartribunen	138
3.3. Die Anwendung des Konsulartribunats im sozialpolitischen Leben der <i>civitas</i>	157
SCHLUSS	173
Literaturverzeichnis	179
Personenregister	189
Register der Fachwörter	192
Zusammenfassung	194

Дементьева Вера Викторовна

**РИМСКАЯ МАГИСТРАТУРА
ВОЕННЫХ ТРИБУНОВ
С КОНСУЛЬСКОЙ ВЛАСТЬЮ**

Компьютерный набор, верстка С.Д. Глызин

Лицензия код 221 сер. ИД №01831 от 22 марта 2000 года.
Свидетельство о регистрации № 612.032 от 28 марта 2000 года.
ООО «ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ»
111399, Москва, Федеративный пр-т 26, корп. 1, стр. 2,
тел./факс 302-91-95, 302-53-24

Подписано в печать 1.08.2000 г. Формат 60x84/16. Бумага тип.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. 12,5. Уч. изд. 11,38.
Тираж 500 экз. Заказ № 148

Отпечатано на ризографе
Ярославского государственного университета.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14